

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 37

ПЕРМЬ • 2025

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 37

ПЕРМЬ • 2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)64я54
Л55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.

Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» в рамках проекта
«Пермская библиотека» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (<https://mk.permkrai.ru/>).

**ПКОО «Союз писателей России» благодарит галерею «Марис-Арт»
за содействие в оформлении альманаха.**

Редакционная коллегия:
Главный редактор — В. А. Богомолов
Отдел поэзии — Н. Н. Глумов
Отдел прозы — М. К. Дуленцов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л55 **Литературная Пермь** : альманах. — Пермь : ПКОО «Союз писателей
России», 2025. — 184 с. — (вып. 37).
ISBN 978-5-6052610-4-9.

В оформлении альманаха использованы работы члена Союза художников
России, заслуженного художника Российской Федерации, почётного граж-
данина города Перми **Виктора Кузина**.

На обложке — «Яхты на Камском море», 1976. Бумага, акварель. Частное
собрание.

На шмуцтитуле части 1 — «Война», 1987. Холст, масло. ПГХГ.

На шмуцтитуле части 2 — «Чердын», 1963. Бумага, акварель. Частное
собрание.

На шмуцтитуле части 3 — «Пермь начинается», 1973. Бумага, акварель.
Частное собрание.

ISBN 978-5-6052610-4-9

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

9 мая 2025 г. — 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне
Владимир РАДКЕВИЧ. ВЕСНА РОНЯЛА БЕЛЫЙ ЦВЕТ ЧЕРЁМУХ. Стихи 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

ВРЕМЯ

9 мая 2025 г. — 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне
Валерий ВЯТКИН. ИСТОРИЯ, БЕРУЩАЯ ЗА ЖИВОЕ.
Жизнь и фронтовой путь Александра Игнатьевича Вяткина
(30 августа 1923 г. — 2 мая 1945 г.). Очерк 8

РОДИНА

9 мая 2025 г. — 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне
Надежда ВЕРШИНИНА.
КОМАНДИР НА ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ОГНЯ. Документальная повесть 32

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Светлана ЗАМ/ЕЛОВА. ГОРЬКИЙ. ДНИ БОЛЕЗНИ. Рассказ 37

НАСЛЕДИЕ

Виталий БОГОМОЛОВ. РУСЬ ПОД ПОКРОВОМ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА.
Две главы о Патриархе Тихоне из рукописи книги «Свет отражённый» 55

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Игорь ТЮЛЕНЕВ. С ДРУЖИНОЙ НОВЫХ ДНЕЙ. Стихи 21

ЗЕМЛЯ

Алексей МАЛЫЦЕВ. ФРОНТОВИК. Стихотворение 36

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Виктор РЫЧКОВ. КОРНИ РОДОВЫЕ. Стихи 47

Елена КОНЬШИНА. ХУДЕЕТ ЛЁД, ПОЛНЕЕТ ПРУД... Стихи 51

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Любовь СТАРЦЕВА (КОСОВА).
«ЗАМОК» НА ПРОРУБЬ. Рассказы из цикла «Рождество» 80

ВРЕМЯ

Фёдор СТАРИКОВ. АНДРЕЙ ПЕТРОВСКИЙ (2).
Глава из романа «Год рождения 1960» 84

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА СВОЕГО

Олег ЧЕРНЯК. ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ. Рассказ 90

ЗЕМЛЯ

Александр АБДУЛАЕВ. ДОЖДЛИВЫЙ ВЕЧЕР. Рассказ 93

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Наталья ГУМЕРОВА. Я СОРВАЛА РОМАШКУ МАМЕ. Стихи 103

СТУДИЯ «ТРОПА»

Елизавета ГИЛЕВА. ПОД ПРЕДАНЫЯ РУССКОЙ СТАРИНЫ. Стихи 110

Лада ОКУЛОВА. СЧАСТЬЕ. Стихи 112

Роман ОМЕЛЬЯНЕНКО. ДЕРЕВУШКА. Стихи 114

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРОЗА

КНИГОВЕРСИЯ

Владимир ГЛАДЫШЕВ.
СПАСИТИ МИХАИЛА! Опыты пристального чтения. Заметки 116

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Ирина ДУЛЬЦЕВА. ЛАС-ВЕГАС. Рассказ 130

Надежда МАЛЫЦЕВА. СОБИРАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ. Рассказ 133

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Игорь КРЕСТНИКОВ. «...И СОДРОГНЁТСЯ ДУШЕНЬКА
В ПЕЧАЛИ». Каков есть человек, или Книга, которую всю жизнь
пишет пермский писатель Виталий Богомолов. Интервью 156

СОБЫТИЕ

Игорь КАРНАУХОВ. ДОЛГОЖДАННЫЙ ПАМЯТНИК
ДОСТОЕВСКОМУ ПОЯВИЛСЯ В ПЕРМИ. Заметка 165

ПОЭЗИЯ

ВРЕМЯ

Николай ГЛУМОВ. РАСПАХНУТОЕ МГНОВЕНЬЕ. Стихи 121

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Алексей ГАЛУЗИН. ДРОЖАЛИ ВЕКИ ТЕМНОТЫ. Стихи 136

Вера МЕЛЕХИНА. КУДА ТЫ, ВРЕМЯ, ТАК СТРЕМИШЬСЯ? Стихи 142

Людмила НИКИТИНА (БАТИНА).
ИСКРЫ-СНЕЖИНКИ СЫПЛЮТСЯ С НЕБА. Стихи 145

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ВРЕМЯ

Людмила ГУЛЯЕВА. СУДЬБА РОССИИ. Стихи 149

ДРАМАТУРГИЯ

ЗЕМЛЯ

Сергей ТЕЛЕВНОЙ. ЖИТЬ РАДИ РАДИЯ.
Одноактная мелодрама периода частичной мобилизации 167

Владимир РАДКЕВИЧ

ВЕСНА РОНЯЛА БЕЛЫЙ ЦВЕТ ЧЕРЁМУХ. Стихи

СТИХИ О ПОБЕДЕ

Не только мир Победа возвестила —
 Она в одно мгновенье, наяву,
 Родным глазам сиянье возвратила,
 Цветам — дыханье,
 небу — синеву.
 Весна роняла белый цвет черёмух,
 И стало видно
 в свете той весны,
 Что нет людей чужих и незнакомых,
 Что все друг другу
 родственно нужны.
 А люди пели, плакали, кричали,
 И что-то говорили вразнобой,
 И ту Победу
 на руках качали
 В солдатской гимнастёрке над собой.
 На всех одно огромное богатство
 И счастье неразменное одно:
 Была Победа
 как предвестник Братства,
 Которое настанет всё равно.
 И для Земли,
 для голубой планеты,
 На части раздираемой пока,
 Придёт однажды
 мирный День Победы —
 Единственный, всеобщий, на века!

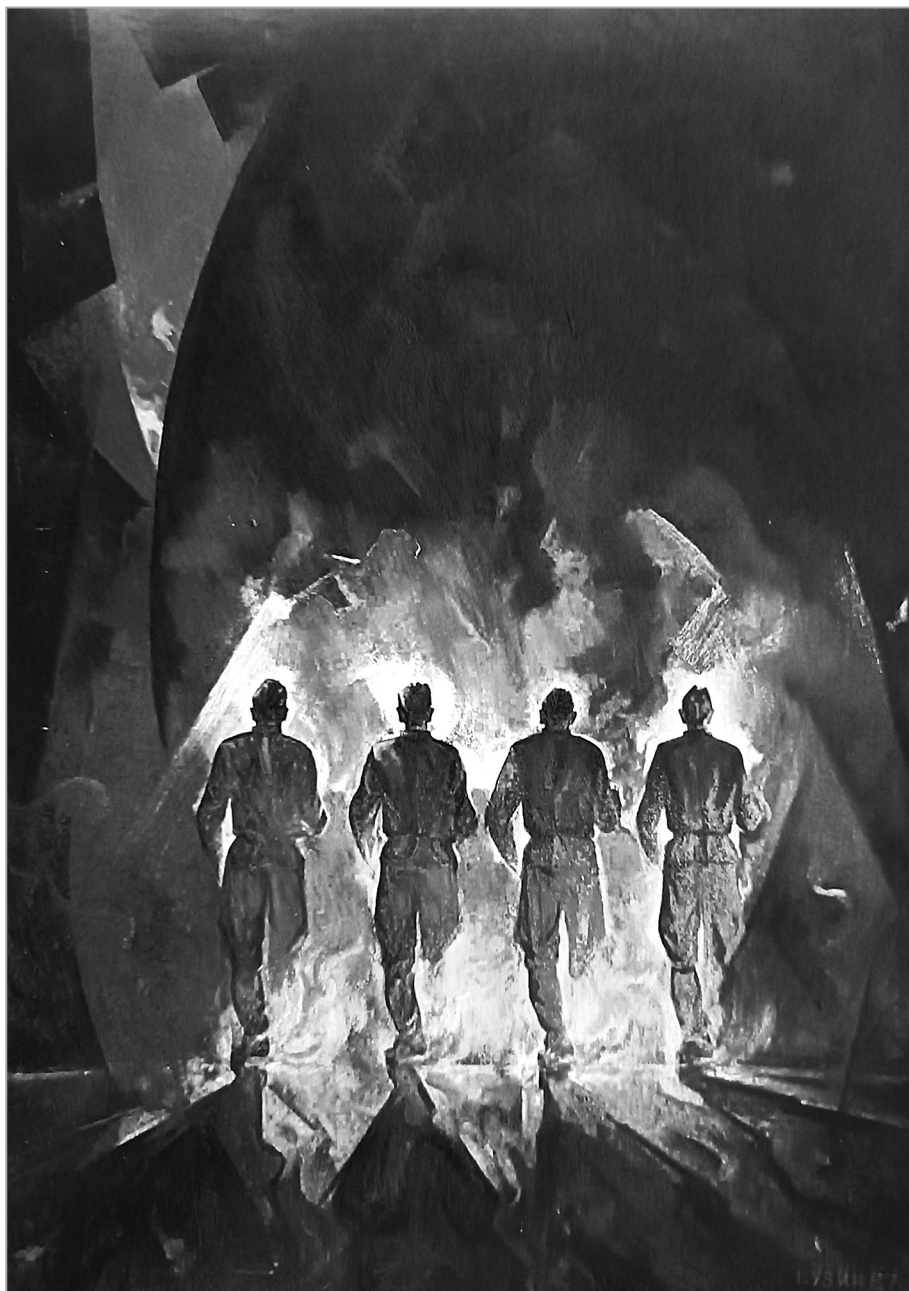
Владимир Ильич РАДКЕВИЧ (24.04.1927 — 07.06.1987, г. Пермь) родился в городе Белом Смоленской области. В 1941 году с семьёй эвакуирован в Башкирию. В 1943-м переехал в город Молотов. В 1949 году окончил историко-филологический факультет Пермского государственного университета. В разные годы работал инспектором областного отдела культуры, заведующим сельским клубом, литсотрудником в газетах «Лесник Прикамья», «Молодая гвардия», корреспондентом областного радио. Начал печатать свои стихи в 1947 году. Первый сборник стихов — «Добрый путь» (1951). Член Союза писателей СССР / России (1959). Большинство своих стихов посвятил человеку труда, любимому Уралу, Прикамью, природе. За многолетнюю плодотворную литературную и общественную деятельность награждён орденом Дружбы народов (1987), Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Умер 7 июня 1987 года. Занесён в Галерею Трудовой Славы Пермской области.

КАСКА

В болоте за Ржевом валяется каска.
Её облепила зелёная ряска,
И свастики крест не видать из-за вмятин,
Пробоин и бурых подтёков и пятен.
Когда-то владельцу она была внове,
Наденет — красиво и грозно — по брови.
В ней любо под грохот бушующей меди
Нах Вестен, нах Остен — к победе, к победе,
В добротной — поротно по Бельгии топать,
На ней не осядет окопная копать!
Быть может, ту каску видали в Париже:
Одни перед нею сгибались пониже,
Сжав зубы, другие припомнили снова,
Что всё ж «партизаны» — французское слово!
В те годы, в те грозы ничуть не померкла
Сталь каски фашистской в пожарах Дюнкерка.
Не в жёлтых песках Аравийской пустыни —
За городом Ржевом, в болотной трясине,
Та каска, ржавая, валяется ныне!

Пусть вспомнит об этом, кто сызнава в Бонне
Хотел бы её приспособить для бойни,
Подкрасить, надраить до блеска, до глянца
И снова — на голову новобранца,
И в спину прикладом — нах Вестен, нах Остен,
По старым дорогам, по новым погостам...

Часть 1

Валерий ВЯТКИН

ИСТОРИЯ, БЕРУЩАЯ ЗА ЖИВОЕ.**Жизнь и фронтовой путь Александра
Игнатьевича Вяткина (30.08.1923 —
02.05.1945). Очерк****Из крестьян в учителя**

В своей автобиографии он указал: «...родился... в семье крестьянина... Как до революции, так и после, родители мои занимались сельским хозяйством». Но в 1930-м родители его, Вяткины, вступили в колхоз: отец Игнатий Прокопьевич и мать Феоктиста Михеевна.

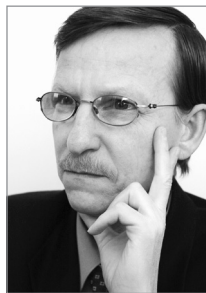
Местом рождения Александра стала деревня Кулёво Яранского района Кировской области. Согласно переписи населения 1939 года, в Кулёве проживало тогда 129 человек. Имелась деревянная Свято-Никольская часовня. И каждый год, 22 мая, для совершения молебна, в Кулёво приезжал священник. Деревни той ныне нет, но есть село Рождественское, к сельсовету которого и было отнесено Кулёво. Порой думается, что деревня всё же жива — в потомках тех, кто её некогда населял. Разрушается только форма, давая новую жизнь содержанию, освобождая его навсегда.

Семья Александра была многодетная. Имел пять братьев и шесть сестёр. Но четверо детей в семье Вяткиных скончались в дошкольном возрасте, что не могло не влиять на мировосприятие Александра. Достаток семьи был незавидный. Но множество домочадцев — тоже ведь благо.

В 1930 году, в семь лет, как и полагалось, Александр поступил в начальную школу в Кулёве. Затем перебрался в Яранск, став учеником средней школы. И было ясно: в хлебопашцы не метил. Колхозная деревня отпускала его от себя: восходящая мобильность была реальной и в советском обществе.

Учась в городе, вынуждался снимать жильё в частном доме. Какой обернулось это платой — нет ответа.

Из восьмого класса он перешёл в Яранское педучилище. (Неполное среднее образование в СССР тогда предполагало семилетнее обучение. — В. В.) Недостаток средств к существованию требовал скорейшего трудоустройства, требовалось зарабатывать хотя бы на скромное житьё. Но нужна была и квалификация.

Валерий Викторович ВЯТКИН родился в 1956 году. В 1978-м окончил Пермский государственный университет (ныне — Пермский государственный национальный исследовательский университет). Кандидат исторических наук. Автор девяти книг. Член Союза писателей России (2003). Живёт в городе Перми.

Не надо думать, что в той крестьянской семье все дети получили добротное образование. Так, брат Александра — Виктор (отец автора настоящего очерка) учился лишь четыре года. Александр же, явив немалые способности, пошёл отдельным путём. К тому же, будучи старшим сыном, имел к себе особое отношение. Другим исключением в семье Вяткиных стала сестра его Юлия, поступившая в Учительский институт. Более существенного результата добились внуки Игнатия и Феокисты (их одиннадцать): шестеро обрели высшее образование, двоим из которых присвоена учёная степень кандидата наук. Не вызывая к себе симпатий, советское государство предоставило народу гораздо больше, чем царская Россия, и требуется рассудительность в его критике...

В 1940 году Александр стал комсомольцем. А возраст предполагал беспечальное мироощущение. Кинотеатр «Прогресс», городской сад, берёзовая роща — любимые места отдыха яраничей — притягивали к себе и его. В одном лишь шелесте листьев — столько слышалось обещаний!

Предвоенные годы были полны романтикой. Достижения советских лётчиков восхищали едва ли не всех. У пионерских костров (и не только) распевали песню «Гренада», мечтая о счастье во всём мире.

Но уже тогда жизнь испытывала Александра на прочность. В 1940-м, заболев тифом, скончался отец Александра — Игнатий Прокопьевич. Отца похоронили в Яранске.

В Европе уже шла война. Газеты и радио передавали тревожные вести. Небо становилось всё мрачнее...

Яранское педучилище, открытое в предвоенную пору, размещалось в зданиях на улице Карла Маркса. Обучение было рассчитано на три года. Но он сразу стал второкурсником, как проучившийся в школе свыше семи лет.

Диплом об окончании педагогического ему вручили 21 июня 1941 года. А «завтра была война», как называется один из советских фильмов. И невольно подумаешь: сколь кратким было веселье у молодёжи тех лет.

К началу войны действовал закон 1939 года «О всеобщей воинской обязанности», согласно которому лиц, имеющих среднее образование, призывали с 18 лет. (В дальнейшем, из-за военной экстремальности, призывной возраст был снижен до 17. — В. В.). Так что до 30 августа 1941-го призыв ему ещё не грозил. Но вряд ли он боялся мобилизации. Многим тогда хотелось защищать Родину.

Работал учителем начальных классов в селении Половинно-Овражское Яранского района, расположенном на тракте Яранск — Санчурск: в тридцати километрах от райцентра. Здесь и поселился. Его педагогическая деятельность началась 15 августа 1941-го. И важно не упустить: в тот день ему не было ещё и восемнадцати. И можно дивиться столь нежному возрасту педагога. Но для малышни — его учеников он был, разумеется, «дядя». Да и полновесных классов, с которыми работать сложнее, в деревеньке быть не могло.

Не только в школе работал он. В 1942-м привлекался к лесозаготовкам. На нелёгкое это дело гнали тогда и девушек. Людей в стране не жалели, продолжая давнюю историческую традицию.

В Половинном Александро познакомился с той, с кем, вступив в брак, прожил перед уходом на фронт около года. Женится

в 1942 году — всего лишь в девятнадцать лет. «Как рано он завёл семью!» — напевали иные в советском прошлом. Но догадывался ли он, что рано связал себя узами брака? Как бы то ни было, в одном из фронтовых его писем к супруге есть признание: «А ведь верно говорили, что женатому в армии трудней. Сердце беспокойное. Оно б и спокойнее было, если бы жизнь твоя была обеспеченная». Так оно и было: в тылу чаще бедствовали.

Супруга его, Манефа Георгиевна, имела лишь начальное образование. В годы войны горбатилась в колхозе, выполняя и женскую, и мужскую работу. Было и ей неимоверно тяжко.

Но пришла радость: 3 февраля 1943-го у них родилась дочь Люся (Людмила).

Учителяствуя в сельской школе, Александр имел весьма скромный оклад — лишь 190 рублей в месяц. Но что же цены военной поры? Факты, дающие ответ, безусловно, находятся. Осенью 1942-го стакан проса на рынке в Горьком (сейчас Нижний Новгород) стоил 25 рублей, литр водки — 450. И вправду не разбежишься. Хотя в деревне всё было дешевле.

Но он претендовал не на многое.

В другом письме Александра к супруге имеется фрагмент, гласящий о бедности, в которой жили тогда на селе: «Алексею Макарычу отдай за лапти... чекушку (маломерная бутылка водки. — Прим. авт.)...» Приходилось носить и такую обувь. Но был у него велосипед. И затрудняешься в оценке его материальных условий, как в характеристике всего советского общества. Противоречивые наблюдения обстоятельства.

Тем не менее, факт остаётся фактом: был и он обречён на тяготы, вызванные нашествием врага, причём вовсе не тривиальные. У одного из яранских краеведов есть обрисовка сельской школы военной поры: «...не хватало учебников, не было чернил, бумаги, поэтому писали на амбарных и старых книгах между строк. Было холодно, голодно». Чернила изготавливали из свёклы или сажи. Продовольствие учителям давали, но суший мизер: 10,8 килограмма муки в месяц (членам же их семей — иждивенцам — 3,6 килограмма).

В иных школах учеников всё же кормили, но очень скудно: жидким картофельным супом или «заварихой» из муки.

О разных сторонах того мучительного бытия вспоминали яранские старожилы. Весной на полях искали не убранную по осени картошку. Хлеб был часто с примесью травы. Привкусом слёз и горя отдавал тот чёрный, насилу достававшийся хлеб. Ели нередко и лебеду. Не было совсем мыла...

Лучшее посылалось в действующую армию. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» выполнялся вне всяких сомнений.

Резкий поворот

Многое в его судьбе казалось предсказуемым. Но в девятнадцать своих лет, в конце 1942-го, он вдруг приобрёл судимость. Причиной, как рассказывала сестра его, Серафима, стал конфликт с председателем колхоза.

В то время жена Александра была на последних неделях беременности, а 1 января 1943 года он должен был уйти на фронт. Александр понимал, что его ждёт: в деревню уже приходили похоронки.

И в обстановке, когда остро не хватало элементарных продуктов питания, забота о семье стала главной его думой. Хотелось быть уверенным, что семья выстоит и в его отсутствие. Получив повестку, он пошёл к тому начальнику — просить о продовольственной помощи ради будущего ребёнка. Но услышал категорический отказ, и, надо думать, в грубой довольно форме. Не обнаружив в председателе человечности, выйдя на улицу, Александр бросил камень в его окно — при всём том, что односельчане считали его скромным и спокойным. Звон разбитого стекла стал прелюдией к беде.

Уместно полагать: позиция и личность председателя, сама ситуация в сельской местности тогда и спровоцировали Александра. Глубоко равнодушный, он был, возможно, в состоянии аффекта.

Дальнейшие события вполне понятны. Приехали из яранского отделения НКВД, и Александра арестовали. Был суд, и был приговор. Отправка на фронт откладывалась до освобождения, помочь семье ему не удалось.

Но хулиганским поступок Александра не назовёшь: то было выступление против власти. Став очевидцем коллективизации с пагубными её последствиями, слыша раз за разом разговоры о зле колхозного строя, видя другие крайности советского режима, будучи рассудительным, он не мог не проникнуться протестными настроениями. Гнев Александра был праведный. И суд над ним бросает тень на советский режим.

Примечательно ещё одно из его фронтовых писем: «...страна создала нам все условия... питаюсь так, как, пожалуй, не питается ни один из нашей деревни колхозник...» «Условия» фронтовикам обеспечила страна, утверждал он, но не государство, не советская власть, не коммунистическая партия. И под страной он понимал простых тружеников, отдававших фронту последнее. Слышна в приведённом отрывке и антиколхозная коннотация.

В 1944-м, тоже в письме с фронта, он открыл: «Перенёс и унижения, и различные невзгоды, и лишения...» Тогда же задумался о снятии судимости, попросив Манефу взять в Яранске копию судебного приговора. Сам же обратился к яранскому прокурору, но ответа не дождался...

Если и говорить о его вине, то доблестной службой на фронте, о чём далее пойдёт речь, героизмом в канун гибели он сполна оправдал себя. Но разве нужна реабилитация тем, кто выступал против советской власти, принёсшей народу столько страданий, кто претерпел мученичество, защищая Родину?

На фронт

Наконец Александра освободили, и 25 марта 1943-го он направился в действующую армию. Дочери было тогда меньше двух месяцев. Перед уходом, глянув на неё, он едва сдержал слёзы, коими наполнялись его глаза, рассказывала позже Манефа Георгиевна.

Незадолго до этого завершилась Сталинградская битва, и успех Красной армии несколько ободрял.

И вот, с другими мобилизованными, Александр покинул Яранск. Преодолев 140 километров, сначала добрались до города Котельнича, расположенного на железной дороге. Но ехали четыре дня. Лишь о гужевом транспорте можно здесь говорить. Советские граждане на

многое и не рассчитывали: примеров бедности было хоть отбавляй. Отсталость от передовых стран не была полностью преодолена. Хотя автомобиль-грузовик на улицах Яранска не был в канун войны диковинкой.

Позже на пути том иной вспоминал «Эх, дороги...» — песню, сочинённую в 1945-м Анатолием Новиковым и Львом Ошаниным. В ней и про пыль дорожную, и тревоги, неизбежные для путника, когда дальнейшее непредсказуемо. «Может, крылья сложишь?..» — поётся в той песне, что было сродни думам мобилизованных.

Гравийный тракт в Котельнич проходил преимущественно лесом: петлял и петлял, чтобы утомить путника. Наконец вырывался на просторы, и становилось ясным: приближается Котельнич, приближается неизведанное. И путник испытывал волнение, которое сложно унять.

Немало кто грустил на том тракте, навсегда покидая родной Яранск и позже Великой Отечественной, чтобы жить в мегаполисе: учиться в вузе, работать на крупном предприятии...

«Доехал до Котельнича хорошо», — писал Александр оттуда, с вокзала, 30 марта.

В пути было три ночёвки. В Котельниче их водили в баню, снабдили продовольствием.

«Нас повезут через Шахунью на Горький, а там неизвестно, что будет», — поведал он супруге. Неопределённость, конечно, томила. И вот новые чувства девятнадцатилетнего паренька: «Но ничего, я покуда немного успокоился. Но всю дорогу видел тебя во сне. И вот уже далеко от своей стороны...» («О Русская земля! Уже ты за холмом!» — есть такое, созвучное настроению Александра, в «Слове о полку Игореве».)

В тот же день, 30 марта, отправляя по железной дороге, их посадили не в теплушку, что привычно видеть в фильмах о той войне, а в пассажирский поезд, чтобы везти действительно в Горький — на военно-пересыльный пункт. Выехали поздним вечером.

Под стук вагонных колёс, слушая свистки паровоза, вспоминалось, несомненно, о многом — о родных краях, оставленной семье. И терзал вопрос: смогу ли вернуться обратно?

На другой день, 31 марта, в час дня, они были уже в Горьком. По нынешним меркам поезд отнюдь не спешил, что для многих отдавало трагическое — момент их гибели на фронте.

По прибытии в Горький всех сразу определили в формирующиеся воинские части. С товарищем «Колькой» они ехали вместе. И попали в одно подразделение, но в разные роты.

Пребывание в крупном городе он тоже постарался обрисовать: «Питание приличное. Кормят три раза в день. Живём в хорошем доме». Но нет ли здесь понятных преувеличений? С другой стороны — более важной, всё было гораздо хуже. В Горьком у него украли документы — «вытащили», как выразился он. И Александр оказался в критическом положении. Но этого мало. Однажды попал «в такую среду, что и голову недолго было потерять», рассказывал он своим присным.

Криминал времён той войны — отдельная, разумеется, тема. Уровень преступности тогда подскочил. Нравы ожесточались — и были плоды.

Между тем 1 апреля начались их военно-учебные занятия.

И вот просьба Александра, обращённая к жене в ту пору, — довольно неожиданная строчка: «Если можно, пошли... рублей пятьдесят... Ответ буду ждать с большим нетерпением». Внушает далее: если же случится «водополь» (весенний разлив рек, когда прекращалась связь с райцентром), то деньги посылать не надо. Напрашивается вывод: он очень тогда нуждался, но не желал семье дополнительных тягот...

Был ещё один повод грустить: за все дни учёбы в Горьком к нему не пришло ни одно письмо. Тревога за домашних росла с каждым днём.

А 25 апреля, на одной из железнодорожных станций, он писал жене: «...поехали на фронт — неизвестно куда». Неопределённость вновь угнетала. О весточках от родных и близких он только мечтал. «Может, и приду (вернусь домой. — В. В.)», — завершил Александр то послание супруге. Уверенность остаться в живых будто бы таяла. Процесс возмужания воина лишь начинался.

«И вечный бой! Покой нам только снится...»

«Сейчас подъезжаем к Москве», — сообщал он в письме, датированном 28 апреля. Получается, из Горького до столицы добирались около четырёх суток, тогда как ныне поезда преодолевают этот отрезок менее чем за шесть часов.

Корреспонденция из дома (единственная за последние три месяца) к нему пришла лишь на излёте июня, принесла и немалую печаль: в тылу жилось откровенно несладко.

Но какие пред ним открывались перспективы? На одном листе документа, оформленного Военно-пересыльным пунктом, где, в том числе его имя, из четырнадцати военнослужащих двенадцать указаны как имеющие судимость. И возникает вопрос: не грозило ли этим лицам угодить в одну из штрафных рот, что бросали без жалости на тяжелейшие участки фронта? А отступать было нельзя: за спиной находились заградительные отряды: в отступающих стреляли, исполняя сталинский приказ «Ни шагу назад». Чтобы оставаться в живых, следовало побеждать врага, причём в каждом бою. И штрафники нередко становились героями.

Однако о первых двух месяцах пребывания Александра на войне сказать что-то конкретное не удаётся.

Но доподлинно известно, что весной — в начале лета 1943-го 305-я стрелковая дивизия, в которую зачислили Александра, устраивала оборонительные рубежи на линии Воронежского фронта.

Шестого июля 1943 года он обозначил как день перед выездом в район боевых действий. Предстояло быть наводчиком артиллерийского орудия в той же стрелковой дивизии.

Но 11 июля, участвуя в битве на Курской дуге, рядовой Александр Вяткин оказался вместе с однополчанами в окружении вблизи Курска (11-е число в документах указывается в качестве даты «выбытия»). Родных оповестили о пугающем, страшном: «Пропал без вести». И всё же удалось прорваться к своим. И 25 июля, сбросив с себя тяжелейший груз, он послал письмо домой.

Без подлинного героизма и беспредельного мужества вырваться из окружения наверняка бы не удалось. Нет сомнений: имел место впечатляющий подвиг, как и в других критических ситуациях. Сам же,

в письме к супруге, высказался однажды весьма сдержанно: «...попал в переплёт, так что едва ноги унёс. Но всё это пустяки». Александр, конечно, знал: военную информацию передавать запрещалось. Да он и не был склонен представлять себя героем.

Но после того как Министерство обороны рассекретило сведения о той войне, они полилась рекой. В частности, стало известно, что в августе того же 1943 года 305-я дивизия участвовала в Белгородско-Харьковской наступательной операции.

Но с 29 сентября 305-я была выведена в резерв Ставки Верховного главнокомандующего. К участию же в боевых действиях вернулась в середине ноября.

В конце 1943-го Александр оказался уже в другой боевой части — 1593-м истребительно-противотанковом артиллерийском полку 38-й армии 1-го Украинского фронта.

Какой-то срок исполнял в полку обязанности делопроизводителя артиллерийского парка: начальство видело в нём достаточную образованность.

Но работа делопроизводителем — лишь одна из граней пребывания Александра на войне. Главное, конечно, происходило на передовой, где он показал замечательные морально-волевые качества, о чём говорит, в частности, медаль «За боевые заслуги» — одна из первых наград Александра на войне.

Вот пример его действий на фронте. Выполняя приказ командования, 30 декабря 1943 года Александр выявлял обеспеченность боеприпасами батарей своего полка. На одном из участков тыла он обнаружил двух гитлеровцев с рацией, служившей для корректировки огня своих батарей. В приказе командира полка Героя Советского Союза полковника Павла Щербинко сказано: «Не растерявшись, Вяткин двумя выстрелами убил обоих гитлеровцев, а рацию доставил в часть». Но в письмах своих умолчал (вынуждался молчать) и об этом.

Боевые его заслуги всё так же не упускались из виду. И он обретал новые награды. Пятого января 1944 года ему вручили медаль «За отвагу». Затем последовали другие поощрения. Но ни одна награда или поощрение в письмах его домой не упоминается. Защищая Родину, он не считал себя героем, как и другие, подобные ему.

Но подчас не хватало психологической устойчивости: война, естественно, изматывала, вызывая растущую усталость. «Если придётся жить и дальше...» — содержится в его февральском письме за 1944-й. Но вера в Победу продолжала приносить свет в его душу, придавая всё новые силы.

Запускается также служебный рост. В конце 1943 года он имел звание старшины.

Фотография, на которой он в погонах старшины, датируется мартом того же 1944-го. Но как неказисто выглядит его гимнастёрка: будто бы только что вышел из боя. И нет на той гимнастёрке ни одной боевой награды, а они уже имелись. Ту фотографию, выполненную вблизи Бердичева Житомирской области, Александр прокомментировал: сделана после болезни — «вышел очень худой, как говорится по-украински, “поганий”». Перенёс воспаление лёгких: немощь длилась полтора месяца. Но в СССР уже создали пенициллин, которым лечили и пневмонию. В 1944-м как раз и началось массовое применение сего лекарства на фронте, принесшего

спасение огромному числу солдат и офицеров. Но возникает вопрос: не от ранения ли он лечился?

Получая, как и все военнослужащие, денежное довольствие, он стал посылать деньги семье, что тоже стало значимой переменной. Старшине тогда платили 150 рублей в месяц. Но в марте 1944-го он передал: выдают 280, что позволяет думать о его служебных успехах. Часть этой суммы, превышающей его учительский оклад, он тратил на покупку еды. Домой же отправлял больше, чем приобретал за месяц, — по 300 и 450 рублей: приходилось копить деньги. Возможности помогать он, разумеется, радовался.

Рассуждая о том, что уже испытал, Александр заявил 25 мая: «...пока жизнь не обошла меня... добился... приличной жизни и уважения, а [что] впереди — неизвестно». (Судьба — изменчивая, говаривал он.) Услышав такое, иной удивится: «приличное» бытие в условиях военных ужасов и всяческих лишений?

Было ему тогда уже двадцать, и с юношеской ментальностью он расставался. Война сокращает сроки взросления.

Откровения его всё более впечатляют. Вот что передал он домой 26 мая: «Окно, у которого сижу и пишу, как раз выходит на восток. И воображаю, что где-то там, далеко, за тысячи километров живёте вы. Дочка бегает, кричит, зовёт меня, папу. Но ничего, дочка. Нужно ещё дальше продвигаться на запад, тогда дорога домой будет короче, то есть разбить гитлеровскую свору».

Внутренние горизонты его расширялись. В те дни он исповедался супруге: «...не найдёшь себе такой минуты, чтоб успокоиться... и точит [душу] какой-то невидимый червяк, и думаешь: когда это всё кончится. Ну, неправда: прикончим же когда-нибудь всю эту мразь, то есть ненавистного врага».

Уверенность в благополучном исходе и вправду росла. Когда полк его находился под Львовом, 25 июля, он процитировал для супруги песню: «Одержим победу, к тебе я приеду». Песня та — «Ты ждешь, Лизавета» — прозвучала в кинофильме 1942 года. «Эх, как бы дожить бы...» — звучит в ней особенно волнующе, что наверняка напевал и Александр. Но возникает вопрос: когда же посмотрел он фильм или услышал ту песню?

Размышления на мирные темы его и впрямь не покидали. «Наверное, уже убираете рожь», — заговорило в нём крестьянское происхождение, когда писал как-то летом домой.

В 1944-м, 16 апреля, он поздравил Манефу с Пасхой, затем — с Троицей. Автор настоящего очерка обратился к пасхалии — проверил дату. Ошибки не оказалось: Пасха в 1944 году действительно выпала на 16 апреля (по православному календарю).

О религиозном его настрое говорит и упоминание именин, пришедшихся у него на день Александра Невского, тоже воина. С членством в комсомоле это не вязалось. Но в годы войны верующими становились и некоторые коммунисты: правда, не разберёшься, какая их часть. Сложно такое оценивать. Религиозность при экстремальных обстоятельствах — отдельная статья: в мирной обстановке она могла и исчезнуть. Применительно к Александру всё это можно аттестовать и как уважение к культурной традиции. Ведь в те же дни он намеревался стать кандидатом в члены атеистической организации — ВКП(б). Причём был уверен, что примут:

влиять его авторитет и боевые заслуги. Но военные пертурбации отдалили от партии.

Как бы то ни было, не нам судить их, чью судьбу охватило пламя...

Между тем ситуация на фронте всё более обнадёживала, и 30 июля он информировал о своём участии в Львовско-Сандомирской наступательной операции, не забывая, впрочем, о скромности: «Гоним фрицев беспощадно... Позавчера выбили из Львова, а вчера уже взяли Перемышль... и я выполнил часть работы по разгрому немцев, но очень-очень малую...» Далее новые подробности: «Приходится... ездить по делам службы в разные места. Живём... как придётся: когда в деревне, когда в лесу, а когда... в чистом поле... Какова моя жизнь? Она, кажется, и неплохая. Но мне она уже осточертела... Завёл, правда, себе друга... из одного котелка суп, кашу едим...»

В начале августа он поведал об участии в новой военной операции: «Сейчас мы освобождаем наших братьев-славян — поляков...»

В отношении к другим народам раскрывалась широта натуры Александра. Фронтowym же его другом, уже упомянутым, стал армянин с Кавказа. И здесь не исчерпывающий перечень примеров.

Покинув Польшу, он побывал в Германии: одно сражение следовало за другим.

Находясь на немецкой территории, Александр разяснял с не покидающей его скромностью: иногда «приходится залазить в окоп, но это всё ничего не значит, это всё пустяки. Только бы всё пережить — это главное».

В свободную минутку удавалось обращаться и к книжным текстам. «С каким интересом я прочёл её ещё раз!» — восторгался он пьесой Антона Чехова «Медведь», как бы подчёркивая свои эстетические предпочтения. Духовный мир участников войны — он многое очень охватывал: мечтали не только о родном пепелище. Одними сражениями жизнь фронтовиков не истолкуешь. И в самом деле, планида их не только пропахла порохом.

Между тем боевой дух его креп. «Гоним немцев, как собак», — извещал он 18 сентября. Гнали (в том месяце) в ходе наступления, продлившегося до 26 сентября и причинившего противнику громадные потери.

Наконец, заметив его способности и воинское усердие, в октябре того же 1944-го Александра направили в офицерскую артиллерийскую школу. Невзирая на судимость, начальство доверяло ему.

«Стану командовать пушками и людьми», — объяснял он супруге. Учёба длилась три с половиной месяца. Занимались поурочно по восемь часов в день. А вечерами к занятиям готовились, выполняя самостоятельно те или иные задания. «Мозгами приходится ворочать», — излагал Александр.

Во время учёбы он обнаружил удивительное: в числе его соучеников оказался тот, с кем Александр учился в 8-м классе и снимал вместе жильё в Яранске. Вдали от родного края — немало был Александр утешен.

По окончании школы, в середине февраля 1945 года, в чине младшего лейтенанта, он стал командиром огневого взвода в той же противотанковой артиллерии. Опубликованные ныне документы дают знать: то был 1973-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк 1-го Украинского фронта. 10 апреля он воевал

ещё в Германии, находясь там, где было особенно горячо. «...Жизнь связана с опасностью и со всякими неожиданностями, да и притом не где-нибудь, а всегда: в поле и в земле, — осведомил он супругу в апреле. — Но ничего. Сердце радуется, что близится час окончательной победы». «Третий год разлуки...» — как это тяжело, сознался он в том же письме. — «И когда же настанет самый радостный день для меня, день встречи?..» Александр верил, что обязательно настанет и «надолго запечатлеется в памяти», как сформулировал сам. Но 2 мая 1945-го последовала трагическая развязка: он был убит в жесточайшем бою — в пределах уже Чехии, в северо-восточной её части, на территории Моравско-Силезского края. Фашисты в конце войны отчаянно сопротивлялись. Земля обильно поливалась кровью.

Погиб за несколько дней до Победы. И не можешь ныне сдерживать себя: ещё бы немного, ещё бы чуть-чуть... Лишь двадцать один день ему тогда. Какая короткая жизнь!словно падение звезды с небосклона...

Там же, в Чехии, завершал свой боевой путь уже упоминавшийся брат Александра — Виктор («Братишкой» ласково называл его Александр, будучи старше на два года.) Но братьям не суждено было встретиться, хотя во время войны они переписывались, нуждаясь друг в друге...

В извещении, подписанном яранским райвоенкомом, гвардии подполковником Полуэктовым, про Александра Игнатьевича сказано: «...похоронен с отданием воинских почестей на офицерском кладбище...» Документ был адресован не Манефе Георгиевне, а матери Александра — Феокисте Михеевне. И нужно свято помнить: чудовищному удару подверглись матери в ту годину! К иным пришла не одна скорбная весть, и каждая падала тяжелейшим камнем на грудь.

Любящий муж и отец

Письма Александра — многоценный исторический источник, богатейший материал, раскрывающий душевный мир фронтовика, пополняющий наше представление о Великой Отечественной.

Что ни письмо, то новые детали из жизни воина, и ярким предстаёт его образ, обнажаются пласты его личности.

«Писал на коленке», — признался он однажды. Читаешь — и приближаешься к той эпохе в мыслях: и будто бы слышишь окрики часовых и чуешь дым паровозов. И многое ложится на память. И она не даёт временами покоя: перебирает те письма с тревогой и болью, будто бы их адресовали тебе. И точно стелется дым пожарищ...

С внешней стороны, корреспонденции те — довольно специфическое наследие. Иные письма, из-за отсутствия чистой бумаги, Александр начертил на различных бланках. При передвижении же поездом покупал на станциях почтовые карточки, чтобы строчить на них краткие весточки родным.

С 1944 года он пользовался уже военными почтовыми карточками с изображением герба СССР. «Смерть немецким оккупантам!» — значилось на них в качестве эпиграфа. Без штампа «Проверено военной цензурой» здесь не обходилось. Верх и низ карточки снабжались жирной линией с надписью «Выше (ниже) черты не писать». Словно иллюстрировался тоталитарный режим с его ограничениями и запретами.

В том же 1944-м прислал письмо и на трофейном листке: «Feldpost» — указывалось на нём (в переводе с немецкого — полевая почта). (Таким образом, миф о том, что к концу войны Красная армия была хорошо обеспечена, развенчивается. Выше отмечалось, что Александр покупал себе и еду.)

Военных подробностей в таких корреспонденциях явно недостаёт, ведь каждое письмо подвергалось строгой проверке. О своём местонахождении он обычно умалчивал: указывал номер полевой почты — пять цифр и литеру. (О районе дислокации воинской части сообщать запрещалось.) Но о том, где служил в текущий момент, можно догадываться. «Живём в хатах (избах)», — сообщал Александр в конце 1943 года. И было ясно: судьба закинула его на Украину. Опубликованные ныне документы подтверждают: именно там вёл бои его полк в данный период.

Но чувства в его письмах находили себе простор. И разве этого мало? Сражения освещены уже обильно, а вот душевный мир бойцов — далеко не сполен.

Связь с Половинным была, однако, непостоянной. В 1943-м обнаружилось, что к родным Александра четыре месяца не приносили его посланий, хотя он высылал их регулярно. Письма из дома приходили тоже с опозданием: полевая почта не всегда успевала за движущимися войсками, и случалось, что к нему приходило зараз более десятка корреспонденций, столь дорогих ему.

При задержке вестей от супруги думалось, конечно, о разном. Александр не забывал, к примеру, что нескольких его сослуживцев, получивших отпуск, жёны отказались принимать, отрезав запросто: «Убирайся!» (Отпускали, на короткий срок, лишь призванных из районов, близких к линии фронта.)

Чтение посланий Манефы и составляло лучшие минуты пребывания Александра на фронте. Попросив её прислать семейную фотографию, он не скрыл, что примет это за единственную свою радость.

Когда же писал домой, не сдерживал себя в излиянии трепетных, тёплых чувств, адресованных и жене, и дочери: они для него были неразделимы. И в каждом письме он обращался непременно к обоим.

Отцовские эмоции порой обострялись, и он активно выражал их: «А дочке Люсе особый привет. Чтобы росла большая и скорей бы начала бегать и говорить». И шли новые «любовно-отеческие» приветия «крошке-дочке».

Уехав на войну, он уже через полтора месяца признался: «...Как я соскучился! Хоть одним глазом поглядел бы [на вас] и побыл бы дома одну лишь минутку». И этот порыв лишь креп в дальнейшем. В феврале 1944 года от него услышали подобное: «...так бы и поглядел я на вас». Читая такое, вспоминаешь «Последний бой»: «Четвёртый год нам нет житья от этих фрицев... А я в Россию, домой хочу...»

О делах домашних хотелось знать чуть ли не всё. «Почему ты о себе ничего не пишешь? Как хоть ты живёшь?..» — спрашивал он однажды жену, догадываясь, что дела на Родине незавидны. Волнительные случались мгновения. Наконец ответ приходил, и он вновь делился сокровенным: «Из твоего письма я кое-что узнал о твоём житье. И очень меня опечалили эти известия». Но призывает Манефу писать чаще: прочитай твоё послание, «словно с тобой поговорю и дома побываю». «...В жизни нашей та и радость, и светлое время, что

помыслишь и помечтаешь», — делился Александр и этим, представляя себя далеко не ординарным, несмотря на ранний возраст.

Супругу свою он ревностно оберегал от эмоциональных перегрузок — чтоб не «затушила», как изъяснялся сам. Профессиональный педагог, он понимал и женскую психологию. Уведомив, что подвергся «проборке» от командования, тут же стал Манефу успокаивать: «Но начальник мой — человек неплохой, так что живу я... можно сказать, очень хорошо... в тылу, в 15–20 километрах от передовой». Правда всё ж прорывается наружу: «Но иногда приходится бывать и там...» И вновь успокоительная нотка для любимой: «Но это случается редко».

В другом письме то же желание — отвести жену от чрезмерных переживаний: «Подумаешь, что нас уже повезут на фронт. Нет, остаёмся там же...» И так раз за разом. К себе же сочувствия не искал.

«Живу хорошо...» — звучит в его письмах рефреном, хотя на фронте было мучительно и жутко. Однажды всё ж не сдержался: «Но разве можно назвать хорошей солдатскую жизнь?»

Иные слова для Манефы он извлекал из самой глубины души, и они дышали подчас поэзией: «Жизнь наша с тобой будто привиделась во сне». А расстояние меж ними росло: Красная армия продвигалась всё дальше на запад. Бои же становились всё более ожесточёнными. Как тут не вспомнить другую песню о войне — «В землянке»: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага». Авторы её — Константин Листов с Алексеем Сурковым — многое поняли и прочувствовали.

Забота о семье не покидала его. И вот новое трогательное обращение к супруге: «...не жалея вещей, запасай хлебушка на зиму, а там видно будет...» Уговаривал её продавать всё, что пожелает, включая принадлежащее ему лично. «Досталось ли хлеба на трудодни?» — спрашивал в другой раз. О том, что в тылу голодают, Александр признавал с болью в сердце.

И вновь хочется сказать про него: глубокий не по летам человек.

Что ни строка его, то новый поток нежности: «Крепко целую, и целую, и целую... несметное количество раз...» В нём было много нерастратченной любви. И «чашка» его осталась недопитой...

В мире, спасённом героями

9 мая 1962 года дочь Александра Игнатьевича Людмила посетила воинский мемориал в чешском городе Опава, где покоятся останки её отца, других советских воинов, погибших в Чехословакии. На могиле Александра Игнатьевича она увидела невысокий обелиск с изображением красной звезды и яркие живые цветы, что поднимались из земли.

Радующие жителей Опавы она испытала на себе: «доброжелательные», они «надарили [ей] целый чемодан одежды», рассказывала Людмила Александровна. В день её приезда в Опаве (как и в других местах Чехословакии) вспоминали о Победе. Почтили память и погибших советских бойцов, освобождавших страну от фашистской оккупации. В почётном карауле на кладбище, где они похоронены, стояли пионеры. Военные произвели салют из стрелкового оружия.

Но позже «пражской весны» 1968 года — периода демократических преобразований в Чехословакии, обернувшегося, по инициативе советского руководства, введением в страну войск социалистических

стран, в первую очередь войск СССР, чехи — знакомые Людмилы Александровны, организовавшие её прибытие в Опаву, перестали отвечать на письма. И очень сомнительно, что цветы на могиле Александра Игнатьевича растут и ныне. Несмотря на соответствующие российско-чешские межправительственные соглашения, о перспективах советских воинских захоронений в Чехии можно беспокоиться и сейчас...

Спустя восемнадцать лет после Победы, в 1963 году, по той же дороге Яранск — Котельнич отправилась и Людмила Александровна, чтобы, следуя по стопам отца, поступить в педагогический институт в Перми, где многое её ожидало: и незабываемое студенчество, и исследовательская работа под руководством мэтра в науке — профессора Вольфа Мерлина — работа, что завершилась защитой кандидатской диссертации по психологии. Было и знакомство с профессором Брониславом Вяткиным, что тоже напоминало об отце, заставляя вновь читать ту скорбную повесть, как и последующая жизнь в Могилёве на улице 30 лет Победы (она преподавала в Могилёвском пединституте). Знаменательного поистине много. В Яранске она училась в школе-интернате, размещавшемся в тех же корпусах, что некогда и упомянутое ранее педагогическое училище, переведённое в другой город в 1950-м. Но самое главное — над всеми было мирное небо, к чему вернулись с огромным трудом.

* * *

Творцы той Победы, герои, подобные Александру Вяткину, — какие шансы предоставили они будущим поколениям! Их гибель — невосполнимая утрата.

Но осталась песня-реквием, дающая какое-то утешение:

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...**

* Песня «Журавли». Слова Р. Гамзатова, музыка Я. Френкеля.

Игорь ТЮЛЕНЕВ

С ДРУЖИНОЙ НОВЫХ ДНЕЙ. Стихи

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА
ДОСТОЕВСКОМУ В ПЕРМИ

Сказал: «До сердца промерзаю!
Под звон уставших кандалов...»
Он шёл сквозь Пермь! Я тоже знаю
Морозы в сорок сороков.

Сумел в России отогреться!
Сумел узнать её народ!
Всемирным скоро станет сердце,
Когда он лист перевернёт...

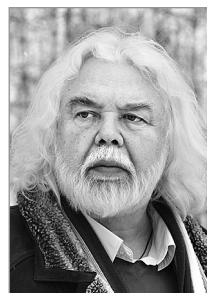
Шёл юным в форме инженерной
По петербургским площадям.
Свободный радостный, наверно,
Примкнувший к русским бунтарям!

За всех радея оскорблённых
И всех униженных любя,
Он шёл, стихами окружённый.
Их много. Вот пишу и я!

В каморке молится блудница,
Сама собою стать решив.
И вот она уже девица!
Вот мать — богатыря родив!

Хохочем там порой, где плачем,
Жизнь глупо превратив в дурдом!
Но правды слов в душе не прячем
И злобу называем злом.

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года в посёлке Новоильинском Нытвенского района ныне Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 году в городе Москве — «Братина». Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/России (1989). Секретарь правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий, в том числе международных. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2018). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), других ведомственных, общественных наград. Живёт в городе Перми.

Смиреньем велика Россия —
Писатель русский говорил!
Умрёт зерно, а всходит сила,
Как хлеб ржаной из мышц и жил!

Что делать — многие не знают,
Покуда бесы там и тут
Спецбортом над Москвой летают,
Но их пугает наш «Капут»!

Плывёт страна в дыму табачном,
Лишь Пушкин знал, куда нам плыть!
Но Достоевский стал прозрачным,
Чтоб чистоту души открыть!

Унёс с собою Пушкин тайну,
Когда его Господь призвал!
Лишь Достоевский, не случайно,
Поэта тайну разгадал!

* * *

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить».
Пётр Вяземский

Сто раз не подтянусь —
Поверь, что мог когда-то!
И в детство не вернусь —
Полоска в поле сжата...

Хотя повременю
Прощаться с вздорной музой,
Которую люблю,
Которой я не нужен!

Глаз выбит, зуб неймёт,
У Соловья в былине.
Он песен не поёт,
Не справившись с дружиной!

С дружиной новых дней,
С дружиной зим и вёсен!
Неважно, кто первой
В поэзии под осень.

Изношен мой халат
И выглядит сиротски,
Его не сдать в прокат?..
С конвоем вологодским.

Свирепая зима
Спит в ледяной избушке.
Нет, рано! Не пора! —
Отдай мои игрушки!

Верни, кого любил,
И ту, что позабудет...
Я мишек потрошил —
Кто набивать их будет?

Усы им рисовать,
Чтоб не пугать скотину,
И словно мяч швырять
В спортивную корзину...

Смогу ли всё забыть? —
Мечта зеленоглаза!
А «быть или не быть» —
Пустая, в общем, фраза!

ПО ХИЖИНАМ...

По хижинам многоэтажным
Всю ночь «укропы» злые бьют!
Проснётся карапуз отважным? —
Проснётся, если не убьют!..

Сентябрь. Хорошая погода.
По улицам шёл листопад!
Но по приказу кукловода
Стреляет Киев в Сталинград.

Стреляет просто так по людям,
Не по военным округам...
У Саломеи вновь на блюде
Шмат сала с кровью пополам.

Станцуй опять порока символ,
Порадуй жителей гробов...
Просроченный на троне идол
Первейшим стал среди хохлов!

Вот сало с кровью жрёт зеленский,
От страха потерявший страх.
Жеманный егозит по-женски,
А должен быть давно в бегах

И в трещины земли срываться,
В клубок змеинный превратясь,
В ад потихоньку выдвигаться
От огненных печей дымясь.

ПРИСТАНЬ ДЕТСТВА

А мама на пристани смотрит в глухую тайгу.
Вот папа причалил с арбузом с верховий на лодке.
Я на деревянной лошадке мешаю врагу,
Колю его саблей, топчу его маленькой ножкой...

На Каме к восьмому приколу пристали плоты,
Кричат плотогоны — бугор отвечает им матом!
А мне лет пятнадцать расти до своей бороды,
Увеча врагов, их всегда на Руси многовато.

А мама от радости к папе бежит по мосткам.
Они молодые ещё и, конечно, безгрешны.
Их ангелы смотрят и верят сердечным толчкам,
Плывя по теченью на облаке мимо неспешно.

КАНАТНАЯ ДОРОГА

Мы целовались словно птицы
Над безразличною рекой,
Как воробы или синицы —
Ты по-синичьи мне пропой?

Блестит канатная дорога
Кабинки над водой плывут,
Словно кораблики из слога,
Которым я вешаю тут!

С холма Европа видит Азию.
Внизу бежит река Урал,
Здесь золото не моют драгою —
На дне живёт плезиозавр!

Ты из кабинки не выглядывай,
Не свешивай высоких ног,
То ящер будет слюни сглатывать —
Глядя на нас! — О том молчок!

Скрипит железная кабинка,
Качается рабочий трос.
Такая в городе новинка
Волнует девочек-стрекоз.

БОЛЬНИЧНЫЕ СТРОКИ

Доктор Анна! Медсестры четыре
За моим здоровьем наблюдают.
И таблетки круглые, как в тире
Пульки, я безропотно глотаю!

Не люблю писать я о больницах,
 Но четвёртый стент уже поставлен!
 Добрые у медицины лица,
 Я же к ним не как поэт направлен!

Я не нарушаю распорядки.
 Мой этаж четвёртый — для обзора!
 Вдаль смотрю, а значит, всё в порядке,
 Возвращаюсь к мирной жизни скоро!

Чтоб стихи писать, любить и драться!
 Так поэт обязан жить в России!
 Может быть, медсёстры мне приснятся,
 Улыбаясь, — раз, два, три, четыре!

МИНУТА ТОРЖЕСТВА

И. Оболонкову

И мне пора за ум бы взяться,
 Поймать минуту торжества!
 И хватит по России шлёться,
 Катать по рекам жернова!

Катать и знать, что не утонут,
 Раз не пробил последний час!
 Они ж из камня — не намокнут,
 Но многих удивят сейчас.

Моей душе не это нужно —
 Найти звезду в час Рождества,
 Где Богородица воздушно
 Целует пяточки Христа!

СТАРОСТЬ

Лекарствами прогнав нас с улицы,
 Сама присядет на матрац...
 Ах, старость всё не налюбуется,
 Не налюбуется на нас.

Подобострастно ртутный градусник
 Подаст, когда почует жар...
 А занавески в окнах — парусник,
 Но капитан немного стар.

Не стар, не стар! Здесь ум за разум
 Заходит, двери затворив.
 На миг мы в детство впали разом,
 Услышав старенький мотив.

«Лунные поляны,
Ночь, как день, светла...»
Вновь на груди заноят раны
У тех, кому всё трын-трава.

И перестанет день сутулиться.
Над крышей солнышко взойдёт.
И хлынут старики на улицы
Встречать, как дети, ледоход.

ПРОЩАНИЕ С ТУРКЕСТАНОМ

Прощай, советский Туркестан
И солнце белое Хивы,
И шёлковый твой караван,
Песок, верблюды и ковры.

Прощай, узбечка Халима,
Ты мне читала на фарси,
И таяла во рту халва,
Как снег весною на Руси.

Прощай, золотая Бухара,
Уже отрезанный ломоть,
На Север мне давно пора,
Поля от плевел прополоть!

Европа, слаб твой стебелёк,
Твой колос плесенью объят,
Но я вернусь к тебе, Восток,
Я слишком долго пил твой яд.

* * *

То баржи, то река, то облака...
Я никуда не тороплюсь пока,
Хотя в уме держал затею эту —
Поэтом побродить по белу свету.

Я мыслью тёк на запад и восток.
Передо мною старших шёл поток,
Иссушенных ветрами, сбивших ноги,
Но чувствующих колею дороги.

Познавших в битвах и добро, и зло.
Себя найти пытаюсь заодно.
Обросшие, как бородой, грехами —
Сумевшие нас одарить стихами.

ЕСЛИ ТЫ БЫ...

Если б в доме из брёвен жила
И на Каму ходила с багром?
На буксире колёсном плыла
И встречала молитвою гром!

А зимой в той реке в полынье
Выполаскивая бельё,
Прибегала украдкой ко мне,
Пропуская подружек враньё.

Мы с тобой бы кололи лёд
На реке и возили в ледник!
Лёд до осени не потечёт,
Это вам подтвердит снеговик!

В день субботний в парилку успеть,
Чтоб до зорьки телесный восторг!
В воскресенье прошу не шуметь,
Может, в церковь заглянет наш Бог?

Это, детка, деревня, пойми!
И не каждый здесь сможет прожить!
А попробуй её отними —
Негде будет страну сохранить!

В КУЗНИЦЕ У КРЁСТНОГО

Я в кузнице у крёстного с утра —
Смотрю, как он клещами гнёт подковы,
А горн гудит, вздымая буфера,
И щёки горна, как у дев, пунцовы!

Хотя набор подков, шипов, гвоздей
Лежит на верстаке, словно в засаде.
Ждут лошади у кузницы людей,
Чтоб не хромать, работая в бригаде.

Мне нравятся и бумеранги рук,
И молот, что под потолок взлетает!
Я крестник крёстному, и то, что ловит слух —
Он огненным ответом объясняет!

Хочу быть космонавтом-кузнецом,
Чтоб звёзды прибивать, словно подковы,
Коням крылатым в облаке стальном
И разбивать копытами засовы!

БАНЯ В ЛЕСПРОМХОЗЕ

В России банный день. Колоннами дымы
Навылет небеса смолистые пронзают.
Река в объятиях стеклянной полыньи
Зрачки глазастых звёзд ночами отражает.

Проходит мимо снег и валит дерева,
Что тут же превращаются в поленья.
В предбаннике берёз засушена листва,
Чтоб нагнетался пар в парилке возрожденья!

Чирикает в котле по-птичьи кипятков,
Гремят пустые шайки и ушаты...
Но громче всех в тепле грохочет русский слог
Суровых мужиков, да так, что слышат Штаты...

Мне папа говорит: — А ну-ка, Игорёк,
На самый верх залазь, где банный пар — хозяин!
Туда, где кислород, как белый мотылёк,
Уткнулся в потолок, куда лететь — не знает.

А каменка бубнит на древнем языке,
Любого мужика язык сей умиляет.
Но веник в крепкой мечется руке
И мотыльков под потолком гоняет!

Потом в предбаннике ленивое тепло
Тебя на голый снег в ночь из дверей толкает!
Ты русский, и тебе так, братец, повезло —
Что ты родился здесь, где лёд от слова тает.

СЛУЧАЙ В ЦДЛ В ДЕВЯНОСТЫХ

Ирине

Я в зал вошёл, жена и дочь за мною.
На улице растаяла зима.
Литинститутом связан был с Москвою,
Надеялся, что наберусь ума!

И в ЦДЛ, где истины двояки,
С семьёй передохнуть зашли тогда.
Здесь ложь и правда для души бурда,
Чтоб процедить сквозь чистый лист бумаги.

Отринь заботы, хлопоты, дела,
Когда в сей клуб заходишь дерзновенно.
Здесь друг-пиит легко предаст тебя,
Косясь на твою музу вожделенно!

Да, это так! А нынче я с семьёй,
Как русским подобает, здесь гуляю!
Сам водку пью, вино всем наливаю.
Тут отвлекли нерусской болтовнёй...

Кто здесь? Американский регион
Я еле различил среди закуски!
Я им сказал — балакайте по-русски,
Дабы я понял, кто из вас шпион.

Два церэушника, что их пасли,
Не стали за колоннами скрываться,
Я рос на улице — готов всегда подраться,
А тут в столице, Господи, прости!

Их было двое против одного,
А я был без ножа и без оглобли.
О кулаки размазал с кровью сопли,
Когда их бил с восторгом и легко!

Тогда уже распался СССР —
Брюссель и Вашингтон нас окружили.
Наверное, мы это заслужили?
Ещё по рылу получите, сэр!

И всё-таки я англосаксов бил,
Как в детстве по воронам из рогатки!
Писатели те заигрались в прятки —
Вмиг растворились, как впотьмах мулатки...
Но все мне хлопали, когда я выходил!

ТЕЛЕСЪЁМКА ДЛЯ 1-ГО КАНАЛА В КОЛОМЕНСКОМ

В Коломне катаю зубами глагол,
На камеру чтение — наука!
Взбегает малец на изогнутый ствол
И что-то шепчет мне в ухо.

Я тут же сбиваюсь! Испорчен был дубль,
Команда от злобы рыдает...
Мальцу говорю: «На, возьми, мальчик, рубль».
Но он не берёт, а взбегает...

Взбегает на тот же изогнутый ствол,
Где тенью Дворец государев!
Сейчас поступлю словно древний монгол,
Ремнём сквернословия вдарив!

Малец невоспитан, ну что с него взять!
В сторонке усатая тётка

Его позвала... Ну, наверное, мать
Выгуливает ребятёнка?..

С грехом пополам записали мы дубль
Для первого телеканала...
Я был удивлён, что не взял мальчик рубль,
Наверное, дал слишком мало?

В ЗАЩИТУ ПУШКИНА

Бог низкоросл и чёрен, как сапог»
О. Сулейменов

Был Пушкин бледен и голубоглаз!
Казахи зря записывают в негры.
Если про губы? — Так и я губаст!
Расплюшил их о чьи-то бутсы в регби.

1/8 негра — пустяки.
Бальзак с 1/4 жил в Париже?
Был популярным, предкам вопреки,
В ком кровь погуще, ну а в ком пожиже!

В России русскому нельзя поэтом быть,
Ах, чёрт возьми, так пришлые глумятся!
Они бездарны — им куда деваться,
Лишь за спиной у русского ходить!

Мы — зимогоры, зеки, кержаки,
Словно репы торчим по всей России.
Но Пушкина читаем у доски
И любим по земле ходить босыми.

Тамбовский волк порой нам друг и брат,
Чтоб охранять от недругов дорогу!
Над русским зря глумишься, азиат,
Тебя Поэт не знает, слава Богу!

Но твой халат из русских шит заплат,
Ты ж пищешь: — «чёрен, как сапог» ваш Пушкин?
Вдруг Медным Всадником прискачет Александр! —
Успеешь степь свою закрыть на клюшку?

Ты ж сам-то почернее сапога,
Обугленный дыханьем волчьей пасти,
Изрытый оспой колкой, как шуга, —
И лошади бывают разной масти!

А Пушкин мог на жеребце скакать
И на ходу стрелять из пистолета!

Баранью тушу смог бы отобрать
В безумных играх Азии с поэтом!

Давно сказали — ПУШКИН НАШЕ ВСЁ!
Не скажешь лучше в радости иль скуке.
Пусть каркает на крыше вороньё —
Но русский свист сшибает эти звуки!

КЛАССИК

Кама — прескучнейшая река. <...> Звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца. Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи — единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода — событие.

Антон Чехов о Перми

Да, мы взбиваем облака
Ушами — точно смех!
Антон Палыча слова
Для пермяков — успех!

Пусть мы унылы, госбюджет
Тулупы нам не шьёт.
Стоим на баржах, коих нет,
Река без барж течёт!

Гармошки порваны давно —
Не спляшешь, не споёшь...
Речфлот Колчак пустил на дно!
Плечами лишь пожмёшь.

А горе-горькое у всех
Бывает иногда.
Тулупы разорвём на мех,
А мех на облака.

С заборов уличных сползёт
Родная сердцу грязь!
Мы сами месим свой народ,
На классиков молясь!

За город я не заступлюсь,
Он сам силён в себе.
Но Чехов всё ж не Иисус —
Не ездил Бог в купе.

Надежда ВЕРШИННИНА

КОМАНДИР НА ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ОГНЯ. Документальная повесть

Для фронтовика Василия Васильевича Вершинина долгие годы Мемориал Славы погибшим защитникам был местом священным и скорбным. В камне застыло далёкое событие. Но в памяти ветерана Великой Отечественной войны боевые сражения, гибель товарищей, — отзывались болью.

Объектив Бориса Максимова увековечил редкое мгновение 1998 года. На фоне монумента пожилой мужчина опирается на тросточку, на его пиджаке прикреплены награды. Во всём облике Василия Васильевича заметно, как он погружён в суровое время испытаний и на него как будто наплывают всполохи боя, стоны раненых... Возможно, пронеслись оберегом и звуки семейной песни:

*Чёрный ворон, что ж ты вьёшься
Над моею головой?
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой!**

Немногословный в жизни ветеран В. В. Вершинин (1922–2000) на все расспросы отвечал односложно, как будто боялся сказать что-то лишнее: «Что рассказывать-то, воевал как все: сидел в обороне, шёл в наступление, ходил в разведку, терял товарищей, лежал подолгу на снегу, мок в Синявинских болотах... Это будни войны: кровь да смерть».

А памятью Василий Васильевич обладал уникальной. Никто не мог вывести у него военные подробности. Только сдался отец на уговоры младшей из четвёрки детей — Люси, ставшей заслуженным учителем. Даты, факты врезались в сознание фронтовика на всю жизнь, как осколки снарядов от многочисленных ранений.

В обычный рабочий день, 22 июня 1941 года, на Лысьвенском металлургическом заводе объявили о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Для 19-летнего слесаря-

Надежда Константиновна ВЕРШИННИНА родилась в Кунгуре. Окончила Пермский государственный университет по специальности «филолог». Преподаватель русского языка и литературы». Публикации статей, очерков — в муниципальных и краевых СМИ с 1976 года, в газете «Пермский писатель», в альманахе «Литературная Пермь», в журнале «Великороссть», в альманахе «Камская пристань». Исследование «Родословная писателя В. П. Астафьева» напечатано в Красноярске (2009). Изданы книги «Союз сильных духом», «Расскажу о себе сам» (В. П. Астафьев). Соавтор справочника «Личность в истории Лысьвенского округа». Дипломант Всероссийского конкурса литературного творчества «СТИХИЯ Пегаса» (Оренбург, 2021). Награждена знаком Министерства образования «Отличник профессионально-технического образования Российской Федерации». Член Пермской краевой общественной организации Союза писателей России (2020). Живёт в Перми.

* Слова и музыка песни «Чёрный ворон» народные.

ремонтника Василия, здорового деревенского парня, мирная жизнь оборвалась.

В июле — призыв на военную службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию, краткосрочная учёба в офицерском военно-пехотном училище города Камышлова Свердловской области с присвоением звания младшего лейтенанта.

Из архивных записей ветерана В. В. Вершинина:

«После формирования в Кунгуре 170-й стрелковой дивизии в должности помощника взвода 422-го стрелкового полка 170 с. д. в марте 1942 г. выбыл на Волховский фронт в составе 11-й армии».*

Перед отправкой на фронт в подчинении командира взвода пулемётной роты 3-го батальона Вершинина 25 солдат. Дивизия по железной дороге совершала марш и 22 февраля сосредоточилась в районе города Вологда. Молодому лейтенанту пришлось участвовать в боях оборонительного и наступательного характера.

Из архивных записей ветерана В. В. Вершинина:

«Находясь в резерве полка, направлялся на разведывательные операции».

Однажды из ночной разведки не вернулся один боец. Командир Вершинин держал ответ перед сотрудниками НКВД, чудом избежав трибунала. Но разбросанные противником листовки наводили на мысль о бойце-предателе, который не смог справиться с ужасом кровопролития, голодом, болотным холодом.

1942 год был периодом напряжённых фронтовых событий, личных впечатлений и потрясений бойца.

15 марта младшему лейтенанту В. В. Вершинину выдали огнестрельное оружие — винтовку-карабин.

Апрель – май. Дивизия получает первую боевую задачу: прорвать оборону противника. В упорных боях при взятии укрепленного пункта Вершинин был дважды ранен. Боевое крещение пришлось на 7 мая. Сначала осколок залетел под каску. Лёгкое ранение в голову, быстро перевязали, — и снова в бой. Второе ранение — в левую ногу. Споткнулся на бегу молодой боец, а вскоре в сапоге захлюпала кровь. Четыре месяца в Костроме, в эвакогоспитале N 1901 показались ему вечностью. Облегчением в страданиях раненых была песня Василия о чёрном вороне:

*Полети в мою сторонку,
Скажи маменьке родной,
Ты скажи моей любезной,
Что за Родину я пал.*

Август – декабрь. После лечения — Василий Вершинин снова в строю на Северо-Западном фронте, в должности замкомандира автоматной роты.

Ожесточённые сражения вела дивизия на подступах к городу Старая Русса. Военные историки так описывали тяжёлую обстановку ведения боя: «Грохот канонады нашей артиллерии и миномётов

* Дивизия подчинялась Северо-Западному фронту с 01.05.1942 г., номера армий менялись: 58, 34, 11, 27. — Н. В.

сливался с грохотом вражеских снарядов и мин, треск пулёмтных и автоматных выстрелов, крики “ура!”, ругань, стоны раненых». Защитники Отечества выдерживали запредельно невозможные условия.

25 сентября. При освобождении укрепленного пункта деревни Васильевщина был тяжело ранен лейтенант В. В. Вершинин. Автоматчики его роты на попутной повозке отправили командира и раненых солдат в лазарет. За храбрость в бою замкомандира роты В. В. Вершинина представили к награде орденом Красной Звезды.

В боевых действиях дивизии на демянском участке историки выделяли упорство воинов в обороне и в наступлении. Бойцы и командиры проявляли стойкость, выдержку, мужество и крепнувшее военное мастерство.

В январе 1943 года после лечения в госпитале Костромы В. Вершинин вернулся в строй к однополчанам в 717-й стрелковый полк, 170-ю стрелковую дивизию.

Из архивных записей ветерана В. В. Вершинина:

«Находясь в резерве полка, направлялся в разведывательные операции. В феврале 1943 года с группой солдат в 10 человек был блокирован дзот (пулёмтное гнездо), в котором находились трое немецких солдат: двое из них были убиты, а один взят в плен».

В наступлении на Старую Руссу, в бою за станцию Лычкова 4 марта 1943 года, замкомандира роты В. Вершинин подорвался на противотанковой mine. Левую ногу изорвало и раздробило. Подоспели санитары, и тяжело раненый лейтенант был доставлен в госпиталь Ростова-Ярославского. Сила воли не покидала солдата, впереди ещё вся жизнь — Василию только 21 год. И снова сопровождение вестнику беды из песни — чёрному ворону:

*Что ж ты когти распускаешь
Над моею головой?
Иль добычу себе чаешь?
Чёрный ворон, я не твой!*

В палате эвакогоспиталя N 1385 от имени командования вручили лейтенанту В. В. Вершинину орден Красной Звезды в августе 1943 года. Лечение в течение семи месяцев не восстановило здоровья.

В семейном архиве сохранилась копия Свидетельства о болезни за N 588 о том, что лейтенант срочной службы 717-го стрелкового полка В. В. Вершинин передвигается с трудом из-за «множественного мелкоосколочного перелома после огнестрельного ранения» левой ноги. Решение: демобилизация с инвалидностью.

Домой на Макариху, в Чусовской район, пришёл с фронта статный высокий парень с орденом и четырьмя военными медалями на гимнастёрке, но на костылях. Шёл октябрь 1943 года. Встречать сына выбежала мать Екатерина Ивановна, вышел столетний дед Андрей Вершинин, «высыпали» сёстры и тройка братьев-подростков. Увидев первого солдата, вернувшегося с войны, вся деревня рыдала.

Более тридцати лет рана на ноге не заживала, беспокоила, пока в Перми Василию Васильевичу не сделали сложную пластическую

операцию. Удивлялись тогда доктора его выносливости, терпению и покладистому характеру.

Радовался жизни ветеран войны — женился, пошли дети. Работа в техникуме Лысьвы нашла его, умелого да расторопного: военрук, мастер-слесарь на практике со студентами, позднее — замдиректора по административно-хозяйственной части. Деревянная мелкая мебель дома — его производства. Другам-художникам оформлял для картин рамочки и багеты. Виртуозная игра на гармошке: для родни — веселье, себе — облегчение душе от войны.

Сколько раз молодого, шустрого Василия Васильевича останавливали на бегу пули. Но догнала последняя, роковая для ветерана Вершинина, на 78-м году. И сердце остановилось.

Василий Васильевич Вершинин

Алексей МАЛЫЦЕВ

ФРОНТОВИК. Стихотворение

Пусто в рукаве фронтовика...
На кого тут в старости пенять,
коль на всё про всё — одна рука:
прикурить и правнучку обнять,
волосы пригладить на ветру
и слезу внезапную смахнуть...
А до справедливости ему,
видит бог — никак не дотянуть.

Алексей Васильевич МАЛЫЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье Пермской области. В 1985-м окончил Пермский медицинский институт, работал по специальности. Сейчас трудится в сфере рекламы. Первая творческая публикация относится к 1986 году, первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми — «Меж августом и сентябрём». Издавался в Москве, Екатеринбурге и Перми. Автор более 30 книг — поэзии, детективов, триллеров, исторических романов, фантастики, психологической прозы. В качестве сценариста сотрудничал с центральными каналами. Как поэт-песенник, сотрудничает с композиторами России и ближнего зарубежья, автор одного из вариантов гимна Перми. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии Правительства Кировской области имени Н. Заболоцкого (2013). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ГОРЬКИЙ. ДНИ БОЛЕЗНИ. Рассказ

Ночью он часто просыпался, и порой, проснувшись, не мог понять, где находится. Было душно, и, наверное, оттого мысль обращалась к Тессели. Да, конечно, он в Тессели. И завтра они с Соловьём займутся дорожками и цветами. Да не забыть бы сказать Грише Пеширову подобрать и подготовить инструменты для той скалы. Если разбить её, то камни вполне сгодятся для опорных стен. Нужно только расколотить большие куски и перенести все осколки. Но какие же они тяжёлые, эти осколки. Особенно если прилечь, а камень положить вот так — на грудь.

Но потом он просыпался и понимал, что нет никакого камня, что сам, полулёжа в глубоком кресле, недавно принесённом откуда-то Липой, спит у себя в Горках. Да вот же она, Липа — сидит у окна в другом кресле и что-то тихонько читает. И зачем он до сих пор не сказал всем в этом доме, кем она стала для него за долгие годы?

Но потом он снова засыпал, как будто проваливался в какой-то глубокий омут. Воронка крутила его и тянула вниз, вниз, на самое дно какой-то илистой бочаги, какого-то липкого болота, давившего грудь. И неприятный, пугающий голос — чей же это голос? — шептал в самое ухо: «Может, на сома желаете поохотиться?.. Тут для вашего удовольствия сом живёт пуда на три...» Ну конечно, в омуте непременно должен быть сом. Огромный усатый сом, выглядывающий из-под коряги. А впрочем, нет. Это вовсе не болото, и сома никакого нет. Это Волга, и вода прозрачная, чистая, прохладная. А на месте сома — якорь. Оттого и давит грудь, что, нырнув, он ударился об этот якорь и сломал, должно быть себе рёбра. Ах, как сжимает грудь!

Тяжело, со свистом дыша, он просыпался и понимал, что он в Горках, что болен, что сейчас ночь и часы бьют два раза. А в груди в самом деле что-то клокочет и сжимается. Словно бы сом рвётся наружу из-под придавившей его коряги.

— Липочка, — позвал он, — можно мне молока?

И зачем-то добавил:

— Сом напоить.

— Какого сома, Алексей Максимович?

— Никакого, Липа. Это я так.

От густого, жирного, сладковатого молока становилось как будто легче. Видно, и впрямь сом напился и успокоился под своей корягой.

Светлана Георгиевна ЗАМЛЕЛОВА родилась в Алма-Ате Казахской ССР (ныне город Алматы Республики Казахстан). Окончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кандидат философских наук (МГУ им. М. В. Ломоносова). Кавалер ордена Достоевского I степени (2015). Автор нескольких книг (проза, критика, переводы, философская монография) и многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. Живёт в Сергиевом Посаде.

— Алексей Максимович, — откуда-то, словно издалека, донёсся голос Липы. — Давайте-ка мне кружку. Не ровён час уроните и разобьёте. Сами же потом и порежетесь.

Но почему он должен порезаться? И какая кружка? Снова всё закружилось и замелькало. Он силился понять, что говорит ему Липа, но всё начинало путаться и ускользать. Нет, конечно же, он в Тессели. Он ясно помнит, как вчера приезжали пионеры и кричали ему из машины: «Дедушка Горький! Дедушка Горький!» Ох эти ребята! Он встречал их на крыльце, а они, выскакивая из машины, бежали к нему. На бегу здоровались, выкрикивали что-то непонятное и, наконец, окружили плотным кольцом. Все хотели его потрогать и сказать что-нибудь, и он только успевал поворачиваться, чтобы пожать тянувшуюся к нему ладошку или ответить тому, кто дёргал его за пиджак.

— Ну что же, Алексей Максимович, — раздался из-за спины голос Липы, — приглашайте ребят чай пить.

— А и в самом деле! — обрадовался он. — Пойдёмте, ребята, пить чай.

Они так и ввалились в столовую шумной ватагой: он, худой и высокий, в окружении детворы в красных галстуках. В столовой ребят разместили за длинным столом с конфетной вазой посередине. И они, ни на секунду не умолкая, точно рой пчёл или стая маленьких птичек, долго рассаживались, толкаясь и перебегая с места на место в выборе соседства. Принесли самовар и чашки.

— А вы что же не садитесь, Алексей Максимович? — спросила Липа.

— Ребята, — сказал он, — вы пока угощайтесь конфетами. А я должен выйти на улицу, чтобы покурить. Привычка дурная, но избавиться от неё непросто. Так что вы уж меня извините. А пока угощайтесь.

И добавил Липе на ухо:

— Все сласти, какие в доме найдутся, несите к столу! Я выйду, пусть они не стесняются, покушают конфет.

Липа ушла за сладостями, а он — на террасу курить. И оттуда слушал, как они переговариваются за столом, чему-то смеются и шуршат фантиками.

— Ну что же вы, ребята, так мало конфет покушали? — спросил он, вернувшись.

— Мы наелись, дедушка Горький! — раздался чей-то голосок.

И все тотчас подхватили и стали вторить:

— Наелись... Не можем больше... Спасибо...

— Ну, наелись так наелись! — и он тоже уселся за стол и с удовольствием выпил чашку чаю, пододвинутую Липой.

Потом они перешли на террасу, и он спросил, знают ли ребята стихи. И тут снова все стали галдеть и даже подпрыгивать, вытягивать вверх руки, напрашиваясь на чтение вслух. Он выбрал смешную девочку — самую маленькую, пухлую, с широко расставленными чёрными глазками на круглом лице, да ещё и стриженную в скобку. Чем-то неуловимым напоминала она Дарью — наверное, такая же егоза и кикимора.

— Ну, как тебя зовут? — спросил он. — Что ты нам прочитаешь?

Оказалось, что девочку зовут Наташа, а читать она собралась «Песню о Буревестнике». Причём голос у неё изменился, глаза

сощурились, кулачки сжались. «...И гагары тоже стонут...» — презрительно выдавила из себя Наташа и мотнула головой в сторону дома. Он повернулся, следуя кивку, встретил перепуганный взгляд Липы, стоявшей в стеклянных дверях террасы, и чуть не расхохотался — не только на него эта Наташка произвела такое устрашающее впечатление.

«Им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни...» — продолжала она читать с такой язвительностью, что, казалось, вот-вот скажет: «гром ударов их, видите ли, пугает». Но она прочитала всё верно, ни разу не сбившись и не перепутав текст. Последние же слова произнесла так, словно заклинала небеса: «Пусть сильнее грянет буря!» При этом действительно подняла лицо и даже кулачки к небу, так что если бы вдруг грянул гром и началась буря, никто бы не удивился.

От этого чтения ему стало немного не по себе: не девчонка, а мойра в пионерской форме. В то же время он с трудом сдерживал смех — пожалуй, такого чтения за всю жизнь не слышивал.

— Славно, Наташа! Спасибо тебе! А кто знает стихи Пушкина? — надо было отвлечься и от Наташки этой, и от гагар с пингвином.

И снова запрыгали, вытягивая худые ручонки, маленькие люди, которых он всегда жалел и любил. А потом, после стихов, раскрепостившись уже окончательно, стали петь песни и даже в пляс пустились. И снова мелькала перед ним маленькая Наташка. «Ох, кикимора! Вот артистка-то вырастет!» — улыбался он, глядя на её задорный пляс. Потом опять попили чай, и ребята уехали. А он долго ещё стоял на крыльце, смахивал слёзы и думал, что этой Наташке и всем этим ребятам повезло больше, чем ему и многим его сверстникам. И как это славно, как правильно. Подошедшая Липа ласково сказала:

— Ну что вы, Алексей Максимович! Не надо плакать.

Он открыл глаза. И впрямь Липа стояла рядом и легонько отирала его мокрые щёки.

— Что с вами, Алексей Максимович? Может быть, чаю? Или молока? И вот что, раз уж проснулись, давайте температуру измерим. И кислород... Алексей Дмитриевич сейчас был — вышел только что...

С кислородом, конечно, дышится свободнее. Никаких сомов, никаких якорей, никаких пут. Да, путы! Как это он чуть не забыл? Ведь в Тесселивском парке надо продолжать расчистку, и паразита этого — держидерево — без остатка убрать. Он же по-настоящему душил деревья, растёт возле хороших, здоровых стволов и высасывает соки. Оттого такая слабость, оттого и трудно пошевелить рукой, что кто-то высасывает соки, как держидерево. Надо убрать держидерево, и тогда всё восстановится, силы вернуться. Главное сейчас — не дать задушить себя, как... как Серж Виктор.

— Липа! — хрипло позвал он. — Верно ли, что сын Кибальчича удавился?

— Ну что вы, Алексей Максимович! Не говорите сейчас об этом.

Ах, Липа, чертовка! Милое, родное лицо. И Катя с Тимошей здесь. И Соловей пожаловал, пташечка... И «баронесса» явилась. А кто же это рядом с Тимошей? Нет, не может быть! Да ведь это бабушка — Акулина Ивановна, а рядом с ней — отец, Максим Савватеевич. Как же это возможно? И куда они зовут его — что это за коридор и что за яркий свет на другом конце?..

* * *

Уже неделю Кошенков почти не спал. Вся жизнь его теперь вращалась вокруг телефонных аппаратов. Иногда удавалось задремать, но тут же раздавался звонок, и он бросался к телефону, словно мать на плач новорождённого младенца.

Часа в четыре, когда небо за окном посветлело, он вдруг вспомнил, как Максим — года за два до своей смерти — рассказывал ему о какой-то французской примете. Ну да, конечно: если на Медарда дождь, идти ему сорок дней.

Кто такой этот Медард? Максим, кажется, говорил, что это французский святой. А впрочем, бог с ним! До французских ли святых сейчас. Тем более день вроде бы выдался неплохой, а стало быть, нечего и дождя бояться. Лучше так загадать: если день выдаться хорошим, то всё обойдётся. А если дождь, то к слезам. Впрочем, нет! Что за глупости! Просто он устал и вот уже неделю не спит нормально, и от бессонницы у него мешается ум. Всё будет хорошо, надо в это верить, а не в приметы, которые сам к тому же и придумал.

С этими мыслями он задремал на диване, но, как показалось ему, в следующее мгновение в дверь постучали. Кошенков спал чутко и проснулся.

— Кто там? — спросил он.

Вошёл сторож Фёдор Иванович и деловито сел на стул у двери. Так они сидели и смотрели друг на друга: Кошенков, стараясь подавлять зевки, на диване, а Фёдор Иванович на стуле. Часы пробили половину шестого.

Наконец Фёдор Иванович прокашлялся и сказал:

— Ну что там, в Горках?

— Кабы знать, Фёдор Иванович, — продираясь сквозь неотступный сон, медленно проговорил Кошенков и от души зевнул. — Незавидное наше положение — и сами в неведении, и людям сказать нечего. Со всей страны звонят — спрашивают. А я не знаю, что ответить. Один студент даже сердце своё предложил. Я даже не удержался и спрашиваю: «На что оно, ваше сердце?» А он отвечает: «Хирургия, мол». Ну если только хирургия.

— Ишь ты! — усмехнулся Фёдор Иванович. — А Горки-то звонили?

— Ночью звонили. Говорят... не очень. Я с доктором Левиным разговаривал. Ночью, говорит, просыпался часто... Да вот, у меня записано — я ведь дневник веду, всё записываю.

Кошенков подошёл к письменному столу, опустил в глубокое кожаное кресло и раскрыл синюю клеёчатую тетрадь.

— Ночью часто просыпался, — прочитал он, — плохо, тяжело дышал. Сознание временами спутанное, бред. Общая слабость. Температура — 37,1. В лёгких сухие и влажные хрипы, цианоз.

— Это что ж такое?

— Цианоз-то?

— Ну да! Вроде бы как слышал уже, а не помню!

— Синюха это, Фёдор Иванович. Ну, когда кожа синеет.

— Отчего ж такое бывает?

— Говорят, когда кислорода не хватает.

— Как это — кислорода не хватает? — сторож даже по ляжкам

себя хлопнул. — Возим, возим кислород в Горки, а его всё не хватает? Что ж они с ним делают-то? Сами, что ли, вынюхивают?

— Не знаю, Фёдор Иванович! Вряд ли сами. Но это другой кислород.

— Как это так — другой? Так давай какой надо возить!

— Оставь, Фёдор Иванович! — Кошенков поморщился. — Ну почём нам с тобой знать про кислород? На то и врачи, чтобы, какой надо, такой и назначать.

Фёдор Иванович помолчал, точно обдумывая услышанное. Потом изрёк важно:

— Вот оттого-то нам с тобой и тяжелее всех, Маркович. Нам правду знать не положено! Вот раньше, бывало, — заболел Алексей Максимович, а мы уж всё знаем — вот он, тут весь, перед нами. А из Горок-то правды не дождёшься.

— Не зря, видно, Олимпиада Дмитриевна не хотела в Горки ехать, — вздохнул Кошенков.

— Опять же, — как будто не слыша, продолжал рассуждать сторож, — заболел раньше, так шуму не было! Радио да газеты помалкивали. И богов было меньше, — прибавил он, таинственно понизив голос.

— Кого? — удивился Кошенков. — Каких ещё богов?

— А таких, — снова хлопнул себя по ляжкам Фёдор Иванович, — врачей. Ишь, возим их на трёх машинах туда-сюда. Баре какие! Им всё мало, а дела-то нет.

— Не наговаривай на врачей, Фёдор Иванович! Всё, что могут, они делают.

— Лечат они, как же! Боги у постели его личные счёты сводят. Уж ты мне поверь. Вот и шофера говорят: Левина везёшь — всё вроде бы неплохо, вылечат Алексея Максимовича. Везёшь Белостоцкого — всё плохо! А уж ежели Плетнёва или Кончаловского везёшь — быть беде, безнадежно.

— Это что, примета, что ли, такая у них? — не понял Кошенков.

— Да какая там примета! Это врачи — каждый своё. Выходит, у них там вроде как борьба: кто лучше знает. Поднимется Алексей Максимович, Левин скажет: вот, мол, я же говорил. А не поднимется, так Плетнёв с Кончаловским славу себе приберут.

В это время за дверью послышались быстрые шаги. Затем, предупредив своё появление кратким стуком в дверь, вошла Даша. Кошенков, порядком уставший от разглаговльствований Фёдора Ивановича, подумал, что, наверное, никогда ещё так не радовался появлению горничной.

— Доброе утро, Даша! — улыбнулся он.

— Доброе утро, Иван Маркович. Ну что Горки?

— Не очень, Даша. Ночью сегодня звонили, говорят, сон плохой, дышит тяжело, температура небольшая, даже бредил.

— А ещё этот... цианоз! — вставил Фёдор Иванович.

— Ах ты, батюшки! — вздохнула Даша и покачала головой. — А что говорят: поправится ли?

— Ничего не говорят! — воскликнул Кошенков.

— Левин говорит — поправится, — опять встрял Фёдор Иванович, — Белостоцкий точно не знает. А Кончаловский с Плетнёвым говорят, что нет надежды.

Даша, тревожно смотревшая на сторожа, опять покачала головой. Потом повернулась к Кошенкову:

— Иван Маркович, может, я вам кофе и завтрак сюда принесу?

— Спасибо, Даша. Не откажусь. Да и лучше пока не отходить от телефона — мало ли что.

— А вы, Фёдор Иванович, кофе не хотите? — спросила Даша у сторожа. Но тот как будто обиделся и напыщенно ответил:

— Не потребляю. Благодарствуй.

Затем поднялся со стула и, заявив, что заболтался, ушёл. Следом вышла и Даша, а Кошенков, оставшись в одиночестве, вздохнул облегчённо.

Но едва затихли шаги Даши, как затрещала «вертушка».

— Слушаю, — ответил Кошенков.

— Это Бухарин, Иван Маркович, — заявила трубка. — Что же делать?.. Подскажи ты мне лучше, куда телеграмму направить?

Кошенков открыл рот, но вдруг понял, что хотел бы не просто переспросить, что нужно Николаю Ивановичу, но и как следует обругать его. Поскольку, однако, осуществить последнее не представлялось возможным, он, сдерживая себя, медленно поднёс трубку к рычагам и плавно водрузил её на место.

Пока он завтракал, по «вертушке» снова позвонили, и мягкий, вкрадчивый мужской голос сказал:

— Ну и кто же отвечает у вас за жизнь Горького?

Звонков за это время было множество, и Кошенкову казалось, что удивить его уже нечем. Но тут он растерялся. И пока думал с ответом, трубка тем же елеинным голосом продолжила:

— А ведь Алексей Максимович — сердечник. И кто же занимается им из специалистов?

— С кем я говорю? — нашёлся наконец Кошенков.

Но трубка таинственно замолчала.

— Вы меня слышите?

Трубка вздохнула и принялась икать, давая понять, что разговор окончен. Но кто же это мог быть? Ведь ясно же, что по «вертушке» не станет звонить первый попавшийся злопыхатель из телефона-автомата. Значит, звонят из высоких кабинетов. Но кто и зачем? Что за могущественный враг у Алексея Максимовича?

— Слушаю!

— Иван Маркович, да не бросай ты трубку! Это Бухарин опять. Кто-то сейчас позвонил и сообщил, что конец печален — умер Алексей Максимович. Так ли?

— Николай Иванович, слушайте только Никитскую или Горки.

— Так живой?

— Живой, Николай Иванович! Живой.

— Ну спасибо! Утешил. А что из Горок? Что говорят?

— Говорят, что спал плохо...

Вошла Даша с подносом. И в комнате тут же уютно запахло кофе.

— Есть ли новости, Иван Маркович?

— Пока ничего нового, Даша.

— Вы же понимаете, что потерять Алексея Максимовича — это... это значит, всё потерять! — Даша составила кофейный прибор и тарелки с яичницей и ветчиной прямо на письменный стол и налила ему кофе.

— Понимаю, Даша. Но что это меняет? Меня вот, знаешь ли, сразу кольнуло: другой какой-то Алексей Максимович.

— Как это? — Даша с подносом в руке отступила на шаг.

— А так, что приехал он в этот раз из Крыма, и на себя не похож. Я вот как только увидел его на Курском вокзале, сразу подумал об этом — другой человек. Прежде, бывало, приезжал весёлый, бодрый. А тут вроде как старик совсем: вялый такой, хромает, дышит тяжело. Взгляд безразличный, усталый... Никогда таким его не видел!

— А как же все говорят, что он в Москве от внучек заразился? И Надежда Алексеевна говорила: грипп, мол, заразный, а Алексей Максимович слабый, у него лёгкие...

— То-то и оно, Даша! Приехал он уже больной. Может, и не гриппом, но что-то с ним было не так. И если бы не Алексей Максимович это был, я бы так и сказал, на него глядя: не жилец. Пионеры его на вокзале встречали. Ты же знаешь, как он детей любит, а тут ни улыбки, ни шутки для них не нашлось. Только и прошептал: вот, мол, смена растёт.

Даша хотела что-то сказать, но телефон разразился обычной своей трескотнёй, и Даша вышла.

— Говорите!

— Иван Маркович, это Колосов! Сообщение газет о болезни Алексея Максимовича страшно встревожило жителей Измайлова. Они, взволнованные, только и ходят с газетой из квартиры в квартиру.

— Михаил Борисович, мне нечем утешить жителей Измайлова. Передайте, что пока изменений в состоянии Алексея Максимовича нет. Всё будет опубликовано в газетах. Пусть следят за бюллетенем...

— Слушаю! Говорите!

— Это Маршак. Скажите, Иван Маркович, только правду скажите! Ведь он и раньше болел... Я не верю, не может этого быть!.. Скажите мне правду, умоляю вас! Ведь вы и Липа — вы же лучше знаете. Скажите, выдержит он? Не скрывайте от меня!

— Не волнуйтесь так, дорогой Самуил Яковлевич!

— Как же не волноваться, Иван Маркович? Ведь это ужас! Ужас!

— Всё будет хорошо, Самуил Яковлевич. Всё будет хорошо.

— Я приеду в Москву, Иван Маркович. Я решил, что поеду. Понимаете, я хочу посмотреть, мне надо увидеть его. Но когда можно?

— Сейчас всё зависит от врачей, Самуил Яковлевич. От врачей и от организма Алексея Максимовича. А вы же знаете: организм у него крепкий. Он сильный! Он и не то выдерживал. Мы должны набраться терпения и ждать.

— Ну хорошо, я буду звонить...

Да, иногда приходится и врать. Тем более доктор Пигалёв рассказывал, что Маршак и сам не очень-то здоров. Чего доброго, разговоры о здоровье Алексея Максимовича убьют и Маршака. Если же быть до конца честным — честным с самим собой, то в выздоровление Горького он почти не верит. Почему? Сложно сказать. Можно было бы назвать это предчувствием, но... Но уместно ли вообще говорить о предчувствиях? Напряжение, бессонница, постоянный страх делают своё дело, превращая его в суеверного старика, выдумывающего приметы и доверяющего предчувствиям. А если отбросить всё это, что же в самом деле его так гнетёт? Ведь Алексей Максимович и впрямь болел раньше. Точнее было бы сказать, он

всегда болел, возвращаясь из Крыма. После долгого путешествия по железной дороге он неизменно уставал. Причём уставал настолько, что каждый раз хворал. Но никогда не было такого сосущего страха, не было давящей тоски, не было тревоги, из-за которой нельзя найти себе места. И как назло, все эти странные мелочи! На них поневоле обращаешь внимание. Ведь он не преувеличивал, рассказывая Даше о прибытии поезда на Курский вокзал. На платформу вышел совсем другой человек — уставший не от дальней дороги, но от жизни. Горький был неузнаваем. И заметил это не один Кошенков. Неспроста ведь Олимпиада Дмитриевна отговаривала от поездки на кладбище к Максиму. Весь вид Горького свидетельствовал о том, что он болен и что малейшей нагрузки, а уж тем более перенапряжения сил, достаточно будет для того, чтобы произошёл срыв.

А когда уезжал он с Никитской? О! Этого не забыть! В дверях вдруг обернулся и усталым взглядом окинул прихожую, диковинную лестницу, книги, «медузу» — весь этот нелюбимый им и нелепый, по его же слову, дворец. «Точно прощается навсегда!», — подумал тогда Кошенков, и сердце его сжалось от недоброго предчувствия. А тут ещё собака во дворе, отроду никого не провожавшая, вдруг подошла к Алексею Максимовичу и встала на него передними лапами. Горький потрепал её холку и сказал:

— Ну что же, прощай, пёс!

И снова кольнуло Кошенкова.

Дальше всё развивалось как по накатанной. Уже через пару дней он не встаёт с постели. А врачи передают из Горок: «плохо», «безнадёжно», «немного лучше», «плохо», «хорошо», «немного хуже»... А настроение у всех такое, как будто все знают, чем закончится эта обычная, казалось бы, для Алексея Максимовича болезнь.

Его размышления были прерваны настойчивым стуком в дверь. Вошёл светловолосый молодой человек в сером летнем пальто нараспашку и, не здороваясь, оглядел кабинет с видом квартирмейстера.

— Тэк! — сказал он, не глядя на Кошенкова.

— Вам кого? — удивился Кошенков.

Но молодой человек, не обратив на него внимания, прошёлся по кабинету, остановился, потрогал стену, ощупал шкаф с книгами, после чего уставился в потолок. Кошенков тоже поднял глаза, зачарованный загадочным гостем. Но не найдя на потолке ничего, кроме привычной лепнины, он словно пришёл в себя и уже гораздо громче и требовательнее осведомился:

— Да кто вы, в конце концов, такой? И что вам здесь нужно?

Молодой человек изумлённо уставился на Кошенкова, как будто заметил его только что. И вдруг сказал:

— Вы слышали об институте изобразительной статистики?

— Нет, не слышал. И не понимаю, при чём тут...

Но молодой человек оборвал его:

— Меня зовут Брезгунд. Это моя фамилия. Мы собираемся сравнить бывшие жилища купцов с жилищами в новостройках для рабочих. Товарищ Березин — директор нашего института — наметил ваш дом.

Кошенкову стоило усилий сдерживаться.

— Передайте, пожалуйста, товарищу Березину, — процедил он, — что об этом не может быть и речи.

— Почему? — невозмутимо спросил Брезгунд. — Разве мы не можем измерить ваши комнаты и заснять их?

— Потому что я, комендант этого дома, не допущу ни вас лично, ни товарища Березина ни мерить наши комнаты, ни снимать их.

— Но почему?

— Я не намерен ничего больше вам объяснять и прошу лишь об одном: покинуть этот дом. Пока я не вызвал милицию.

Брезгунд пожал плечами с таким видом, словно никогда ещё не слышал ничего более странного. Однако требование Кошенкова исполнил. Так же неторопливо, как вошёл и осматривался, он покинул кабинет. Кошенков на всякий случай проводил его до крыльца и сдал Фёдору Ивановичу. Страшно недовольный тем, что какие-то личности разгуливают по дому, он вернулся к себе. И вовремя. Потому что уже из коридора услышал, как затрещала «вертушка» — он давно уже научился различать телефоны по звуку.

— Слушаю!

— Телефон Горького? — поинтересовался всё тот же вкрадчивый голос.

— Да, — резко ответил Кошенков, тотчас узнав давешний голос и борясь с желанием наговорить резкостей.

— Ну что? — приторно спросили на другом конце провода. — Достигаете желанного? Подлецы...

— Кто это говорит?

В ответ — молчание. Ясно, что трубка прилипла к чьему-то потному уху, и что хозяин этого уха ждёт, когда Кошенков выругается и скажет лишнее. Но он этого не делает. Он спокойно, как не раз уже делал прежде, положит трубку на рычаги и постарается успокоиться. Но кто же этот высокопоставленный враг Алексея Максимовича? И что всё-таки ему нужно?

Он прошёлся по кабинету, думая о том, что от этого Брезгунда с незримым товарищем Березиным и от этого кремлёвского анонима стало ещё тяжелее, так что у самого у него даже сердце сдавило. Поскорее бы всё закончилось! Только бы восстал с одра Алексей Максимович! Вот ведь: пока здоров человек, никто и не думает, как это славно и как это много. А стоит заболеть, и ничего уже не нужно — лишь бы не вспоминать ежечасно о пульсе, температуре, о хрипах...

Но что там ещё за шум на улице? Он подошёл к окну. Дождь. Обычный летний дождь, очищающий и несущий прохладу, пролился на Москву...

* * *

К обеду в Горках никто не сомневался: Алексей Максимович умирает. Он сидел в кресле, закрыв глаза и тяжело дыша. Руки, распухшие и ставшие почти чёрными, лежали поверх пледа. Вокруг него собрались домочадцы: Екатерина Павловна, Липа, Мария Игнатьевна, Тимоша, Крючков, Соловей... Врачи, объявив, что сделать ничего нельзя, сошли вниз на совещание. А в комнате больного, несмотря на множество собравшихся, царил тишина. Вдруг Екатерина Павловна, сидевшая на стуле справа от мужа, поднялась и, обойдя вокруг его кресла, уселась на низенькую скамеечку возле ног больного. Она взяла его за руку — рука была ледяной, и спросила громко:

— Что ты хочешь? Не нужно ли чего-нибудь?

И хоть это было естественно и совершенно уместно, у всех присутствующих в комнате на лицах появилось недовольное выражение. Всем отчего-то показалось, что, нарушив молчание, Екатерина Павловна совершила что-то кошунственное. Горький открыл глаза и, обведя всех потухшим, отсутствующим взглядом, еле слышно сказал:

— Я сейчас был так далеко... Оттуда не все возвращаются. Так трудно было вернуться...

Он снова закрыл глаза, и голова его поникла, так что и в самом деле можно было подумать, что это конец.

— Алексей Максимович, — позвала тихо Липа, — помните, как в Сорренто? Двадцать кубиков камфары стали спасением.

Голова его дёрнулась, как будто он хотел сказать: «Ничего не надо. Оставьте меня в покое».

— Так, может... — начала Екатерина Павловна и запнулась, не решаясь выговорить страшные слова.

— Я пойду спрошу у Левина, — ответила Липа. — Если, как они говорят... То почему бы... Без их разрешения...

Она ушла, и пока её не было, в комнате сохранялась напряжённая тишина. Все молчали и опасались смотреть друг на друга. Вскоре вернулась Липа, кивнула, словно обращаясь сразу ко всем, и вприснула ему камфору. Всем показалось, что прошла вечность, но в действительности счёт шёл на минуты. Он открыл глаза и, взглянув на Липу и Екатерину Павловну совсем иначе — как смотрел прежде, улыбнулся. Потом окинул всех каким-то ожившим, просветлевшим взглядом, и сказал обычным своим голосом:

— Ну что вы тут все собрались? Хоронить меня, что ли, надумали?

Тимоша беззвучно заплакала, а Липа, сглотнув, сказала, как можно беззаботнее:

— К вам, между прочим, товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов приехали. В столовой, внизу дожидаются.

— Так зови! Чего же ты ждёшь? — и он улыбнулся, как будто и не было этих часов ожидания конца, как будто врачи не отказывались лечить его и не заверяли домашних, что всякое лечение бесполезно. На глазах у всех он ожил...

Виктор РЫЧКОВ

КОРНИ РОДОВЫЕ. Стихи**ВРЕМЯ**

А время ласточкой мелькнёт,
Свечой горящей тает
Или, как молния, сверкнёт —
И тотчас пропадает.

Сквозь пальцы сыплется, шурша,
Сдуваемое ветром...
А мы внимаем, не дыша,
Кукушкиным ответам.

Бессонной речкою вперёд
Торопится в тревоге...
И вот уже дитя идёт
По этой же дороге.

ПРЕРВАННАЯ НИТЬ

С делом так хотелось повидаться —
Только развели нас времена.
До зари привык он просыпаться
И работал вечно дотемна.

Виктор Васильевич РЫЧКОВ родился 16 февраля 1959 года в деревне Трошево Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа Пермской области. Писатель, краевед, общественный деятель. Окончил исторический факультет Пермского государственного университета (1981), работал преподавателем истории и обществоведения в школе N 9 г. Кудымкара. Окончил Уральский социально-политехнический институт (1991) в Свердловске (ныне — г. Екатеринбург), Российскую академию государственной службы при Президенте РФ в Москве (2002). С 1983 года на выборных должностях в молодёжной общественной организации, затем преподавал, работал в партийных и советских органах. В 1994 году принят на государственную службу и назначен начальником отдела, затем заместителем главы администрации Коми-Пермяцкого автономного округа. С декабря 1997-го по 2000 год — Полномочный представитель Президента РФ в Коми-Пермяцком автономном округе (КПАО). Заместитель главы администрации КПАО (2001–2008), возглавлял государственную приёмную Уполномоченного по правам человека в Пермском крае в г. Кудымкаре (2010–2012). Исполнял обязанности министра по делам Коми-Пермяцкого округа (2012–2020). Литературным творчеством начал заниматься в начале 1990-х годов, автор сказок для детей. Первые стихи на коми-пермяцком языке были опубликованы в окружной газете «Парма» (г. Кудымкар), литературно-художественных сборниках «Иньва», «Искорка». Первая книга под названием «Оландён шёрт» («Нить жизни») была издана в 1997 году и включала поэтические произведения на коми-пермяцком языке. Первый сборник стихов вышел в свет в Коми-Пермяцком книжном издательстве (1997). Его стихи переведены на русский, коми-зырянский, удмуртский, марийский, эстонский, французский языки. Удостоен литературной премии имени Михаила Лихачёва в области прозы (премия Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа) за книгу «Рёма вёттэз» («Цветные сны») (2011).

Выучиться бы его наукам,
Перенять, что свято и грешно,
Передать его подросшим внукам,
Жить зачем и веровать во что.

Расспросить про корни родовые
Деда мне, увы, не суждено.
Никогда не свидимся живыми,
Нить былая прервана давно.

ПУТЬ РОССИИ

Как твоя дорога нелегка —
Без конца крутые повороты!
То возносит к небу в облака,
То роняет в топкое болото.

Но упрямой лошади родна,
Ты своей шагаешь колеёю,
Хоть порою полуголодна
И пьяна, к несчастью, порою.

А когда иные норовят
Своему понятию в угоду
Развернуть оглобли на закат,
Вечно возвращаешься к восходу.

Между двух сторон, как двух огней,
Ты не припадаешь на колени —
Тяжба продолжается, и в ней
Вряд ли что-то время переменит.

НА ПОГОСТЕ

Здесь немая тишина царит —
Разве птица пропоёт какая,
Да листвою ветер говорит,
Что слышал, по свету летая.

Прадеды и деды навсегда
Собраны в покое за деревней,
И не различаются года
Из недавней череды и древней.

Время их на нитку завело —
Да гармошкой сжало по итогу...
Из могильных холмиков село
Поднималось в поле понемногу.

Не позарастают в том селе
Тропки наши, если каждый понял:
Сами остаёмся на земле
Все мы, если об ушедших помним.

* * *

На россыпь звёздного гороха
Блином наброшена луна,
А речки ровная дорога
Пыльцой серебряной полна.

Здесь время словно бы случайно —
Идёт иначе, не спеша.
Но удивительную тайну
Раскрыть торопится душа.

* * *

Похожи все малые дети,
Но жизнь различает затем:
То мёдом обмажет, то дёгтем —
И не поменяться ни с кем.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Над землёй разлетится
Материнское слово —
И душа моя птицей
Отозваться готова.

Бередя по живому,
Из далеких заречий
Тянут родичей к дому
Материнские речи.

Мне язык материнский —
Колокольчик над лугом,
Что звенит в моём сердце
Несмолкающим звуком.

* * *

Небесной синью лета
Речное дно блеснуло,
Волной льняного цвета
В глаза твои плеснуло...

НАПУТСТВИЕ

Жизнь всегда настойчиво учила,
Но того не забываю дня...
Мама сумку сшила и вручила,
Да тепло наставила меня:

— Слушайся учительницу в школе
И, сынок, запомни мой совет:
Не ленись, учись по доброй воле —
Выйдешь обязательно на свет...

Времена на многом ставят точку —
Вот уже седеет голова...
Провожая собственную дочку,
Повторял я мамины слова.

*Перевод с коми-пермяцкого языка —
Андрей Расторгуев, г. Екатеринбург*

Елена КОНЬШИНА

ХУДЕЕТ ЛЁД, ПОЛНЕЕТ ПРУД... Стихи**РАЗГОВОР СО СКВОРЦОМ**

Скворец, в гнезде уснуть позволь.
 Душа порадуется пусть.
 И пусть уйдёт из сердца боль,
 Иначе в злобе задохнусь.

Ручьи уже рекорды бьют,
 Берёзки до колен в воде.
 Худеет лёд, полнеет пруд.
 Дороги чистятся везде.

Скворец мой, песню начинай,
 Берёзки чтоб пустились в пляс.
 Ты образуй на Парме рай,
 Чтоб тонус жизни не погас.

Сирень цветёт, гляди, скворец,
 Покой моей души пленит.
 Ты для меня теперь творец,
 Послушай, как душа болит.

Скворец, меня ты успокой,
 Как птице дай душе летать.
 Ты прежней жизни часовой,
 Дай новой жизни благодать.

И люди, радуясь весне,
 Здоровы будут и сильны.
 Пусть во вчерашнем хмуром дне
 Погаснут отзвуки войны.

Елена Ивановна КОНЬШИНА Родилась 22 февраля 1970 года в деревне Митино Кочёвского района Пермской области. В 1992 году окончила коми-русское отделение филологического факультета ПГПИ. Работала научным сотрудником, журналистом в ГТРК «Коми-Пермяцкая», редактором в коми-пермяцком отделе радиовещания, начальником информационно-аналитического отдела Администрации Кудымкарского района. Главный редактор газеты «Иньвенский край» (с 2006); учредитель и главный редактор газеты «Кама кытшын» («В круге Камы» на коми-пермяцком языке, с 2010); с 2013-го — председатель Пермской региональной общественной организации «Литературное объединение «Писатели Пармы». Изданы книги: «Асывся шыэз» [«Утренние звуки»] (2004), «Менам горт» [«Мой дом»] (2012), книжки-малышки для детей: «Челядълён гаж» [«Детская радость»], «Вильгодся лым чиррез» [«Новогодние снежинки»], «Дзоридзо» [«Цветок»] (2013–2014), «Ловлён сыланкыв» [«Песнь души»] (2016), «Онмосьтанко» [«Баюнок»] (2020). Лауреат премии имени А. Н. Зубова за книгу «Менам горт» (2012). Лауреат премии имени М. П. Лихачёва за книгу «Онмосьтанко» (2020). Номинант Есенинской премии (2017, 2022). Член Союза журналистов России (2016). Член Союза писателей России (2018).

С ЛЁГКОЙ ДУШОЙ

Поверь, моя душа чиста.
Живу я так, как долг велит.
В краю отцов растёт мой сад.
Мне лёгкий сон благоволит.

Свою я душу не продам.
На свете нет такой цены.
И замарать её не дам
Тому, чьи помыслы темны.

Играет чистая душа
Цветком — венерин башмачок.
Живу без страха, не спеша.
Моя звезда как маячок.

СЧАСТЛИВАЯ

Я счастлива, поверьте, вопреки,
Когда душа от горечи трепещет.
Порочат имя злые языки,
И кто-то ни за что порой клеветшет.

Нет на земле счастливее меня,
Хотя порою дьявола смущаюсь.
И тёмными ночами у огня
Глотая слёзы, тихо улыбаюсь.

Счастливые ночами вижу сны:
От умиленья бабочкой порхаю.
Любуясь, глажу веточку сосны,
Родных детей, целую, обнимаю.

Когда услышу пение ручья,
Смородину в пригоршню собираю.
Я знаю, нет счастливее меня,
И верю, всюду Бог мне помогает.

МОЯ ДУША

Моя душа стремится птицей вверх,
Но дьявол тянет мою душу вниз.
В моей душе от Бога сильный стерх,
А злое сердце губит душу — эпикриз.

Ты с добрым сердцем подойди к моей душе.
И грусть и радость ты найди в моей душе.

УСЛЫШАЛА КУКУШКУ

Услышала ухом я правым кукушку,
И знаю, что радость мне это сулит.
Поёт мне весна по секрету на ушко:
Со льдом всё уйдёт, что гнетёт и болит.

Я овощи в грядку садила, и справа
Кукушка про счастье несла напролом.
Я слушала. Правда её — как отрада.
Пусть крепнет и радостью полнится дом.

МОЙ ЗОНТ

Мой зонт, как широкие крылья у птицы,
Укроет лицо, утомлённое бытом.
И капли дождя, как родные сестрицы,
Но плачет душа о порыве убитом.

И грустный у осени лепет, печальный,
Сердечко моё успокоить не сможет.
Вопрос о спасенье закрыт изначальный.
Надежда последняя — зонт мой поможет.

*Перевод с коми-пермяцкого языка
Алексея Галузина*

МАМИНА МОЛИТВА

С маминой молитвою я иду в дорогу.
Знаю, что хранимая Ангелами, Богом.
Мамина молитва нежно душу греет,
И от этого, что есть, я люблю сильнее.

Песню материнскую я в дороге слышу,
Песню колыбельную, что качает душу,
Ту, в которой ласково о «пöлянах» пела,
Детям верность к Родине передать сумела.

От рождения с нами в нашей жизни мамы,
Сердце безутешно, коль уходят рано.
Чтобы жили долго, просим мы у Бога,
Чтобы была ровной у судьбы дорога.

Авторский перевод с коми-пермяцкого языка

КОРНИ

Корни землю обнимут —
Голос Космоса в них.
Люди землю покинут —
Корни крепче живых.

Все наречия — корни,
Сквозь века прорастут.
Ни к чему им покорность:
Силой предков живут.

Корни нашего слова —
Пармы светлой родник.
Нам любить как основу
Сильный, чистый язык.

*Перевод с коми-пермяцкого языка
Надежды Мохиной*

Виталий БОГОМОЛОВ

РУСЬ ПОД ПОКРОВОМ СЯТИТЕЛЯ ТИХОНА. Две главы о Патриархе Тихоне из рукописи книги «Свет отражённый»

7 апреля 2025 года исполнилось 100 лет со дня блаженной кончины святителя Тихона — Патриарха Московского и Всея Руси, человека огромного гражданского мужества. Возглавив Православную Церковь России в самое кровавое и тяжёлое время, он мужественно боролся за чистоту веры, за торжество справедливости, по сути, за Русь-Матушку и её народ. В посёлке Кордон Усть-Кишертьского района возведён храм во имя святителя Тихона. Построен буквально на народные деньги, с большим энтузиазмом, с огромной народной любовью... Пять лет я собирал материал о строительстве этого храма, и хочу предложить читателям две главы о Патриархе Тихоне.

ГЛАВА 12. РУСЬ ПОД ПОКРОВОМ СЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

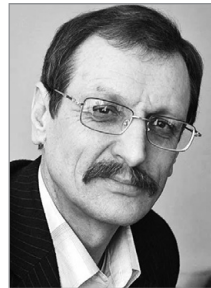
Мудростью Святых Отцов питайте души ваши.

В сознании даже верующих людей имя святителя Тихона укоренено недостаточно, а между тем именно Патриарх Тихон как никто другой из священнослужителей, пострадавших от большевиков, достоин молитвенного поклонения как непоколебимый защитник и ревностный хранитель истинной веры отцов наших, пастырь, сильный духом.

Поэтому мы считаем, что поместить в книге о строительстве храма, названного в честь Патриарха Тихона, материал о самом Патриархе — это значит использовать возможность популяризации имени святого в миру и, на примере его беззаветного служения — возможность укрепления в нас непоколебимой веры.

Без знакомства с Житием святителя Тихона невозможно познать и постичь глубинную суть Тропаря, глас 3, ему посвящённого¹.

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Детство и юность прошли в Ординском районе Пермской области. Трудовой путь начинал в колхозе. Служил в армии, работал на заводах Перми. Окончил дневное отделение Пермского государственного университета имени А. М. Горького. Первая книга «Глухариное утро» вышла в 1987 году в Москве. Автор более тридцати книжных изданий и свыше шестисот публикаций в периодике, коллективных сборниках. Член Союза писателей России / СССР (1990). Лауреат Всероссийского конкурса имени В. М. Шукшина, областной и краевой премии в сфере культуры и искусства, премии имени русского поэта и критика А. Ф. Мерзлякова. Кавалер ордена Достоевского I, II степени (2013, 2011). Награждён многими дипломами и почётными грамотами. Живёт в городе Перми.

¹ Тропáрь (греч.) — краткое молитвенное песнопение, в котором раскрывается сущность прославления святого и призывается его именем помощь Божия.

* * *

Для верующей России в первые послереволюционные годы, когда на Церковь обрушилась тяжкая магла безбожия, гонений, когда власти любой ценой хотели низложить Православие, Святейший явился примером непоколебимой стойкости, верности Православию в годину мучительных испытаний, когда большевики беспощадно расстреливали священников без всякой вины, в устрашение остающимся жить, что с ними будет то же, если они не отрекутся от своей веры. И тогдашняя великой силы исполненная стойкость Патриарха Тихона, являя пример, дала Церкви возможность выстоять. Это и нынешним благополучным верующим — всем пример на многие века!

И высока честь Кордону и храму его — носить имя такого светильника Божия, каким Патриарх Тихон стал для Матушки нашей России, молитвенник за нас. Только нам надо, положась на волю Божию, с верой молиться ему о России. Велика честь принимать участие в строительстве храма, названного его именем... Многие грехи простятся этим людям, и через возведение и украшение храма будут многие искуплены...

Пожалуй, нет другого святого, кто был бы к Богу во времени ближе в молитвах о русской Православной Церкви после революционного периода, претерпевшей от большевистских властей страшные гонения. Великий святой, великий молитвенник о нас Патриарх Тихон, чьи «дóбрая дела и до ныне свѣтятся пред человеки!» Его судьба, его духовный подвиг вызывают особое почитание.

ЗА ЧИСТОТУ И КРЕПОСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ (Из жития святителя Тихона)

Святитель Тихон (в миру Белавин Василий Иванович) родился 19 (31) января 1865 года в селе Клин Торопецкого уезда Псковской губернии, в семье потомственного православного сельского священника Иоанна Тимофеевича Белавина (1824–1894) и Анны Гавриловны († 29 апреля 1904). Семья была благочестивой, в ней неуклонно исполнялись Заповеди Божии, истинное почитание Святой Троицы и Матери Божией, нравственные установления.

Детские и ранние юношеские годы Василия прошли в деревне, в непосредственном соприкосновении с крестьянским трудом. Дети помогали родителям по хозяйству, ухаживали за животными, всё умели делать своими руками.

Святейший Патриарх
Московский и всея
Руси Тихон

Когда Василий был ещё малолетним, его родителю было откровение о каждом из его детей. Однажды он с тремя сыновьями спал на сеновале. Ночью вдруг проснулся невероятно взволнованный и разбудил детей. «Знаете, — заговорил он, — я сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот, — он протянул руку в сторону Василия, — будет великим».

Пророчество с точностью исполнилось на всех трёх братьях...

Василий с ранних лет отличался особой религиозной настроенностью, любовью к Церкви и редкой кротостью и смирением. Именно здесь, в родительском доме, в девятилетнем возрасте будущий Патриарх принимает решение поступать в Торопецкое духовное училище, а по окончании его покидает родительский дом, чтобы получить дальнейшее образование в семинарии.

В 1878–1883 годах Василий Белавин учился в Псковской духовной семинарии. Он был довольно высокого роста, белокурый. Выделялся скромностью, прилежной учёбой и заинтересованностью в занятиях, отличался ласковым и добрым характером, всегда был приветливым, учёба давалась ему легко. Такие качества в сочетании с искренностью подкупали, и товарищи любили Василия и относились с чувством уважения. Это объяснялось его неподдельной религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашней готовностью откликнуться на просьбу о помощи. Товарищи нередко обращались к нему за разъяснениями уроков, особенно те, кто нуждался в помощи по составлению и исправлению многочисленных в Семинарии сочинений. Василий с радостью помогал. И за эту постоянную готовность помочь и пожертвовать даже последним однокурсники в шутку прозвали его «архиереем».

Окончив семинарию одним из лучших учеников, Василий успешно сдал в 1884 году вступительные экзамены в Санкт-Петербургскую духовную академию. И новое уважительное прозвище — «Патриарх», полученное им (теперь уже от академических друзей) за серьёзность и нравственность, оказавшееся пророческим, весомо свидетельствует о его образе жизни в те годы.

В 1888 году, окончив академию, 23-летний Василий Белавин со степенью кандидата богословия и правом получения степени магистра без нового устного испытания — возвращается в Псков. 11 июня приказом обер-прокурора Святейшего Синода назначен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Псковскую духовную семинарию, и три года преподаёт в родной семинарии.

Стремясь всем существом к Богу, Василий Белавин уже в студенческие годы вёл строгую, сознательно целомудренную жизнь, заботился о чистоте своей души. На поприще преподавателя семинарии он после серьёзных раздумий делает свой первый шаг за Господом на крест, как сказано о нём, преклонив волю под три высоких обета — девства, нестяжания, послушания. И на 26-м году жизни, 14 декабря 1891 года, принимает монашество. На его постриг собрался почти весь город. Ему, с молодости отличавшемуся кротостью и смирением, было дано имя Тихон, в честь святителя Тихона Задонского. На следующий день Тихона рукополагают в иеродиакона, а 22 декабря — в иеромонаха.

В марте 1892 года иеромонаха Тихона переводят инспектором в Холмскую² духовную семинарию, где вскоре он в сане архимандрита становится ректором. 19 октября 1899 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры 34-летний архимандрит Тихон был возведен в сан епископа Люблинского с назначением его викарием Холмско-Варшавской епархии. Только год пробыл епископ Тихон на своей первой кафедре, а сумел заслужить у паствы такое уважение,

² Город Холм расположен в Новгородской области.

что когда пришёл указ о его переводе, город скорбел. Плакали не только православные, плакали униаты и католики. Горожане пришли на вокзал провожать возлюбленного пастыря. Епископ Тихон ревностно здесь отдавался работе и своей духовной и нравственной высотой приобрёл всеобщую любовь не только русского населения, но и литовцев и поляков.

За годы преданного служения Церкви Христовой Тихону довелось побывать в самых разных уголках земли, от Москвы до Нью-Йорка и Аляски.

14 сентября 1898 года владыка Тихон был направлен для несения ответственного служения за океан, в далёкую американскую епархию в сане епископа Алеутского и Аляскинского, с 17 января 1900 года назначен епископом Алеутским и Северо-Американским. 6 мая 1905 года владыка Тихон возведён в сан архиепископа.

Возглавляя Православную Церковь в Америке, архиепископ Тихон много сделал в великом деле распространения Православия, в благоустройстве своей огромной епархии и в постройке храмов для православных русских людей. А любовным отношением ко всем людям, в частности устройством дома для безвозмездного приюта и питания бедняков-переселенцев из России, он завоевал всеобщее уважение. Преодолевая тысячи миль, он посещал труднодоступные и отдалённые приходы. Мудро и деятельно руководил своей паствой, которая за годы его правления увеличилась до четырёхсот тысяч. Это были русские, сербы, греки, арабы, коренные жители — креолы, индейцы, алеуты и эскимосы.

Американцы избрали его почётным гражданином Соединенных Штатов, где он прослужил почти 9 лет. Здесь и поныне именуют его Апостолом Православия. 13 марта 1907 года владыка Тихон отбыл из Америки в Россию, где был назначен на кафедру Ярославскую и Ростовскую.

В Ярославль Высокопреосвященный Тихон прибыл поездом в 2 часа дня 11 апреля 1907 года. Одним из первых здесь распоряжений этого скромного и простого архипастыря было категорическое запрещение духовенству при личных к нему обращениях класть вошедшие в обычай земные поклоны.

И в Ярославле он быстро приобрёл любовь своей паствы, оценившей его светлую душу, что выразилось, например, в последующем избрании его почётным гражданином города, согласно ходатайству о том Ярославской Городской думы. Владыка не гнушался в коляске, верхом на лошади, пешком или на лодке добираться до глухих сёл, посещать монастыри и уездные города: он приводил церковную жизнь в состояние духовной сплочённости.

Во время празднования 300-летия дома Романовых в 1913 году встречал императорскую семью при входе в Успенский собор Ярославля, затем на вопросы императора давал пояснения в Спасском монастыре, который был местом пребывания царя Михаила Фёдоровича в 1613 году.

Согласно некоторым свидетельствам, по причине конфликта с ярославским губернатором³ графом Д. Н. Татишевым владыка Тихон

³ В открытых источниках нет однозначных достоверных сведений о таком конфликте.

был 22 декабря 1913-го переведён в Вильну (Северо-Западный край России). 20 января 1914 года, после напутственного молебна в соборе Спасского монастыря, провожаемый среди прочих и губернатором графом Д. Н. Татищевым — владыка Тихон покинул Ярославль.

При переводе в Вильну Городская дума, как мы уже обмолвились, почтила его титулом «Почётного гражданина города Ярославля». Святейший Синод в сентябре 1914 года разрешил владыке Тихону принять это звание — «случай избрания епископа почётным гражданином города является чуть ли не единственным в истории Русской Церкви», — как пишет М. Е. Губонин в книге «Современники о Патриархе Тихоне».

После перевода в Вильно архиепископ Виленский и Литовский Тихон сделал особенно много пожертвований в различные благотворительные учреждения. Здесь также выявилась его натура, богатая духом любви к людям. В Первую мировую войну, когда немцы были уже под стенами Вильно, он вывозит в Москву мощи виленских мучеников, другие святыни. Вернувшись в ещё не оккупированные прифронтовые земли, владыка Тихон служит в переполненных храмах, обходит лазареты, благословляет и напутствует войска, уходящие защищать Отечество. Напрягает все свои силы, чтобы помочь несчастным обитателям Виленщины, утратившим по причине войны с немцами свой кров и средства к существованию и толпами идущим к своему архипастырю...

После Февральской революции обер-прокурором Святейшего синода был назначен В. Н. Львов. Он сместил с кафедр двух старейших митрополитов Русской Церкви: митрополита Московского Макария (Невского) и митрополита Санкт-Петербургского Питирима (Окнова), затем вскоре распустил Синод, чтобы новый состав сделать более удобным для себя. И в середине апреля он подобрал на летнюю сессию новый состав Синода, в который из прежних членов вошёл только архиепископ Сергей (Страгородский). Архиепископ Виленский Тихон, бывший в это время членом Святейшего Синода, оказался в числе опальных и в новый состав Синода вызван не был, хотя до этого вызывался на зимнюю сессию Синода 1916–1917 годов.

Желая привлечь к церковному управлению новых людей, В. Н. Львов организовал выборы на освободившиеся Московскую и Петербургскую кафедры, и ещё в нескольких епархиях, которые возглавляли епископы, неприемлемые с точки зрения реформаторов.

Наступившая в это время невиданная в России вольность давала возможность свободных выборов на Московскую и Петербургскую кафедры. Действительно, в древности в Церкви епископов выбирал народ, но за многие века эта традиция была утрачена, и епископы стали получать назначение от власти. И теперь неожиданно ставшие возможными выборы на главные кафедры Русской Церкви были, конечно, небывалым событием и привлекали к себе общее внимание.

И вот 19 июня 1917 года в Москве открылся Съезд духовенства и мирян Московской епархии для выборов возглавителя епархии (архиепископа или митрополита) вместо смещённого митрополита Макария. Этим выбором предшествовала, конечно, молитва, совершавшаяся перед главной московской святыней — Владимирской иконой Божией Матери.

Одним из претендентов на место управителя епархии был всеми любимым, замечательный церковный деятель Александр Дмитриевич Самарин, потомок известного славянофила. Интересно, что его кандидатуру предложили в кругу московской церковной интеллигенции будущий священник, а тогда философ, Сергей Николаевич Булгаков и замечательный церковный деятель Михаил Александрович Новосёлов.

21 июня, посредством тайного голосования, правящим архиереем Москвы избрали архиепископа Тихона как ревностного и просвещённого архипастыря, широко известного даже за пределами своей страны. Определение Святейшего Синода от 23 июня (ст. ст.) 1917 года N 4159 постановляло:

«Избранному свободным голосованием клира и мирян московской епархии на кафедру московского епархиального архиерея, архиепископу литовскому и виленскому Тихону — быть архиепископом московским и коломенским, Свято-Троицкия Сергиевы лавры священно-архимандритом без возведения в сан митрополита до решения этого вопроса собором» (Сохранены особенности написания источника. — В. Б.).

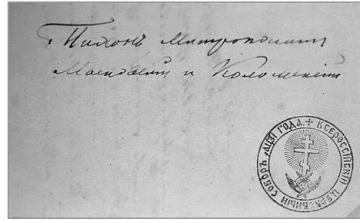
Определением Святейшего синода от 13 августа 1917 года N 979, утверждённым Временным правительством 14 августа, архиепископ Тихон был возведён в сан митрополита. Должно быть, по воле Божией события стали развиваться не так, как угодно было обер-прокурору В. Н. Львову: выборы не оправдали его надежд, его кандидаты были отвергнуты церковным народом. На Московскую кафедру 4 июля 1917 года был избран архиепископ Виленский Тихон, уволенный до этого из Синода обер-прокурором. Сразу же на митрополита Тихона было возложено бремя подготовки Поместного Собора и организации выборов его будущих участников. До этого Собор не собирался более двухсот лет.

15 (28) августа 1917 года, в день Успения Пресвятой Богородицы, литургией, которую в кремлёвском Успенском соборе совершил митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), открылся Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 годов. Можно утверждать с уверенностью, как свидетельствуют современники, что в русской истории не было Собора столь соборного, представительного, ответственного и смелого, столь воодушевлённого живой верой и готового идти на подвиг, как Поместный Собор 1917–1918 годов. Более половины его участников были миряне, хотя и без права голоса при принятии решений. Почётным председателем Собора стал старейший митрополит Киевский Владимир, а действующим председателем был избран владыка Тихон, теперь уже в сане митрополита Московского и Коломенского.

Собор ставил своей целью восстановить жизнь Русской Православной Церкви на строго канонических началах. На Соборе разгорелась оживлённая дискуссия о необходимости высшего церковного управления, каковым может быть патриаршество. Далеко не все участники высказывались за реставрацию патриаршества, отменённого в царствование Петра I; значительная группа профессоров-богословов из мирян выступала против.

После октябрьского переворота и прихода к власти большевиков в Петрограде, 28 октября (10 ноября), были прекращены прения по вопросу и принято решение о восстановлении патриаршества.

Избрание Патриарха было решено проводить в два этапа: тайным голосованием всех членов Собора избрать трёх кандидатов, а затем предоставить воле Божией посредством жребия указать избранника. Наибольшее число голосов при тайном голосовании получили (по убывающей) архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) и Тихон, митрополит Московский.

Жребий с именем митрополита
Тихона

5/18 ноября 1917 года в храме Христа Спасителя во время совершения Божественной литургии перед Владимирской иконой Божией Матери, которая была специально принесена из расстрелянного незадолго до того Успенского собора в Кремле, стоял запечатанный ковчег со жребиями. После литургии и молебна старец Зосимовой Смоленской пустыни иеросхимонах Алексей (Соловьёв) благоговейно вынул из ковчежца один из трёх жребиев с именем кандидата. Будущий священномученик митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) — почётный председатель Собора — огласил имя избранного: «Митрополит Тихон». Таким образом, избранником оказался кандидат, набравший на первом этапе наименьшее количество голосов. В тот же день, в 3 часа пополудни, все архиереи-члены Собора собрались в Троицком подворье на Самотёке (резиденции Московских митрополитов). По пении «Многолетия» (Ис полла эти, дэспота (греч.) — на многая лета, господин!), к Патриарху Тихону обратился с речью архиепископ Антоний (Храповицкий) — (кандидат, набравший наибольшее число голосов), сказав, в частности, следующее:

«Сие избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, товарищами Вашими по академии. Подобно тому как полтора-два лет тому назад мальчики в Новгородской бурсе, дружески шутя над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили перед ним своими лаптями, воспевая ему величание как Божиему угоднику, а затем их внуки совершали уже настоящее каждение пред нетленными мошами его, то есть Вашего небесного покровителя Тихона Задонского; так и Ваши собственные товарищи прозвали Вас патриархом, когда Вы были ещё мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования...»

7 ноября наречённый Патриарх Тихон отбыл в Троице-Сергиеву лавру, где пробыл несколько дней, о чём сохранились воспоминания наместника Лавры, архимандрита Кронида (Любимова)⁴.

⁴ 7 декабря 1937 года тройка НКВД СССР по Московской области приговорила 78-летнего (!) архимандрита Кронида к расстрелу. 10 декабря 1937-го приговор был приведён в исполнение на Бутовском полигоне НКВД. Погребён архимандрит Кронид в безвестной могиле. Сердце от скорби разрывается... Вот в какой трепет приводили большевистскую власть народные духовные авторитеты. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в августе 2000 года архимандрит Кронид причислен к лику святых.

Интронизация (возведение новоизбранного Патриарха на престол) была совершена 21 ноября/4 декабря 1917 года в кремлёвском Успенском соборе Кремля, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Вскоре после интронизации на Красной площади состоялся грандиозный Крестный ход, в котором приняли участие сотни тысяч людей. Когда святитель Тихон преподавал благословление тем, кто молился о его предстоящем служении, вся площадь опустилась на колени в знак признания того, что Патриарху вручена особая миссия — молиться за народ Божий, за Русь Святую в самое тяжёлое время её исторического бытия.

Сегодня невозможно представить всю тяжесть ответственности, которая легла на плечи нового Патриарха. Большевики разогнали Учредительное собрание, и он оказался единственным законно избранным вождём народа, так как в выборах членов Собора участвовало большинство населения страны. Ему первому пришлось решать вопрос об отношении с новым государственным строем. Народ необыкновенно любил и чтит своего архипастыря. Патриарха Тихона часто приглашали служить в разные храмы Москвы и Подмосковья. Когда он приезжал в какой-нибудь подмосковный город, весь народ встречал его, так что в городе обычно прекращали работать на всё время его пребывания.

Почти сразу после Октябрьской революции отношения государственной власти и предстоятеля Русской Православной Церкви приобрели характер острого конфликта, так как уже первые декреты советской власти коренным образом ломали и церковную, и народную жизнь. А он занял непримиримую позицию, как говорил: «Не погрешая против веры и Церкви, не допуская никаких компромиссов и уступок в области веры...»

В 1917 году, очень скоро после революции, в Петрограде был убит большевиками священник Иоанн Кочуров, сподвижник Патриарха Тихона по служению в Америке. Патриарх очень тяжело пережил эту первую мученическую смерть. Затем, в конце января 1918 года был расстрелян в Киеве 70-летний митрополит Владимир, почётный председатель Собора. В Петрограде начались прямые нападения на Александро-Невскую лавру.

Интересен рассказ о том, как в начале 1918 года, во время второй сессии Собора, Патриарх Тихон жил в доме Троицкого подворья. Однажды ему сообщили, что в Петрограде собралась большая группа матросов, которая едет в Москву с целью арестовать на Соборе Патриарха и увезти его в Петроград. Патриарх не обратил на это никакого внимания. Через несколько дней ему сообщили, что из Петрограда вышел поезд, в котором целый вагон занят матросами, собирающимися арестовать его на Соборе. Келейнику, который вечером пришёл предупредить Патриарха, что утром матросы будут в Москве, Патриарх ответил: «Не мешайте мне спать». Затем он отправился в свою спальню и крепко уснул.

Наутро поступили сведения, что матросы прибыли в Москву, стоят на Николаевском вокзале и могут днём явиться и арестовать Патриарха. В целях безопасности Патриарху предложили перейти в здание семинарии, где жили участники Собора. Но Патриарх Тихон с обычной для него невозмутимостью ответил, что никуда

он прятаться не будет и ничего не боится. Моряки не пришли. Они просидели полдня на вокзале и потом уехали обратно в Петроград.

После этого Патриарха Тихона приглашают в Петроград — и он принимает приглашение. Эта историческая поездка совершается в 1918 году. К моменту приезда в Петроград Патриарха Тихона около вокзальной площади собрался весь город. Не только вся площадь, но и все прилегающие улицы были заполнены толпами народа. Характерно, что власти, вопреки просьбе Патриарха, отказались предоставить ему купе и дали место в плацкартном вагоне. Но железнодорожные рабочие, наперекор этому распоряжению, прицепили к поезду отдельный вагон и разместили в нём Патриарха Тихона с сопровождающими лицами.

И вот удивительно торжественная встреча в Петрограде. Патриарха встречают митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), викарии Петроградской епархии, множество духовенства; торжеству нет предела. Патриарх отправляется в митрополичьи покои в Александро-Невскую лавру. Совершается патриаршее служение в Троицком храме в сослужении митрополита Вениамина и других епископов. Вся лавра заполнена людьми. После богослужения Патриарх благословляет народ с балкона митрополичьего дома.

Пребывание Патриарха Тихона в Петрограде продолжалось примерно неделю. Он вернулся в Москву, увезя с собой навсегда особенную любовь своей петроградской паствы и особенную преданность митрополита Вениамина (Казанского).

Став во главе русских иерархов, Патриарх Тихон не изменился. Все соприкасавшиеся со Святейшим Тихоном поражались его удивительной человеческой доступности, простоте и скромности. И высокий сан несколько не ограничивал широкую доступность Святейшего. Двери его дома всегда были для всех открыты, как открыто было каждому его сердце — отзывчивое, ласковое, любвеобильное. Будучи необыкновенно простым и скромным как в личной жизни, так и в своём первосвященническом служении, Святейший Патриарх не терпел и не делал ничего внешнего, показного. Но мягкость в обращении Святейшего Тихона не мешала ему быть непреклонно твёрдым и принципиальным в делах церковных, где было нужно, особенно в защите Церкви от её врагов.

Неизмеримо тяжёл оказался его крест⁵. Первый послереволюционный год в России был отмечен массовым закрытием храмов, мучительной гибелью многих священнослужителей и мирян. Отнималось церковное имущество, духовенство подвергалось преследованиям и гонениям, массовые репрессии захлестнули Церковь Христову. Со всех концов России приходили к патриарху известия об этом. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всевозможными «живоцерковниками», «обновленцами», «автокефалистами». Ситуация осложнялась и внешними обстоятельствами: сменой политического

⁵ В интернете размещено множество прижизненных фотографий Патриарха Тихона, но ни одной, где бы он был с улыбкой, на всех снимках в глазах его грусть и глубокая скорбь.

стройка и приходом к власти беспощадных богоборческих сил, голодом, гражданской войной.

Вскоре после обстрела Кремля и вооруженного захвата Александром-Невской и Почаевской лавры Патриарх Тихон выпустил послание от 19 января 1918 года, известное как «анафематствование Советской власти». Патриарх с мужеством, каковое может дать только глубокая и искренняя вера в Бога, исполнял свой пастырский долг, разъясняя народу смысл происходящего с церковной точки зрения и предостерегая от участия в грехах и преступлениях, в которые втягивали простой народ большевики.

В послании Патриарх выступил против разрушения храмов, захвата церковного имущества, гонения и насилия над Церковью. Указывая на «зверские избиения ни в чём не повинных людей», которые совершаются «с неслыханной доселе дерзостью и беспощадной жестокостью», святитель Тихон призывал творящих беззакония опомниться, прекратить кровавые расправы, и данной ему от Бога властью запрещал тем из беззаконников, кто носил ещё имя христианское, приступать к Святым Тайнам Христовым. Отлучив от Церкви всех «творящих беззакония», Патриарх призвал христиан не вступать в общение и союзы с кем-либо из них. И хотя в послании речь шла лишь об отдельных «безумцах» и советская власть прямо не называлась, послание было воспринято как анафема (проклятие) советской власти. Послание читалось во всех храмах России. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы, — звучали в нём слова Святейшего. — Ведь то, что вы творите, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское...»

Одновременно Патриарх обращается и к своей пастве: «Чадца мои! Пусть слабостью кажется иным эта святая незлобивость Церкви, эти призывы наши к терпеливому перенесению антихристианской вражды и злобы, но мы умоляем вас... не отходить от этой единственно спасительной настроенности христианина... на путь восхищения мирской силы или мщения».

Большевики арестовывают и даже расстреливают распространителей посланий Патриарха к властям и народу, злобно клеветают на Патриарха в газетах.

Осудив политику кровопролития и призвав к прекращению междоусобной брани, Патриарх Тихон в ряде посланий 1918–1919 годов отвергал участие Церкви в борьбе против советской власти и звал к примирению, стремясь сохранить нейтралитет в гражданской войне и окончательно определить позиции аполитичности Церкви.

К нему приезжают посланцы от А. И. Деникина с просьбой благословить белых на борьбу с большевизмом, но получают отказ: «Большевики — наказание и испытание России. Мечом их не победите — только кровь русскую напрасно прольёте».

Как может, Святейший утишает страсти — не против «властей земных» бранится Церковь, против «духов злобы поднебесной»!

В первую годовщину октябрьского переворота Патриарх Тихон обратился к Совету народных комиссаров со словом «обличения и увещания». Указывая на нарушение всех обещаний, данных народу до прихода к власти, Патриарх снова осудил кровавые репрессии, особенно выделяя многочисленные убийства ни в чём не повинных заложников. Для достижения своих целей новые властители

соблазнили «тёмный и невежественный народ возможностью лёгкой и безнаказанной наживы, отуманили его совесть и заглушили в нём сознание греха».

Святой Тихон отвергал обвинение в противлении власти и добавлял: «Не наше дело судить о земной власти; всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы наше благословение», если её деятельность была бы направлена на благо подчинённых. Заканчивалось обращение поистине пророческим предупреждением, не употреблять власть на преследование ближних. «А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами пролитая, и от меча погибнете вы сами, взявшие меч». Патриарх призывал «верных чад Церкви» не к вооружённой борьбе, а к покаянию и духовному, молитвенному подвигу: «противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага». Святейший Тихон умолял православный народ «не сходиться с пути крестного, ниспосланного Богом, на путь восхищения мирской силы», особо предостерегал, чтобы не позволяли увлечь себя страстию отмщения. Служителям Церкви Патриарх напоминал, что они «по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов» и не участвовать в политических партиях и выступлениях.

Требование Патриарха не связывать Церковь ни с каким политическим движением, ни с каким образом правления в условиях ожесточенной войны не смогло отвести угроз в его адрес. Власти обвинили его в пособничестве белому движению и в контрреволюционности.

Осенью 1918 года, во время разгула красного террора, власти предприняли попытки организовать кампанию против Патриарха Тихона в связи с делом главы английской миссии Локкарта, и 24 ноября провели первый обыск на его квартире. Патриарх Тихон был заключён под домашний арест. Основной пункт предъявленных Патриарху обвинений сводился к якобы имевшим место призывам Первосвятителя к свержению советской власти.

В ответном письме в Совнарком Патриарх заявил, что он никаких воззваний «о свержении советской власти» не подписывал и никаких действий для этого не предпринимал и предпринимать не собирается. «Что многим мероприятиям народных правителей я не сочувствую и не могу сочувствовать, как служитель Христовых начал, этого я не скрываю и о сем открыто писал в обращении к Народным Комиссарам перед празднованием годовщины Октябрьской революции, но тогда же и столь же откровенно я заявил, что не наше дело судить о земной власти, Богом допущенной, а тем более предпринимать действия, направленные к её низвержению. Наш долг лишь указать на отступления людские от великих Христовых заветов, любви, свободы и братства, избличать действия, основанные на насилии и ненависти, и звать всех ко Христу».

Совет объединённых приходов Москвы, понимая, что жизни Патриарха грозит опасность, организовал у покоев Святейшего на Троицком подворье безоружную охрану из добровольцев.

14 августа 1919 года Наркомат издал постановление об организации вскрытия мошей. Было вскрыто 65 ра⁶ с мошами российских

⁶ Рака – ковчег, гроб, местохранилище останков святых.

святых, в том числе и самых почитаемых, таких как преп. Сергей Радонежский и преп. Серафим Саровский. Патриарх Тихон не мог оставить без ответа такое святотатство и глумление и написал воззвание, требуя прекратить кощунства.

В 1919 году власти посягнули на национальную святыню — Троице-Сергиеву лавру и святые мощи преподобного Сергия Радонежского, вызвав этим бурю возмущений. 24 декабря 1919 года последовало решение ВЧК снова подвергнуть Патриарха домашнему аресту, главная цель которого состояла в его изоляции от верующего народа. В этот период святитель Тихон постоянно служил в домовом Сергиевском храме Троицкого подворья.

Невзирая на народное возмущение, 25 августа 1920 года последовало решение властей о ликвидации мощей во всероссийском масштабе. Вскрытие ковчегов с мощами сопровождалось закрытием монастырей. Несмотря на прямое гонение на веру и Церковь, народ из Церкви не ушёл...

13 сентября и 10 октября 1920 года Святейший был подвергнут допросам. Из-под домашнего ареста Патриарх Тихон был освобождён не ранее сентября 1921 года, хотя постепенно режим ареста был ослаблен и Святителю разрешали выезжать на служение в храмах. Последующие события оказались ещё более зловещими.

В 1921 году начался страшный голод в Поволжье. Летом того же года Патриарх Тихон опубликовал послание, которое называлось «Воззвание Патриарха Московского и Всея Руси Тихона о помощи голодающим». Это послание было прочитано всенародно в храме Христа Спасителя.

Затем последовали обращения Патриарха Тихона к папе Римскому, к архиепископу Кентерберийскому, к американскому епископу с просьбой о скорой помощи голодающему Поволжью.

И эта помощь пришла. Была создана организация под названием ARA (American Relief Administration)⁷, которая вместе с другими международными организациями спасла очень многих людей. И несомненно, что голос Патриарха Тихона в этом деле сыграл огромную роль, потому что за границей больше всего доверия было именно к нему.

После обращения Патриарха Тихона к российской пастве, народам мира, главам христианских церквей за границей о помощи голодающим Поволжья в храмах России начались сборы пожертвований. Одновременно в письме от 22 августа 1921 года Патриарх предложил властям широкую программу помощи голодающим, в том числе создание Церковного комитета в составе духовенства и мирян для организации помощи.

19 февраля 1922 года Патриарх Тихон обратился с воззванием, в котором предложил собрать необходимые для голодающих средства «в объёме вещей, не имеющих богослужебного употребления», и ЦК Помгола (Помощи голодающим. — В. Б.) одобрил это предложение.

В короткий срок было собрано около 9 миллионов рублей. Но власти поняли, что это только поднимает авторитет Церкви в глазах народа. И 23 февраля 1922 года был опубликован декрет об изъятии церковных ценностей, принятый ВЦИК по инициативе

⁷ Американская администрация помощи.

Л. Д. Троцкого и положивший начало ограблению православных храмов и монастырей России.

В декрете речь шла о сдаче государству всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней, включая предназначенные для богослужения, запрещалась замена драгоценных предметов, имеющих «богослужебное употребление», равноценным количеством золота и серебра. В каждой губернии создавалась Комиссия под председательством одного из членов ВЦИК, участие духовенства в её работе исключалось, Церковь была отстранена от организации сдачи ценностей. Таким образом, добровольное пожертвование церковного имущества было заменено декретом на насильственное изъятие.

На местах насильственное изъятие вызвало повсеместное народное возмущение. По России прошло до двух тысяч процессов и расстреляно было более десяти тысяч верующих (только вдумайтесь в эти цифры! — В. Б.). Послание Патриарха было расценено как саботаж, в связи с чем он находился в заключении с апреля 1922 года по июнь 1923 года. Контроль со стороны духовенства был для большевиков совершенно неприемлем, так как в это время из разных стран, которые откликнулись на призывы Патриарха и других русских общественных деятелей, уже поступила продовольственная помощь в достаточном количестве и в привлечении для этих целей церковных средств не было необходимости.

В письме к М. И. Калинину от 25 февраля 1922 года Патриарх призвал власть отказаться от столь неожиданного решения, чреватого непредсказуемыми последствиями. Но попытки святителя Тихона предотвратить неизбежный конфликт были интерпретированы как стремление «черносотенного духовенства» защитить церковное добро. Тогда Патриарх Тихон обнародовал свое послание от 28 февраля 1922 года, осудив декретированное изъятие как «акт святотатства». Согласно 73-му апостольскому правилу такие действия являлись святотатством, и Патриарх не мог одобрить подобного изъятия, выразив своё негативное отношение к происходящему произволу в послании, тем более что у многих возникли сомнения в том, что все ценности пойдут на борьбу с голодом.

В заявлении, опубликованном 15 марта 1922 года в «Известиях ВЦИК», Патриарх Тихон призывал Комиссию по изъятию при Помголе с «должной осторожностью отнестись к ликвидации ценного имущества» и убеждал, что у Церкви нет такого количества золота, которое надеялись изъять В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий.

Постановления Политбюро ЦК, регламентирующие антицерковную политику большевиков в описываемый период, принимались фактически под диктовку Троцкого: и идейная разработка, и кадровые назначения, так же как сама инициатива и «бешеная» энергия в её осуществлении вместе со стратегией и тактикой — всё исходило от Льва Давыдовича, поистине одержимого желанием отнять золото, расстрелять попов, ограбить даже самые бедные храмы.

Одно за другим пишет он руководящие письма, записки, тезисы, направляющие всю деятельность Политбюро, ВЦИК, Ревтрибунала, НКЮ⁸, всевозможных комиссий и т. п. Но среди его писем от 11, 13, 22, 30 марта не менее, а скорее ещё более зловещим шедевром

⁸ Наркомюст: Народный комиссариат юстиции.

является теперь знаменитое, а тогда «строго секретное» письмо Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года о сопротивлении изъятию в Шуе и политике в отношении Церкви.

ПИСЬМО ЛЕНИНА

«<...> для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мешанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). <...>» (Письмо Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года).

В апреле 1923 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято секретное постановление, по которому Трибунал должен был вынести святителю Тихону смертный приговор. В это время Патриарх Тихон обладал уже всемирным авторитетом. Весь мир следил с особенным беспокойством за ходом судебного процесса, мировая печать была полна возмущениями по поводу привлечения Патриарха Тихона к суду. И позиция власти изменилась: вместо вынесения смертного приговора Патриарх был «лишён сана» обновлениями, после чего власти начали усиленно добиваться от него покаяния.

Патриарх (1923 год): «Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые приведут к потере чистоты и крепости Православия».

«Я готов на всякое страдание, даже на смерть во имя веры Христовой».

В целом вторя Троцкому, Ленин, также одержимый мечтой награть несколько миллиардов золотых рублей, настаивает на безотлагательном и беспощадном изъятии церковных ценностей. «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».

В этом «людоедском» письме определялись в целом программные цели партии в отношениях с Церковью на ближайшие десятилетия: устранить институт Церкви, ликвидировать сословие духовенства⁹,

⁹ Сутью своей эта установка не отличалась от той, которая позднее по отношению нацистов к евреям будет названа «холокостом», то есть преследованием и массовым уничтожением различных социальных групп.

найти золото для мировой революции и укрепления пролетарского государства. На заседании Политбюро ЦК 20 марта 1922 года был одобрен практический план проведения кампании («17 тезисов» Л. Д. Троцкого), означавший переход от имитации правовых, олигетворявшихся ВЦИКом, к откровенно военным методам ведения кампании по изъятию.

24 марта 1922 года «Известия» поместили передовицу, в которой в жёстком тоне заявлялось, что мирный период в кампании изъятия ценностей закончен.

Патриарх Тихон занимал свою твёрдую позицию, и постепенно вызвал неизбежную ненависть представителей новой власти. Они постоянно преследовали патриарха, угрожали ему. Массовое народное сопротивление повсюду было беспощадно подавлено. Суды, открытые процессы над «церковниками», расстрелы прокатились по всей России. Было расстреляно до десяти тысяч верующих. Верховный Трибунал предписал ревтрибуналам инкриминировать Патриарху Тихону, митрополиту Вениамину (Казанскому) и другим церковным иерархам идейное руководство акциями народного сопротивления.

В конце апреля – начале мая 1922 года, как ни старались большевики, кампания по изъятию церковных ценностей не была завершена. Напротив, ужесточались методы её ведения. Проведённая «бешеная» кампания не достигла поставленных Политбюро ЦК РКП(б) целей. Власти получили примерно одну тысячную часть планируемого количества золота. Собранные драгоценности составили лишь незначительную часть той суммы, на которую рассчитывали, — всего немногим более 4,5 миллиона золотых рублей, которые в основном были потрачены на проведение самой кампании по изъятию. Но для Церкви ущерб не укладывался ни в какие цифры. Погибли святыни православия, национальные сокровища России. Погибли люди, души которых дороже всех сокровищ мира...

Жёсткая линия в отношении духовенства, санкционированная Политбюро ЦК РКП(б), с рвением претворялась в жизнь ГПУ, в котором церковными вопросами занималось VI отделение секретного отдела во главе с Е. А. Тучковым. Чекисты, фальсифицируя действительность, возложили на церковное руководство ответственность за волнения верующих и кровавые столкновения. 28 марта 1922 года Патриарха Тихона вызвали на Лубянку и допросили. После этого его вызывали в ГПУ 31 марта, 8 апреля и 5 мая.

Все эти допросы не дали ожидаемого результата: осуждение Патриархом Тихоном антиправительственных действий духовенства не состоялось. 6 мая 1922 года Патриарх был заключён под домашний арест (официальное постановление о домашнем аресте было подписано 31 мая 1922 года). На допросе 9 мая 1922 года Патриарха ознакомили с приговором по московскому процессу о привлечении его к судебной ответственности и взяли подписку о невыезде.

Из Троицкого подворья Патриарха перевели в Донской монастырь, где в качестве арестанта он был помещён в небольшом двухэтажном домике рядом с надвратной церковью во имя Тихвинской иконы Божией Матери. Ему запретили принимать посетителей, выходить из комнат, посещать монастырские храмы без разрешения властей. Только раз в сутки, в полдень, Патриарха выпускали на пло-

шадку в крепостной стене на прогулку. И днём и ночью Святейший пребывал под неусыпным оком чекистской охраны и красноармейцев. Нетрудно представить, в каком унижительном и беспомощном положении он находился в эти дни и как страдала его душа...

Святейшего через день водили на допросы в ЧК, а советские газеты были переполнены призывами «Положить конец тихоновщине!» и клеветническими статьями о «кровавом Тихоне», хотя кровавой в это время была сама власть, а Россия пребывала «кровью умытая», как написал литератор Артём Весёлый, который в 38 лет за эту правду был расстрелян...

Своим исключительно высоким нравственным и церковным авторитетом Патриарх смог собрать воедино распылённые и обескровленные церковные силы. В период церковного безвременья его незапятнанное имя было светлым духовным маяком, указывающим путь к истине Православия. Своими посланиями он звал народ к исполнению заповедей Христовой веры, к духовному возрождению через покаяние. А его безукоризненная жизнь была примером для всех. Кроме того, огромное значение имеет то понимание верующими, что Святейший Патриарх Московский и Всея Руси имеет первенство чести среди всех епископов, является духовным вождём нации.

Особенно много послужил Русской Православной Церкви Патриарх Тихон в мучительную для Церкви пору так называемого «обновленческого раскола».

Много раз Святейшего заключали в тюрьму, а также содержали под домашним арестом в Донском монастыре. Трижды совершали покушение на Патриарха, и всё же он, как божий человек, безбоязненно выезжал для совершения богослужений в столичных храмах.

Пока на Церковь нападали советские власти, Патриарх мог твёрдо и решительно отражать их удары. Но эта борьба стала для него значительно тяжелей, когда богоборческие власти нашли себе союзников внутри Церкви. То были так называемые «обновленцы», справедливо прозванные в народе «обнагленцами», которые подрывали церковь изнутри. В конце апреля 1923 года обновленцы собрали свой «поместный собор». Этот лжесобор учинил заочный суд над Святейшим Патриархом Тихоном. Было вынесено решение: Патриарх Тихон подлежит лишению сана и звания Патриарха и даже монашеского сана. После этого в церковной и светской печати раскольники начали требовать суровой кары для Патриарха — вплоть до смертной казни. (Вопрос: так со Христом ли они?)

Власти сделали Тихону предложение уехать за кордон, однако Патриарх отказался. Несмотря на гонения и пошатнувшееся здоровье, святитель Тихон продолжал принимать народ в Донском монастыре, где он уединённо жил, и люди шли нескончаемым потоком, приезжая часто издалека или пешком преодолевая тысячи вёрст. Монастырь в эти дни становится фактическим центром Русской Православной Церкви — «штабом» сопротивления воинствующему безбожию, политическому антихристианству.

Святейший проявил себя верным служителем и исповедником неповреждённых и неискажённых заветов истинной Православной Церкви. Он был живым олицетворением Православия, что бес-

сознательно подчёркивали даже враги Церкви, называя её членов «тихоновцами».

«Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости Православия», — твёрдо говорил авторитетный Патриарх. Будучи добрым пастырем, отдавшим всего себя делу Церкви, он к тому же призывал и духовенство: «Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову. И Бог мира и любви будет со всеми вами!»

Каково было Святейшему вместить в сердце то горе, которое коснулось его в это страшное время через гибель священнослужителей — духовного цвета нации, через поругание веры, уничтожение и разграбление силами зла народных святынь. Большевики провозгласили свою революцию в интересах народа, уничтожая этот народ пулей, штыком, голодом, ограблением, лишением Веры... Крайне больно было переживать все церковные беды любящему, отзывчивому сердцу Патриарха.

Внешние и внутренние церковные потрясения, «обновленческий раскол», непрестанные первосвятительские труды и заботы по устройению и умиротворению церковной жизни, бессонные ночи и тяжёлые думы об ответственности перед Богом, более чем годичное тюремное заключение, злобная, гнусная травля со стороны врагов, глухое непонимание и неуёмная критика со стороны подчас и православной среды подточили его когда-то крепкий организм.

Вдобавок в декабре 1924 года неизвестные ворвались в келью монастыря и стали стрелять в Тихона, однако келейник Яков Полозов закрыл собою Патриарха и ценой своей жизни спас его жизнь. Святитель очень любил и уважал Якова Анисимовича, своего незаменимого помощника, и тяжело пережил его смерть, понимая, что пуля, сразившая келейника, предназначалась самому Патриарху. Он распорядился похоронить Якова Полозова у стены храма и, видимо, уже предчувствуя свою недалёкую кончину, завещал и себя похоронить рядом со своим келейником. После этого пережитого потрясения у Патриарха участились сердечные приступы, обострилось заболевание почек, налицо было и общее истощение организма. Святейший Патриарх стал сильно недомогать, силы оставляли его. Но и в последний мучительный год своей жизни он, преследуемый и больной, неизменно служил по воскресным и праздничным дням.

В конце марта — начале апреля 1925 года ГПУ готовилось предъявить Патриарху обвинение в шпионаже, что дало бы властям видимость законности применения наказания, за которым стояла желанная для них возможность расстрела... Но Святейший избавил большевистскую власть от подобного греха.

В воскресенье, 5 апреля 1925 года, в церкви Большого Вознесения он отслужил литургию, которая стала для него последней. Через два дня, 7 апреля, в самый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, последовала блаженная кончина святителя и исповедника Тихона. В последние мгновения своей жизни он обратился к Богу и с тихой молитвой благодарности и славословия, крестясь, произнёс: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе...» — в третий раз перекреститься он уже не смог...

Свидетельница похорон патриарха Тихона, анонимно издавшая свои воспоминания, писала:

«К Донскому стечение народа было огромное. По приближительному подсчёту, там перебивало в те скорбные дни не менее одного миллиона людей. Вокруг Донского все ведущие к нему улицы и вся Калужская площадь были загромождены народом. Уличное движение по ним прекратилось, трамваи доходили лишь до Калужской площади. Порядок поддерживался рабочими-распорядителями, у которых на рукаве была чёрная повязка с белым крестом. <...> Очередь от Нескучного — версты 1,5 от монастыря — шла по четверо в ряд. Передвигались до собора более трёх часов. Бесперывно пополняясь у Нескучного вновь прибывающими, этот медленно день и ночь движущийся людской поток не походил на обычные «хвосты». Это было торжественное шествие. <...>

В день погребения Патриарха погода стояла чудесная — тёплая, ясная, весенняя. Служба, по установленному чину, началась в 7 ч. утра и продолжалась до наступления темноты. Двери собора были открыты настежь, так что не поместившимся внутри его и стоявшим впереди было слышно богослужение, а пение доносилось и дальше. От вторивших ему передних рядов оно перекачивалось в задние, и пела вся многотысячная толпа. Это было заупокойное служение всенародное. Духовный и молитвенный подъём был так велик, что даже не слышалось плача. Это было не только погребение Патриарха Тихона, но и всенародное его прославление.

В лице Патриарха Тихона гонимая, преследуемая Церковь потеряла Пастыря доброго, Пастыря умного, жертвенного и мужественного. А было ему всего 60 лет, и в других условиях, мирных и благоприятных, он мог бы ещё долго служить во благо Церкви, во благо своего народа, но здоровье и жизнь он принёс в жертву во имя Христа, во имя своего народа...»

На ответственном посту Первосвященителя Русской Церкви Святейший Тихон пробыл семь с половиной лет. Трудно представить Русскую Православную Церковь в эти годы без личности Патриарха Тихона. Так неизмеримо много сделал он и для Церкви, и для укрепления самой веры в тяжёлые годы испытаний, выпавших на долю верующих.

Архимандрит Тихон (Шевкунов) пишет, что «если православные относились к почившему главе Русской Церкви как к святому, то ненависть к нему со стороны большевиков была исключительной даже на фоне остервенелого советского богоборчества. В списке врагов советской власти, опубликованном в одном из номеров газеты “Известия”, Патриарх Тихон значился под номером один».

Вся жизнь Патриарха Тихона была мученическим подвигом стояния «даже до смерти» за Церковь Христову. Проститься с Патриархом пришло около миллиона человек. Большой собор Донского монастыря Москвы не мог вместить всех прощавшихся в продолжение ста часов».

Уже в наше время, 9 октября 1989 года, Архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил Патриарха Тихона к лику святых.

И для всех нас, и священнослужителей и мирян, святитель Тихон навсегда остаётся во всякое трудное для нас время живым, немеркнущим примером сохранения и укрепления в наших душах веры во Христа, «Ему же сораспялся еси».

Думается, что здесь могут быть для нас примером и подкреплением и такие гениальные слова одного мирянина: «...верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

А мирянином этим был великий Фёдор Михайлович Достоевский. И смысл его высказывания в том, что вне Христа истины нет и быть не может, и остаться с Христом это и значит — остаться с Истиной. И если скажут, что истина вне Христа, то это будет не истина, а ложь¹⁰.

22 февраля 1992 года в Малом соборе Донского монастыря после многотрудных исканий совершилось обретение нетленных мощей святителя. Несмотря на то что в склепе была большая влажность, святые мощи Патриарха, пролежавшие в земле 67 лет, были обретены нетленными и теперь находятся для поклонения в Большом соборе обители. Они являются ныне одной из самых главных святынь России, а Донской монастырь стал важнейшим центром духовного возрождения нации. Сегодня нам необходим пример такого великого соотечественника, беззаветно служившего Богу и людям.

Около северных врат монастыря, в здании Архиерейских покоев, находится музей Святейшего Патриарха Тихона. В экспозиции представлено множество реликвий и подлинных исторически ценных экспонатов, в том числе извлечённых из склепа. Здесь хранится оставшееся нетленным облачение, в котором был погребён Патриарх, размешены фотографии, документы, личные вещи, сопровождавшие земную жизнь Святителя.

Велика чистота подвига самого Патриарха Тихона, велика и честь Свято-Тихоновского храма в Кордоне, сегодня уже выстроенного, названного именем Святителя. Велика честь жителям Кордона пребывать под покровом Святителя Тихона.

Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради!

¹⁰ Ещё в 1877 году Достоевский в «Дневнике писателя», за 40 лет до Октябрьской революции, сказал: «Бунт начнётся с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в стойла». После каторги Фёдор Михайлович смотрел на мир и оценивал его исключительно сквозь призму Евангелия, а потому сумел предвидеть многие явления...

ГЛАВА 13. ЕДКОЕ СЛОВО ПРАВДЫ

Послание Святейшего Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров

«Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52).

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего Отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7:9–10). Народу, изнурённому кровопролитной войною, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоёвана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на неё дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов всё, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно ещё храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах водуще-любящее их сознание, что «больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска.

Против кого вы их ведёте?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой страны и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разогнали классовую вражду. И не предвидится конца порождённой вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключённый вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда, даже без упрощённого, вами введённого суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чём-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чём не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершённые лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов,

священников, монахов и монахинь, ни в чём невиновных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределённой «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Святыми Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли всё это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много потерпели от жестоких властей.

Но вам мало, что вы обогрили руки русского народа его братскою кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализации, вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабёж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали уже грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив тёмный и невежественный народ возможностью лёгкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нём сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния — убийство, насилие, грабёж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу...

Великое благо свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, когда семьи, а иногда население целых домов выселяются, а имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто своё мнение, без опасения попасть под обвинения в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушён; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помешались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и её служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю.

Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братство и другие церковно-благотворительные просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

«И что ещё скажу? Не достанет мне времени» (Евр. 11:32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Всё это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка: «Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их — мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их» (Ис. 59:7).

Мы знаем, что Наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти, но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости наших обличений.

Не Наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась «Божием слугой» на благо подчинённых и была страшная «не для добрых дел, но для злых» (Рим. 13:3). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключённых, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11:51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26:52).

Тихон, Патриарх Московский и Всея Руси
13 (26) октября 1918 года.

(Приводится по изданию: Цыпин В. А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917–1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Издательский дом «Хроника», 1994).

ПОСТСКРИПТУМ

Это Обращение Патриарха — вопль христианской души! Это обложение греха большевизма. Это яркое свидетельство истинного положения России, в каковое ввергли её большевики-ленинцы, совершив Октябрьский переворот. Это глас народа православного! Большевики, лишённые способности слышать глас милосердия, такого

обличения себя не могли простить. Это мужественное Обращение Патриарха никогда не потеряет значения своего. Его надо знать, чтобы сохранить в себе Человека как образ Божий и Его подобие!

Патриарх даёт картину, через что прошла Церковь только в первый год советской власти. Патриарх знал, что это обличение вызовет злобу и негодование большевиков, но, рискуя жизнью, говорил правду.

А вот какую — тоже мужественную — оценку выносит Патриарх злодеянию, в результате которого в ночь с 16 на 17 июля 1918 года погибла семья русского императора, помазанника Божия¹¹: «На днях совершилось ужасное дело: расстрелян государь Николай Александрович... Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, **иначе кровь расстрелянного падёт на нас, а не только на тех, кто совершил его...**» (выделено мной. — В. Б.). Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточают в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы всё это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: «Блаженны слышавшие слово Божие и хранящие» (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России. М., 1994. С. 142–143).

Данное Послание, кроме всего, — гимн красноречию и духовно-философской глубине!

И домисливаешь, какое мужество надо было иметь священникам последующего поколения, таким как, скажем, Григорий Ахидов, чтобы, ведая об этом, сознательно встать на путь служения Церкви и Богу, заведомо зная, что может ожидать человека на этом пути со стороны власти...

И уже в новое время мальчик из Кордона — Петя Шошин, юноша Пётр Шошин, мужественно выбрал этот же путь. Мы не ведаем, какие ещё могут выпасть испытания на нашу долю, а потому православным на всякий случай надо быть готовыми к повторению гонений... Мы на переднем рубеже обороны! Устраивайте крепость, дальше отступать некуда — позади обрыв, пропасть, ад!

Обрётение мощей Патриарха Тихона в Донском монастыре
22 февраля 1992 года

¹¹ Помимо семи членов Царской семьи вместе с ними были расстреляны врач Боткин, повар Харитонов, камердинер, комнатная девушка — дворянка Анна Демидова.

Апостольских преданий ревнителя / и Христовы Церкви пастыря доброго, / душу свою за овцы положившаго, / жребием Божиим избранного / Всероссийского Патриарха Тихона восхвалим / и к нему с верою и упованием возопиим: / предстательством святительским ко Господу / Церковь Русскую в тишине соблюди, / расточенная чада ея во едино стадо собери, / отступившие от правыя веры к покаянию обрати, / страну нашу от междоусобныя брани сохрани / и мир Божий людем испроси.

Прославление святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, произошло на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 9 октября 1989 года, в день преставления Апостола и евангелиста Иоанна Богослова, и многие видят в этом Промысл Божий. «Дети, любите друг друга! — говорит в последней проповеди Апостол Иоанн. — Это заповедь Господня, если соблюдете её, то и довольно». В унисон звучат последние слова Патриарха Тихона: «Чадца мои! Все православные русские люди! Все христиане! Только на камени врачевания зла добром созиждется нерушимая слава и величие нашей Святой Православной Церкви, и неуловимо даже для врагов будет Святое имя её, чистота подвига её чад и служителей. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению, не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. **Побеждайте зло добром!**» Это был главный принцип его служения.

Прошло 67 лет со дня кончины святителя Тихона, когда Господь даровал его святые мощи России в укрепление её на предлежащие трудные времена. Покоятся они в большом соборе Донского монастыря.

Часть 2

Любовь СТАРЦЕВА (КОСОВА)

«ЗАМОК» НА ПРОРУБЬ. Рассказы из цикла «Рождество»**ТРАПЕЗА**

Как говорит бабушка, сегодняшний вечер особенный, праздничный, называется Васильев вечер. Почему так — она не знает. Каждый год в каждой семье в этот вечер трапезничают: на стол ставится необычное блюдо «юркок», и почему-то его не едят, а «глодают». Тёте Светлане, которую дядя привёз из армии, и она не знает нашего языка, мама объясняла, что «юркок» значит «голова-ноги», что это такой набор для холодца: голова, ноги, уши. И за ужином его не столько съедают, сколько разбирают на холодец.

Очень хочется начать трапезничать, но мы не можем, ждём маму. Когда мама пришла с работы, с вечерней дойки, бабушка сразу засуетилась, пошла к печке, загремела ухватами. Пока мама раздевалась, умывалась, бабушка достала из печи большой чугунок, в котором варились-томились кости. Из чугуна выложила в большую чашу большой кусок свиной головы, две ножки, ушко. Поставила «юркок» на стол, и мы сели ужинать.

Немного мяса съели, оставшееся стали разбирать. Кости в отдельную чашку, мясо сразу в деревянное корытце, в котором потом бабушка нарубит его для холодца. С чесноком, с солью.

Мама, поев горячего и отогревшись, начала дремать, мы её отправили спать. Ей завтра опять очень рано вставать. Мы с бабушкой занялись свинными ножками. Это надолго. Там, наверное, сотня мелких косточек, и все надо достать, отделить от мяса.

— Бабушка, мы же, когда мясо едим, мы же кости не глодаем. А почему говорят «головы-ноги глодать»? — спрашиваю тихо, чтобы мама не проснулась.

— Разве ты не глодаешь, не облизываешь? — тоже вполголоса отвечает бабушка.

— Нет. Я мяско съела, и всё.

— А кто мозг из большой кости высасывал, языком доставал? А хрящики кто грыз? Ты, ты! — улыбается она. — Вот и получается, что и глодаешь тоже.

За вопросами-ответами дело закончили. Когда закончили, бабушка чашку с косточками собралась нести на улицу. И видно, ей

Любовь Афонасьевна СТАРЦЕВА (КОСОВА) родилась 10 октября 1959 года в деревне Палёво Верх-Иньвенского сельского совета Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа. Окончила Кудымкарский лесотехнический техникум (1980), филологический факультет Удмуртского государственного университета (1991). Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России (2007). Живёт в городе Кудымкаре.

неохота в темноту да холод идти, время тянет. Я, жалея её, советую:

— Не ходи уже сегодня. Сегодня и Бобик спит уже. Завтра вынесешь.

— Ты что? — возмутилась бабушка. — Разве кости в Васильев вечер собакам дают? Их надо в конюшню выносить!

— Зачем?! — тоже возмущаюсь и удивляюсь я. — Коровы же кости не едят!

— Не для этого! Их кладут в угол конюшни, чтобы скотина водилась, чтобы спорина была. И не завтра надо, а сегодня. Всегда так делали. — И с укором таким: — Вот сейчас молодухи ленятся, ничего не соблюдают, да так и живут. Вон, прошлым летом у Егорики какого большого поросёнка потеряли! Ни с того ни с сего сдох поросёнок.

И тут же, раззадоренная своим рассказом, оделась и вышла в темень и холод. Чтобы благополучие было, и скотина разводилась.

Авторский перевод с коми-пермяцкого языка

ЗЁРНЫШКО, НАЙДИСЬ!

В этот необычный вечер — Васильев вечер — не только трапезничают, но и гадают на урожай будущего лета. На вымытом полу ищут зёрнышки. Какое зерно найдёшь, такие хлеба и уродятся. Никакое зерно не найдёшь — неурожайный год будет.

Полы я вымыла заранее, днём. Дом у нас небольшой, полы крашенные, моются быстро. Раз-два и готово. Не то что раньше, когда были некрашенные... Тогда я ещё мыть не могла. И не доверяли мне.

Не знаю, как в других домах, а мы «беспокоиться» о будущем урожае начинаем после ужина. Как только бабушка зашла из конюшни, мы сразу стали искать зёрна — гадать на урожай. Я на полу искала зёрнышки, а бабушка ходила за мной следом — сама она плохо видит, а знать, какие хлеба нынче родятся, хочет. На четвереньках я оглядела все углы, заглядывала во все щели, даже между половицами смотрела — ничего не нашла. Раньше, когда в доме под шестком зимовали куры, зёрнышко всегда найти можно было, а сейчас куры в конюшне, и зёрен нет. Расстроилась. И вдруг... за ножкой кухонного стола заметила зёрнышко. Из него бабушка варит кашу. Я её называю цыплячьей, потому что летом варят цыплятам.

— Вот, — показываю бабушке, — нашла, нашла!

— А, просо нашла, — как-то растеряно-грустно отвечает бабушка. Оно не растёт у нас.

— Значит, а у нас своих хлебов не будет?

— Ну, может что-то и вырастет, если зерно нашлось.

Вижу, что бабушка расстроена, и мне тоже обидно. Значит, без хлебов останемся? Нет, надо наше зерно найти. И я — снова на коленки, и снова — в путь. И всё же нашла. В самом тёмном месте — под шестком.

Схватила, и, приплясывая, несу бабушке:

— Нашла, нашла!

— Ячменное! Ну слабогу, слабогу! Ячмени нынче уродятся! — как ребёнок, радуется бабушка. Только что не приплясывает.

Авторский перевод с коми-пермяцкого языка

«ЗАМОК» НА ПРОРУБЬ

Бабушка под вечер сходила за водой, вылила в кадку, и говорит:

— Сегодня засветло надо прорубь запереть, успеть бы.

— Прорубь? Запереть? — удивляюсь я, но спросить не успеваю. Она выходит, выносит коромысло.

Я подошла к вёдрам, покрытым ледяным панцирем, отломала небольшую сосульку. Попробовала. Бросила. Бабушка зашла, снова заохала, снова про прорубь:

— Ох-хо. Надо бы сейчас же прорубь закрыть, пока не стемнело, да не успеваю. Что и делать-то.

— Да как закрывать-то? — спрашиваю я. — Там же нет двери, дыра во льду, и всё. И зачем?

— Затем, что завтра Крещение. И сегодня чуды (черти) мечутся, беснуются, ищут, где бы спрятаться. Могут и в прорубь прыгнуть.

— Ну и пусть. Утонут. Так им и надо.

— Нет, деточка. Они не утонут. И вода в проруби поганой будет. Будем её пить, скотину поить. Заболеть можем. Они вредить человеку будут.

— А как запереть-то? — опять удивляюсь я. — Замок на лёд, что ли, положить? Или доски? Чтобы увидели, что заперто?

— Заком, да не таким. Сейчас из лучинок смастерим крестик, он лучше всякого замка закроет.

Взяла полено (сухое, специально для лучины), нашипала лучины, наломала одинаковой длины. Построгала ножом, чтобы ровные да гладкие были. Лучинку, что шире, немного расщепила, вставила в неё горизонтально вторую лучинку, и крестик готов. Показывает мне:

— Вот тебе и замок. Для чудов.

— Ты раньше не запирала, что ли, прорубь? Я ещё не видела.

— Как нет? Всегда закрывала. Ты поменьше была, не замечала. Все так делают. Хозяйка или хозяин под вечер наносят воды, в прорубь крестик опускают. Иногда крестик с собой берут, воду наберут и крестик опускают в воду. Или потом из дома специально крестик несут. И до утра больше воду не берут. А утром, в Крещение, вода уже чистая и святая.

Пока я, развесив уши, слушаю, она уже второй крестик настроговала.

— Зачем второй-то? Два, что ли, надо?

— Второй дома в кадку с водой к ночи опустим. Дома ведь тоже воду «закрыть» надо. Может, ты сейчас сбегаешь на речку? Ты же у нас уже большая. Мне ещё со скотиной управляться, тоже до темноты надо. Только близко к проруби не подходи. Подальше встань и брось крестик в прорубь.

— Почему?

— Скользко там. — И, помолчав, заявила: — Чуды сегодня злые, знают, что кончается их время. Поймают, в прорубь затолкают, будешь знать.

Я не понимаю, она, как обычно, запугивает меня или правда боится? Но быстро одеваюсь и бегу. Пока светло. Бегу до проруби. Кинула крест в прорубь и, как научила бабушка, рукой перекрестила воду. И домой тоже бегом, только пятки сверкают. Оглянулась на бегу — вдруг чуды за мной гонятся? Никого. Узенькая тропочка на белом снегу.

Авторский перевод с коми-пермяцкого языка

Фёдор СТАРИКОВ

АНДРЕЙ ПЕТРОВСКИЙ (2).

Глава из романа «Год рождения 1960»

Ещё месяца три — и приказ, потом ещё чуть-чуть — и дембель. Начальник узла связи погранотряда уже не один раз заводил с Андреем разговор про сверхсрочную. Пока намекает, потом наверняка вызовет для прямого разговора. Вообще два года службы у Андрея прошли легко и без проблем. На погранзаставе, куда он попал поначалу, он пробыл совсем недолго, быстро освоил всю технику отделения связи, по сути стал исполнять обязанности его начальника. Это было нетрудно, всё было знакомо и по ДОСААФ, да и в принципе, с его знаниями радиотехники и опытом радиохулигана, не представляло никаких сложностей. Через три месяца начальник заставы, капитан Перепада, переведённый в штаб погранотряда «замбоем» — заместителем начальника по боевой подготовке, — перетащил его за собой.

В погранотряде Андрей даже успел в качестве связиста «сходить» с ДШМГ* «за речку». Ну, если быть точным, не сходить, а слетать — их выбрасывали на вертолётах на небольшие площадки в горах на той стороне. ДШМГ не раз попадали в переделки, не раз «вертушки» привозили трёхсотых и даже двухсотых, но все выходы, в которых участвовал Андрей, обошлись без приключений. Часами, порой даже сутками лежали в укрытиях, устроенных в холодных ночах, но нагревающихся как сковородки днём афганских скалах, наблюдали за афганскими кишлаками, за ущельями, по которым могли передвигаться караваны моджахедов. Боестолкновений за все его выходы с ДШМГ не было ни разу. За Андреем была только ежедневная связь, и в целом ему показалось, в этих вылазках было довольно скучновато. Спасали только книги. Они у него, несмотря на приказ не брать ничего лишнего, всегда с собой были. Впрочем, командиры групп на это его нарушение внимания не обращали. Он был отличным связистом, и это ценилось ими в первую очередь.

С тех пор, когда его назначили старшим телеграфистом узла связи погранотряда, с ДШМГ он больше ни разу не вылетал. Уже больше полугода. Хотя и на этой должности всё уже приелось. По службе всё было отлажено и понятно. В быту у него была своя маленькая каптёрка рядом с узлом связи, где он всегда мог уединиться или

Анатолий Фёдорович МЕЛЬНИКОВ (псевдоним Фёдор СТАРИКОВ) родился в 1960 году в городе Соликамске. Окончил Пермский политехнический институт по специальности «Автоматизированные системы управления». Специальность выбрал под впечатлением от известной книги кардиохирурга Николая Амосова «Мысли и сердце». После института распределился на знаменитую «Мотовилиху», тогда завод имени В. И. Ленина. Работал программистом. В 1987 году пригласили работать в КГБ (ФСБ). Служил и опером, и специалистом по правительственной связи, в информационных и аналитических подразделениях. Был в горячих точках. После завершения службы работал в сфере экономической безопасности, аналитики отраслевых рынков. Живёт в городе Перми.

* Десантно-штурмовая манёвренная группа.

с книгой, или просто полежать, помечтать, как он вернётся домой. Как они с мамой сядут на велосипеды.

Перед самой службой, успев полгода отработать на бумкомбинатовской лесобирже, он купил маме с рук настоящий «дамский», с низкой рамой, велосипед. И отправятся на Боровицу, на «Круглый залив». Это старая боровицкая протока, совсем недалеко от впадения Боровицы в Каму. Это место ему показал Фёдор. По берегу залива как будто прогуливались парами стройные, словно загорелые, сосны с телами-стволами золотистого цвета, а в одном месте почти к самой воде спускалась разросшаяся одним большим, непролазным кустом черёмуха. Фёдор говорил, что на этом месте когда-то была деревня. Только один раз они с мамой успели съездить туда до его призыва. Они просто посидели на берегу, испекли в небольшом костерке прихваченную Андреем картошку. Для мамы это было внове, она была в полном восторге, хотя после поездки очень устала, всё-таки километров по семь туда и обратно.

— Какая сладкая усталость! Спасибо тебе, Андрюш...

Когда он вернётся, будет весна. Черёмуха, спускающаяся к заливу, будет цвести...

Начальник узла связи зовёт на сверхсрочную. «Замбой» Перепада говорит: «Тебе надо ехать в Московское пограничное...» Он даст рекомендации, хотя уверен, что Андрей и так пройдёт все экзамены без проблем. Хорошие мужики. Но они просто не понимают, что Андрей не может оставить маму одну. Потому что у неё никого больше нет на этом свете. И у него нет. Только мама. Мама и пацаны. И все они там, дома. Хотя, пацаны, может, и разъедутся, но мама... Мама-то останется там.

Он всегда завидовал своим друзьям. У них были деды, бабушки. Особенно Андрею нравилась Фёдорова бабушка Настя. Он не раз бывал у Фёдора дома, бабушка Настя кормила их блинами. А потом Андрею снились сны, когда его будила его бабушка. Он понимал, что это именно его бабушка, хотя она и была похожа на бабушку Настю как две капли воды. Бабушка будила его, ласково глядя по голове, и, хотя они жили в квартире, от бабушкиной руки шло тепло русской печки.

У них с мамой родных не было никого. Вся папина семья погибла в оккупации, а про своих мама почему-то всегда просто молчала. Он спрашивал в детстве, и не однажды, но она никогда не отвечала на эти вопросы, просто молчала, только её большие глаза становились влажными и грустными. Ему тоже становилось грустно и тоскливо и начинало хотеться плакать, и в какой-то момент он перестал спрашивать...

— Петровский, зайди!

Давно не вызывал замбой.

Перепада был краток:

— Ты, наверное, слышал: у нас впервые за последние месяцы двое трёхсотых. Один из них связист. Ну ты его знаешь. Заменить нечем. А у нас срочный вылет. Приказывать не могу. Прошу. С начальником узла связи договорюсь. Ну как, Андрей Николаевич?

Ну, слава Богу, хоть какое-то разнообразие. Всё время быстреей пройдёт. Он не верил, что с ним может что-то случиться.

— Я готов, товарищ капитан!

...Вертушка высадила их на небольшой скалистой площадке на северном склоне одной из вершин тянувшегося почти параллельно границе хребта. На этой точке Андрей уже бывал. Серо-коричневые, практически без растительности скалы, узкая, проложенная по скальным уступам тропа. Сначала пару километров вдоль склона, потом через узкую расселину надо перейти на южную сторону. А там спуск в заросшую кустарником долину, где им и предстоит просидеть как минимум три ночи и три дня, отслеживая обстановку и сообщая в штаб отряда обо всех её изменениях.

Всё бы ничего, но самое паршивое в горах — это ночи. Днём можно ходить в одном хэбэ, а ночью замерзаешь до соплей. При этом на выходы спальники старались не брать, лучше побольше боезапас. Обходились свитерами, тёплыми подштанниками и шерстяными носками. И всё равно, конечно, замерзали. Андрею, ко всему прочему, приходилось тащить почти пудовую, если считать с питанием, рацию, но он к этому привык ещё с учебки.

Их было шесть человек вместе с Андреем. Командир, опытный старлей с позывным «Дерсу», уже два года топтавший хребты афганского Бадахшана, такой же бывалый прапорщик Егорыч, лицом и особенно усами один в один старшина Васьков из «Зори здесь тихие», и ещё трое разведчиков.

Группа шла гуськом на отдалении друг от друга. Сюрпризов можно было ждать откуда угодно. Те же последние «трёхсотые» подорвались на хоженной-перехоженной тропе, до которой, казалось, духи никогда не доберутся. Андрея обычно оставляли прямо за расселиной, на небольшой, закрытой со стороны долины большими валунами природной террасе. Если спускаться ниже, радиостанция могла до своих не достать.

— Десять минут перекур! — скомандовал старлей. В реальности никто, конечно, не курил. На курение на выходах строгий запрет, табачный дымок по ущелью несёт далеко, а нюх у духов, как у собак. Старлей присел возле Андрея.

— Ты вот что, Карацупа, если что, ну сам понимаешь, если шум начнётся, сразу давай нашим сигнал на эвакуацию. И уходи за расселину, на ту сторону. — «Дерсу» чуть помедлил. Видно было, что не хотел этого говорить вслух, но всё же сказал. Сказал негромко, чтобы слышал только Андрей.

— Что-то предчувствие у меня недоброе. Так что не расслабляйся. Хотя тебя можно и не предупреждать.

Последним вниз уходил Егорыч. Он вдруг остановился, обернулся, достал из «лифчика» два магазина и протянул их Андрею.

— Держи, у тебя ведь с твоей бандурой много БП не унесёшь. Ну, дай Бог, не пригодятся.

Похоже, у Егорыча тоже было ощущение «что-то идёт не так».

Андрей расстелил бушлат на нагретых за день камнях. Настроил рацию, достал из кармана потрёпанную книжку. Тропа к расселине вела только одна, по ней ушли ребята. Мимо них сюда никто не попадёт, так что можно было расслабиться. Он почитал, потом подремал, потом просто лежал, плавая глазами в голубом, бездонном афганском небе.

Казалось, что взрывы он почувствовал сначала телом, через содрогание скал, а лишь потом услышал звук. Сначала один, через пару

секунд другой. За время службы он уже хорошо научился различать звуки и выстрелов, и взрывов. Похоже, противопехотки. Он выглянул в просвет между валунами. Внизу, там, где тропа уходила в заросли кустарников, разросшихся вдоль небольшой горной речушки, медленно оседало мутное пыльное облако. Никакого движения не было видно, несколько мгновений в воздухе стояла напряжённая тишина. И вдруг затрещали выстрелы.

«Не обмануло старлея предчувствие», — мелькнуло в голове Андрея. Передать кодированное сообщение об эвакуации заняло несколько секунд. Он мог уже уходить назад в расселину, как приказал командир, но продолжал напряжённо вглядываться в то место. Тропа выходила из зарослей и поднималась вдоль скалы.

Стрельба продолжалась. Короткие автоматные очереди перемежались одиночными винтовочными выстрелами и длинными пулёмными очередями. У своих пулемёта не было. Значит, это духи.

На тропе показались сразу четверо. Первый разведчик даже не отстреливался, потому что на его плече, безвольно свесив руки, лежал другой. Следом, припадая на одну ногу, периодически оборачиваясь и давая короткие очереди по зарослям, двигался прапорщик. За ним, спиной к ходу движения, приседая за каждым выступом и ведя огонь по зарослям, двигался ещё один разведчик. «А где старлей?» Но внизу в кустах было слышно, как огрызается ещё один автомат, потом несколько взрывов гранат, и старлей появился у кромки зарослей. Он попытался перебежать до ближайшего валуна, несколько очередей смертельной строчкой прошли по скале над самой его головой.

Старшина и передвигавшиеся с ним разведчики уже прошли середину тропы, но тоже были на простреливаемом, почти незащищённом месте и ничем старлею помочь не могли.

Хорошо, что он взял подствольник. Андрей закрепил его на АК, по звуку примерно определил, откуда бьют духи, и запустил туда подряд три ВОГа. А потом стал бить короткими очередями по зарослям, ориентируясь на звуки и на редкие, едва видные сквозь кустарник огоньки выстрелов.

Прапорщик с бойцами одолели уже две трети пути, но Андрею казалось, что они двигаются всё медленней и медленней. Хотя, наверно, так оно и было. Старлей перебежками от камня к камню тоже постепенно поднимался всё выше по тропе. Наконец разведчики добрались до площадки, с которой вёл огонь Андрей. Ранены были все. Тот, которого несли, был без сознания. У того, который его ташил, расплывалось тёмное пятно в районе поясницы. У третьего разведчика плетью висела правая рука.

Прапорщик тяжело рухнул на камни, бедро его было перетянута жгутом, штанина пропитана кровью.

— Ждали они нас, ждали, твари! — задыхаясь, прохрипел Егорыч. — Мины, а дальше засада. — Он перевернулся на спину и заорал на залёгших бойцов: — Что разлеглись, салабоны? А ну быстро через расселину на ту сторону! Раненого — к месту высадки. А ты, — он обратился к бойцу с повисшей рукой, — занимаешь позицию у выхода и ждёшь нас... — Прапорщик на мгновение замолчал и добавил: — Нас или их... Стрелять сможешь?

— Смогу, Егорыч.

Парни исчезли в расселине.

— А ты, молодец, Карацупа! — похвалил прапорщик. — Вовремя ВОГа^{*} их!

Старлей уже преодолел половину пути. Андрей с Егорычем, по очереди меняя магазины, отрезали от тропы выскакивающих из зарослей духов. Духов было не меньше двух десятков, и часть перенесла огонь на них. Осколками камней посеколо лицо, но Андрей этого не замечал, пока, утеревшись, не увидел на рукаве следы крови. Но было не до этого. Старлею оставался последний десяток метров.

— Давай одновременно длинными! — скомандовал прапорщик. Этих трёх-пяти секунд, пока они опустошили рожки, старлею хватило, чтобы сделать рывок.

Стрельба на какое-то время затихла.

— Цел, командир?

— Цел, не достали, суки! SOS сыграл, Карацупа?

— Да, товарищ лейтенант. И приём подтвердили.

— Если сыграл, чего не ушёл за расселину? Не выполнил приказ? — Андрей молчал, не зная, что ответить.

— Ладно, правильно сделал. Прикрыл вовремя. Парней-то видел как посеколо? Куда бы мы с ними...

— Ладушки. Значит так, остаемся вдвоём. Егорыч, как нога? Потом быстро побежим, отставать не будешь?

— Нормально, командир. Добегу.

— Карацупа, берёшь свой инструмент, и бегом. На той стороне ждёте нас. В расселину они сунутся вряд ли, но будьте готовы.

Снизу раздалась очередь. Странный звук. Андрей не мог понять, из чего стреляют, раньше он этого не слышал. Зато прапорщик со старлеем сразу всё поняли.

— Гранатомёт, сука... Американский... Ну теперь нас прижмут.

Старлей обернулся:

— Карацупа, твою мать! Ты ещё зд....

Старлей не успел договорить, хотя и слова его Андрей читал уже только по губам. Духи прошлись из гранатомёта по скале над ними, осколки то ли гранат, то ли скал ложились совсем рядом. Лейтенант вдруг замолк, осел и закрыл глаза.

Стрельба снизу усиливалась. Егорыч нашупал пульс на шее командира.

— Жив.

Он не дал сказать прапорщику ни слова.

— Егорыч, забирай старлея. Я прикрою! — сквозь звуки выстрелов приходилось кричать.

— Не переживай, я молодой и быстрый, успею.

Опасаясь, что прапорщик его не понял, Андрей положил руку ему на плечо, потом показал на лейтенанта и в сторону расселины. Прапорщик его понял. Также по губам и коротким обрывкам слов Андрей разобрал.

— Я вернусь. Держись.

Главное было держать вход на тропу. Чуть выше было несколько валунов, под прикрытием которых и под огнём снизу духи могли подниматься вверх по тропе. Он бил короткими очередями, выпускал ВОГи, перекачивался от уступа к уступу, и, казалось, это длилось

^{*} Выстрел осколочный гранатомётный.

вечно. «Странно», — успел подумать он. Ему ведь не пришлось принимать никакого сложного решения — уходить или остаться. Ведь он не разведка, не спецназ, команда уходить была... Странно, но в голове его никакой дилеммы совсем не было. Нет, не в голове — в душе. Потому что нельзя не остаться, иначе «как потом жить?..».

...Андрей умер уже в отряде. Он был ещё в сознании, когда Егорыч вдвоём с раненым в руку бойцом вернулись за ним. Потом они держали расселину до самого прихода подмоги. Он был ещё в сознании даже в вертолётё, и ему не давала покоя странная, нелепая мысль: «Как я скажу маме, что я умер?» И он не мог придумать как.

Домой гроб с телом Андрея вызвался сопровождать прапорщик Егорыч.

Олег ЧЕРНЯК

ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ. Рассказ

После работы я не тороплюсь домой, потому что там меня никто не ждёт. Хорошо это или плохо, пока не знаю — ещё не разобрался, но жениться в ближайшее время я точно не собираюсь. Меня и так всё устраивает. Каждый вечер я захожу в небольшую кофейню. Примерно год назад я облазил, наверное, полгорода в поисках места, где варят приличный кофе, и как всегда бывает — местечко это оказалось за углом моего дома. Кофе тут классный, а румяные, пышные круассаны выпекают прямо при тебе. На стенах крупные фотографии Эйфелевой башни, собора Парижской Богоматери, Лувра и других достопримечательностей Франции.

Пять круглых столов, за которыми четвером уже тесно, стоят близко друг к другу, поэтому, чтобы протиснуться между витыми спинками стульев, потребуется особая изворотливость. Из колонок, стоящих по углам, сменяя друг друга слышны песни Азнавура, Дассена, Матьё и Адамо. Когда зал полностью заполняется, голоса посетителей вытесняют музыку, и она становится лёгким фоном, дополняющим интерьер.

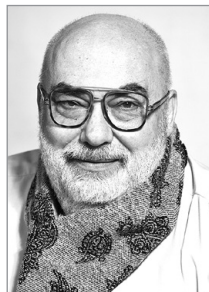
Чужие вечерами заходят редко. Заглянув через окно, они видят тесноту зала и проходят мимо в поисках заведения побольше и просторней, где можно разгуляться большой компанией. Всех постоянных посетителей, которые приходят сюда в одно и то же время, я знаю в лицо. И они меня знают. Но мы никогда не разговариваем, не спрашиваем, как дела, а лишь приветливо киваем, встретившись взглядами. Я люблю рассматривать сидящих за столиками людей, да что греха таить — и прислушиваться к их разговорам.

Примерно месяц назад компания завсегдатаев пополнилась — появился Марк. Нет, мы с ним не знакомились, просто бариста Дима с первого дня называл его по имени. Марк абсолютно не вписывался в душевную атмосферу кафешки: его громкоголосость и резкость движений нарушали спокойную размеренность обстановки. Думаю, что в пивнушке с потолками, затянутыми смолой от сигаретного дыма, он смотрелся бы намного гармоничнее.

Марк приходил ежедневно. Дверь ещё не успевала полностью открыться, а я уже знал, что пришёл он.

— Всем привет! — орал он с порога. — Димон, мне эспresso и, смотри там, водичку похолоднее.

Фото: Владимир Бигмаев

Олег Аронович ЧЕРНЯК родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976-м окончил восемь классов физико-математической школы N 9, поступил в Пермский строительный техникум. В 1980 году принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Трудился на промышленных предприятиях города. Работая, продолжал учиться. Получил образование по специальностям «экономист» и «психолог». С 2004-го перешёл на работу в систему образования, работал директором МАОУ «Открытая школа» города Перми. Автор десяти книг. Лауреат Пермской городской литературной премии имени А. Ф. Мерзлякова (2019), Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2019). Кавалер ордена Достоевского I, II, III степени (2024, 2022, 2020). Член Союза писателей России (2018). Живёт в городе Перми.

Марк втискивался за столик, расправлял скрученную в смятый рулон газету и принимался за чтение. Я разглядывал Марка украдкой, чтобы невзначай не напороться на его суровый, колючий взгляд. На вид ему лет шестьдесят, хотя даже, скорее, шестьдесят пять. В этом возрасте старость обычно начинает доказывать своё превосходство: округляет и сутулит плечи, чуть склоняет человеку голову и, взобравшись к нему на шею, делает походку тяжёлой, уставшей.

Шевелюре Марка можно было позавидовать — густая львиная грива зачёсанных назад волос. Седина полностью отбелила их, но при этом не смогла выпрямить крупные, задиристые кудри. Брови сохранили черноту, но пробивались одиночными ниточками бисени. Глаза широко посажены, над переносицей две глубокие прорези морщин. Прямой нос и чувственные полноватые губы. На Марке всегда был потёртый джинсовый жилет, надетый поверх красной, словно специально мятой футболки, а также старые, выцветшие джинсы и запылённые туфли.

Как-то вечером, когда я уже подумывал уходить, колокольчик над дверями кафешки задрожал перезвоном. Я поднял глаза, чтобы посмотреть на очередного посетителя, и увидел Марка. Он без громогласного приветствия молчаливо подошёл к стойке, дождался маленькой чашки кофе, взял стакан с водой и сел за столик. Газеты в этот раз у него не было. Марк постукивал пальцами по столу. Лицо его застыло в ожидании, только напряжённый взгляд метался от часов на стене к входной двери.

«Натуральный старый лев, — подумал я. — Величественный, насторожённый и сосредоточенный. Только кого он ждёт? Добычу или врага?»

Женщина, которую ждал Марк, пришла минут через пять. Она остановилась у входа, оглядела зал и, чуть наклонив голову, подошла к столику Марка. Тот с какой-то молодецкой прытью поднялся и протянул женщине руку.

— Марк, — полушёпотом сказал он.

— Надя, — так же тихо ответила женщина. — Вот и встретились.

Марк суетился. Он схватил стул за спинку. Скрипя его ножками по плиткам пола, отодвинул от стола и помог гостье сесть.

О чём они говорили, я не слышал, их голоса сплелись в каком-то голубином ворковании. Дима принёс женщине кофе.

Я рассматривал её. Мне показалось, что она была помладше Марка, но ненамного. Невысокого роста, с хорошо сохранившейся фигурой. Движения рук и головы лёгкие, плавные, без возрастной суеты и усилий. Волосы цвета бархатистого пепла уложены один к одному. Чуть подкрашенные глаза. На губах неброская помада. Кремовая блузка с большущим пришитым цветком и длинная плиссированная юбка, вышедшие из моды лет сорок назад, смотрелись на ней превосходно. Она постоянно перебирала в руках небольшой белый носовой платок с мелкими кружевами по краям и с любопытством поглядывала на Марка. Ей хотелось скрыть трогательную неловкость, но жесты предательски выдавали её.

От напористого Марка не осталось ничего. Он говорил вполголоса, медленно, не размахивал, как обычно, руками. На моих глазах из грозного царя зверей он превратился в симпатичного, покладистого львёнка. Я напрягся и прислушался: Марк говорил о романтизме,

реализме и авторитете французской литературы девятнадцатого века, а Надя, широко открыв глаза, слушала его. Одним глотком я допил остывший кофе. Как же обманчиво первое впечатление! Внешность Марка и французская литература казались мне понятиями несовместимыми.

На следующий день, когда я пришёл в кофейню, Надя и Марк уже пили кофе. На этот раз больше говорила Надя. Судя по тому, что она не теребила платок, вчерашнего напряжения уже не было. Марк улыбался, и как бы невзначай касался ладонью её руки. Надины тонкие пальцы нервно вздрагивали, но руку она не убирала.

Они встречались в кофейне раза четыре, а потом пропали.

«Жаль, — подумал я. — Интересно было за ними наблюдать. Наверное, и у Марка, и у Нади раньше были семьи, но по какой-то причине они остались в одиночестве, а тут подступил возраст, когда кажется, что впереди уже ничего нового не ждёт и остаётся только смириться с тем, что есть. Но судьба распоряжается по-своему, и появляется надежда. Как же хочется, чтобы общение за чашкой кофе переросло во что-то очень важное для них».

Быстро закончилось лето. Зашлёпала лужами дождливая осень. Из постоянных посетителей заведения я остался один. И хотя объектов для изучения у меня было достаточно, я частенько вспоминал эту пару и хотел увидеть их вместе.

Поздним вечером Дима закрыл кофейню и вытирал вымытую посуду. Я стоял у стойки, допивал свой кофе и развлекал его простенькими анекдотами. В окно скромно постучали. Через рифлёное, ломающее свет уличного фонаря стекло я увидел их.

Дима открыл дверь.

— Мы на минутку, — смушаясь, сказал Марк. — Налёте по старой памяти пару стаканчиков с собой?

— Конечно! Заходите! — ответил Дима. — Куда вы пропали?

— Куда мы пропали, Надюша? — Марк перевёл взгляд на спутницу.

— Да как-то всё времени нет, — она пожала плечами. — Мы купили домой небольшую кофемашину, но у вас всё равно вкуснее.

«Ничего себе! — подумал я. — Домой купили? Значит, всё у них сложилось прекрасно!»

Узнать их было сложно. Прежней осталась лишь седая шевелюра Марка. Оба в спортивных костюмах, новеньких добротных куртках и одинаковых кроссовках «Найк». Надя выкрасила волосы в какой-то вызывающий огненно-рыжий цвет, и сразу помолодела лет на двадцать. Раньше я часто слышал выражение: «человек светится», но вот сейчас, глядя на эту славную пару, я наконец понял, что это такое. Казалось, что они и вправду светились. Уходя, Марк оглянулся, посмотрел на меня и озорно подмигнул. Я улыбнулся в ответ.

И как-то вдруг стало тоскливо, и жутко захотелось домой. Домой, где тебя кто-то ждёт.

Александр АБДУЛАЕВ

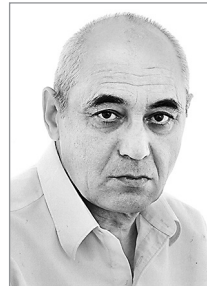
ДОЖДЛИВЫЙ ВЕЧЕР. Рассказ

Алик Петухов спал на парковой скамейке, прикрыв голову старой бейсболкой с эмблемой «Олимпиада-80». Раннее утро светило сквозь густую зелёную листву деревьев, и луч солнца попал ему в глаза. Он с трудом их разлепил и некоторое время осознавал, где находится — в каком времени и пространстве. Недалеко виднелся исполинский памятник пролетарскому писателю Максиму Горькому. Творец стоял в широких брюках и косоворотке, сняв с головы шляпу с широкими полями, и на его угрюмом лице застыла каменная улыбка. Вокруг памятника была разбита клумба, огороженная невысокой металлической оградкой.

Петухов прислушался к себе: в голове гудело после вчерашней выпивки с двумя мужиками, с которыми он познакомился возле карусели. Во рту стоял неприятный привкус портвейна непонятного разлива. Вино, которое они пили из горла, называлось «Кавказ», и после третьей бутылки они стали обниматься, мусолить друг друга мокрыми губами и обещать дружбу до гробовой доски. Потом в голове появился почти розовый туман, лица людей стали расплывчатыми, и Петухов, плохо осознавая себя в пространстве, двинулся к центру парка, где вскоре погрузился в сладкий сон на клумбе возле основания памятника писателю. Уже под самый вечерний закат, когда на небе слабо проклёвывались робкие звёздочки и воздух сгушался, благоухая летними ароматами, сторож парка Никандров, пожилой, седоватый и вечно недовольный мужчина с грустным лицом, извлёк Петухова из оазиса цветов и перенёс безвольное тело на ближайшую скамью. На ней и встретил новый рассвет Алик. Он похлопал по карманам брюк в поисках наличности и, не найдя ничего, кроме дырки, сильно огорчился. Оказалось, что после вчерашней встречи новые приятели выгащили из его носка последнюю трёшку, которую он оставил про запас на чёрный день.

Алику было уже за тридцать. Небритое лицо, с зеленоватыми глазами и широкими скулами, прямым хрящеватым носом, было помято ночным сном. Суховатое, жилистое тело ещё не утратило своей жизненной силы. Он сел на скамью, протёр глаза и задумался, где же ему опохмелиться. Реальных и здравых мыслей в голове не возникло, и он уныло побрёл к фонтанчику с водой, чтобы потушить

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе Таджикской ССР (ныне Республика Таджикистан). Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткингэсстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве) — «Имя сей звезды — горькая полынь». Автор более десятка книг. Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики (2014). Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество», ордена Достоевского I степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

огонь в желудке. Поправив на голове бейсболку, из-под которой выбивались чёрные волосы, и стряхнув с некогда чистой рубашки прилипшие хлебные крошки, он пошёл мимо памятника. И как оказалось ему, пролетарский писатель недовольно повёл широкими усами. «Хорошо, что вчера ещё кроссовки не сняли, — думал про себя Алик. — А так бы пришлось в дырявых носках топтать по песку». Кроссовки ему нравились: они были на мягкой подошве, ходить в них легко, ноги не уставали.

Алик Петухов в прошлой, доперестроечной жизни работал на швейной фабрике «Снежинка» инженером-механиком. Но в 1985 году неожиданно для народа объявили, что наступила новая эпоха плюрализма и демократии, хотя многие и не догадывались, что это такое.

И вся страна забурилась. Большой плакат «Даёшь перестройку!» висел как раз напротив окон его кабинета. В это время на фабрике налаживали импортную линию, купленную в Европе за валюту, и собирались шить модную верхнюю одежду. Какое-то время фабрика дымила трубой котельной, но пришла приватизация, и, как обещали доверчивому народу, на ваучер можно было купить два новых автомобиля «Волга». Как патриот Родины и предприятия, Алик Петухов вложил свои ваучеры в развитие фабрики, как сделали многие работники. Все ожидали, что фабрика будет развиваться, но со временем дым из котельной стал еле заметным на фоне голубого и бездонного неба. Выпускать продукцию она не стала, весь склад был забит под крышу.

Новый директор Егор Полуэктович Долгоносков, приехавший из Москвы, на очередном собрании заявил, что фабрика — банкрот, а денег на зарплату нет и не предвидится. На вопросы из зала он отвечать отказался и, блеснув золотыми зубами на прощание, быстро скрылся за дверью в сопровождении крупнотелых охранников. На столе остался гипсовый бюст вождя мирового пролетариата Владимира Ленина. Он смотрел свысока открытыми глазами, нахмурив брови. Алик Петухов позже увидит этот бюст на городском рынке уже с кепкой на голове. В кабинете он вытащил из ящика стола и положил в кожаный портфель электронный калькулятор, который принёс из дома, фотографию жены в рамке и, вздохнув, покинул фабрику навсегда.

Как выяснится спустя несколько лет, новый директор приехал не развивать швейную фабрику, а даже, наоборот, закрыть. Он взял небольшой кредит у подставных людей и умышленно его не отдавал, хотя деньги в обороте у фабрики были. Ушлые кредиторы через суд обанкротили и сами же купили некогда процветающую фабрику с импортным оборудованием, которое вывозили по ночам в неизвестном направлении.

Алик Петухов, выйдя из проходной, уныло зашагал домой. Проходя мимо фабричной Доски почёта, он улыбнулся своему портрету, висящему в первом ряду. Стоял хмурый осенний день, серые тучи висели возле горизонта, грозя ночью пролиться холодным дождём. На автобусной остановке оказалось много народа, в основном это были фабричные. У многих выражение лица отражало осеннее небо. Автобус появился, и люди, подталкивая друг друга, вошли в тёплый салон. Автобус, хлопнув дверями и взвизгнув двигателем, поехал по разбитой дороге.

Дома его ждала жена Даша, она пришла раньше и разогрела борщ, который умела вкусно приготовить. Алик Петухов зашёл на кухню и попал в объятия жены. Она тесно прижалась к нему горячим телом, поцеловала мягко в губы.

— Ты сегодня почему-то припозднился да и расстроен чем-то? — спросила Даша, смотря ему в глаза и не отпуская его рук.

— Сегодня собрание было. Всё... Всё — фабрику закрыли, и нет денег даже на зарплату. Наверное, придётся идти в суд, — грустно ответил Алик и присел на табурет.

— Не огорчайся, милый! Пока проживём на мою зарплату, а ты найдёшь себе новую работу, — поспешила успокоить Даша своего супруга.

Борщ закипел и бурлил в эмалированной кастрюле.

— Ой, что же я со своими расспросами к тебе пристала?! — Даша подошла к плите и стала разливать борщ в тарелки.

Алик с любовью смотрел на жену, на её тонкий стан, красивые ноги, короткую стрижку по моде. В душе было больно за всё происходящее, и он не мог смириться с тем, что будет жить на зарплату воспитателя в детском саду. Он тяжело вздохнул и принялся аккуратно есть борщ, чтобы капли не попали на стол.

— Может, ещё добавки? — поинтересовалась Даша и, подперев подбородок кулачком, ласково смотрела на него. — Мне так хорошо с тобой, и я счастлива, что мы вместе.

Алику верилось в искренность слов жены. Они прожили уже пять лет. Больших скандалов и ссор, которые порой разрушают семейные очаги, не случилось, и ему казалось, что так будет продолжаться всю жизнь. Детей у них не было, и они жили с надеждой на Дашину беременность.

Познакомились, когда Алик учился на последнем курсе института, а Даша уже закончила педучилище и работала воспитателем в детском саду «Колокольчик». Знакомство состоялось на танцах в парке культуры и отдыха имени Максима Горького. На площадке, скрытой большими деревьями, играла музыка, и пары, увлечённые друг другом, кружились в вальсе. Даша стояла возле входа, не решаясь пройти дальше. Алику сразу бросилась в глаза невысокого роста, худощавая, красивая девушка в голубом платье. Он быстро подошёл к ней, чтобы её не перехватили другие кавалеры, и пригласил на танец. Даша робко протянула руку, и они прошли вперёд, ожидая, когда прозвучит музыка. Послышалась песня популярного эстрадного певца Юрия Антонова «А мимо гуси-лебеди»:

*Несёт меня течение сквозь запахи осенние,
И лодку долго крутит на мели.
Сплетают руки лилии сплошной зелёной линией...*

Алик обнял Дашу за талию и чуть привлёк к себе, она не сопротивлялась и подалась к нему. От неё пахло сладкой карамелью, она была красива своей молодостью. После танцев они шли по тёмным парковым аллеям, рассказывая друг другу смешные истории. Внезапно появились двое подвыпивших парней. Один, рослый, длинноволосый, в рубашке с засученными рукавами, подошёл к Алику и без всяких предисловий сильно толкнул его в грудь.

— Ты чего, пацан, к нашим девкам пристаёшь? — хрипло начал он, затевая драку.

— Кто вы такие?.. Я совсем не знаю вас, — дрогнувшим от испуга голосом ответила Даша и потянула за руку Алика. — Не связывайся с ними, пошли скорее...

— Пойдите! Пойдите! Я не отпускал ещё никого, — рассердился длинноволосый и размахисто ударил кулаком по лицу Алика.

Будущего инженера качнуло в сторону, но он удержался на ногах. В голове застучали молоточки, кровь прилила к лицу. Алик сократил дистанцию, схватил длинноволосого за руку, подтянул к себе и ударил сильно по ногам. Учась в институте, он два года занимался в секции самбо и неплохо освоил подсечки. Парень не ожидал такого поворота, упал лицом на асфальт, расцарапав себе щёку. Его друг — худой, с зачёсанными назад волосами и распахнутой рубашке — сразу возник рядом, стал его поднимать.

В темноте на соседней аллее послышался милицейский свисток и крик:

— Стой! Стрелять буду по ногам!

Несколько человек убегали через парк, проламываясь сквозь кустарник. Двое драчунов постояли, прислушиваясь к близкому шуму, и как по команде исчезли.

Через год Алик с Дашей поженились. Свадьба была скромная, гостей немного. Они переехали жить в однокомнатную квартиру родителей, а те к себе в деревню, на родину, доживать свой век. Молодожёны жили счастливо, пока не началась перестройка. Она набирала обороты, и через пять лет Алик лишился работы на швейной фабрике.

Как-то внезапно, словно грибы из-под земли, стали появляться возле дома и дальше по улице киоски, в которых продавались сигареты, алкоголь, жвачка. Торговля шла бойко, особенно ночью. Возле них сновали подозрительные люди. Знакомый Алика с фабрики, также лишившись работы, торговал у одного кавказца в киоске. Увидев его однажды на улице, Алик поинтересовался:

— Витя, мне нужно найти работу, хотя бы временную. Понимаешь, сижу у жены на попечении, зарплата у неё маленькая и едва хватает, — для убедительности своих слов резанул ребром кисти себя по шее.

— Понял. В соседнем киоске недавно ушла одна барышня. Ты подойди к хозяину — Толяну, он мужик вроде бы ничего. Войдёт в положение.

На следующий день Алик, поев глазунью из двух яиц и попив чая без сахара, пошёл искать Толяна. Подождав возле железного киоска минут тридцать, он увидел, как подъехал красный «жигулёнок», из него вышел крупный парень с сигаретой во рту. Короткая стрижка, тяжёлый боксёрский подбородок — первое, что бросилось в глаза Алику. Он отошёл в сторону, пропуская его, и, когда мужчина поравнялся с ним, нерешительно спросил:

— Вы не Анатолий?

Мужчина остановился, оглядел его с ног до головы цепким взглядом:

— А что ты хотел?

— Да вот хотел у вас на работу устроиться.

— А кем раньше работал? — спросил Толян, прилепив к нижней губе сигарету.

— Инженером на фабрике, — замялся Алик, и ему почему-то стало стыдно.

— Тогда подойдешь! Дело не сложное. У сменщицы примешь сегодня товар, и в ночь выходи на работу, она, можно сказать, не пыльная. Если будет недостача, то считай, что ты уволен без выходного пособия.

Толян докурил сигарету и умело щелчком пальца отбросил в сторону. Зашёл в свой киоск, и металлическая дверь наглухо закрылась за ним.

Сменщицей у Алика была проворная, синеглазая, полногрудая, в короткой юбке женщина лет тридцати. Она с интересом блеснула глазами на Алика, когда тот пришёл на работу в первый день:

— Скажу тебе по секрету, — она навалилась на него полными грудями, — ночью можно хорошо заработать, если у тебя, парень, всё в порядке с головой.

— Как? — коротко спросил Алик, не понимая сути разговора.

— Объясняю только один раз, — женщина совсем зажала Алика между ящиками со спиртом «Рояль», не давая ему повернуться. — Покупаешь у барыг водку по одной цене, а ночью продаёшь по другой. Навар оставляешь себе и хозяину ни слова. Понял, инженер, простую арифметику?!

— А если всё же Толян узнает? — решился спросить Алик, краснея лицом.

— Ну если узнает, то у тебя возникнут проблемы и контракт расторгнут, — улыбнулась толстыми губами Неля. — У нас в конторе всё просто.

Через месяц Толян сделал ревизию товара — оказалась недостача. Алик остался без денег и работы.

Дома Даша, узнав об этой неприятной новости, раздосадованно пожала плечами и, чтобы как-то поддержать мужа, сказала:

— Вот тебе новые русские! Всё будет хорошо, не переживай, Алик! Найдёшь себе работу по специальности, пока в магазине грузчиком пристроился, и то ладно.

В душе было больно за мужа. Недавно она на улице встретила школьную подругу, и та заташила её к себе домой похвастаться новым шмотьём, как она выразилась. Зинка Петрова, незамужняя женщина, недавно купила себе новую турецкую дублёнку и красные кожаные сапоги. На вопрос Даши, где она нашла деньги, та хитровато улыбнулась и, крутясь в комнате возле зеркала, пооткровенничала:

— Нашла себе богатого спонсора. Он мне обещал ещё купить норковую шапку и, если я буду себя хорошо вести, свозит на море в Геленджик.

— А кто твой спонсор? — не удержалась Даша, ей стало интересно, кто же содержит Зинку — вечную неудачницу. Она уже побывала два раза замужем, ходила зимой в сером демисезонном драповом пальто и старых сапогах, купленных пять лет назад на премию мужа.

— Да ты знаешь его! В школе вместе учились, двоечник Мишка Трегубов. Его постоянно вызывали в учительскую для промывки мозгов. А сейчас он рэкетом занимается.

— Чем-чем? — не сразу поняла Даша.

— Если объяснить по-простому, он бандит местного пошиба, — рассмеялась Зинка, снимая с ног сапоги. — Смотри, вот ещё классные польские колготки, — она вытянула вперёд тонкие ноги с узкими ступнями. — Короче, подруга, скажу только тебе по секрету, как он работает, у него бабла полные карманы.

Даша сидела в потёртом кресле, и голова кружилась от незнакомых слов, она не понимала их значения.

— А что такое «бабло»? — спросила она у Зинки, которая снимала колготки, оголяя светлую кожу ног.

— Вот дурёха! — рассмеялась Зинка. — Да это деньги, если перевести на наш советский язык. Мишка-то с корешами ездят по кооперативам и частникам, кто торгует на рынке барахлом, и собирают с них дань.

— А если им не дадут денег, то что они сделают с человеком?

— Ну ты наивная, подруга, ничего не понимаешь в жизни. Живёшь со своим инженером, который не может найти работу, висит у тебя на содержании, и ходишь, как обдергайка, ничего себе не можешь купить. Нужен тебе такой муж? Подумай.

Даша обиделась на свою подругу и засобиравалась домой. Хотя ей хотелось примерить дублёнку и сапоги, но она сдержала своё желание. В прихожей Зинка обняла Дашу:

— Ты не кисни, подруга! Найду тебе тоже спонсора, и будешь ходить в новых шмотках, ты же красавица! Все мальчишки из класса были в тебя влюблены. И муж ничего не узнает. Скажешь, что выиграла в лотерейный билет.

Она подвела её к зеркалу:

— Посмотри на себя. Лицо усталое, глаза потухшие, а губы... совсем посинели. Волосы поседел. Витаминов мало, что ли, ешь? Ты вот что! Даю тебе неделю на осмысление. Позвонишь мне, как только созреешь. Есть на примете один мужичок состоятельный, коммерсант. Мне говорил Мишуня, что он крупные партии тушёнки китайской привозит и в своих магазинах торгует. Решайся, милая, один раз живём на этом свете!

Через неделю душевных колебаний Даша позвонила своей подруге. И вскоре всё закрутилось. Они встретились первый раз у Зинки в квартире.

— Жора, — коротко представился полноватый мужчина с выпирающим животиком из-под рубашки. Жоре было уже под пятьдесят. Крупная голова с седоватым ёршиком волос и маленькими поросычкими красными глазами соединялась с плотным туловищем короткой шеей. На нём был надет красный пиджак, в широком вороте белой рубашки виднелась крупная золотая цепь с крестом.

После этой встречи жизнь Даши стала меняться. Она под разными предложениями уходила из дома и возвращалась ближе к полуночи, иногда с коньячным запахом. На вопрос Алика: «Где ты была?», Даша, как правило, отвечала, что вместе с подругами после работы зашли в кафе, немного посидеть.

Так продолжалось несколько месяцев. Алик сидел возле окна и смотрел в темноту в ожидании жены. В голове стали возникать подозрительные мысли, что она могла завести любовника. У Даши появились новые дорогие вещи, норковая шубка, золотая цепочка с красивым кулоном. Утром как всегда уже не позволяла себя целовать.

Мир вокруг Алика стал разрушаться. Так прошла зима. Отношения в семье с каждым днём накалялись и грозили взорваться вулканом.

Алик в выходной день по привычке сидел возле окна и бесцельно смотрел, как ходят люди во дворе. Стояла солнечная погода, на слегка подсинённом небе прочертил след военный самолёт... Он увидел, как возле их подъезда остановился чёрный «Мерседес», из него выпорхнула радостная Даша. Дома она равнодушно кивнула головой, быстро прошла, не раздеваясь, к платяному шкафу, стала собирать вещи в чемодан. Алик стоял с бледным лицом в дверях и не мог понять, куда же собирается жена. Поймав его вопросительный взгляд, Даша вздохнула, и Алику показалось, что на её глазах навернулись слёзы.

— Алик, мы расходимся. Понимаешь, так жить больше нельзя! — голос Даши надорвался, она присела на диван, закрыв лицо руками, её плечи подрагивали. Она плакала, и Алику стало так жаль её и себя, что он готов был тоже разрыдаться.

— Но почему?.. Почему, объясни мне? — попросил он, подойдя ближе, и хотел обнять её за плечи.

Даша резко встала, размазала по щекам слёзы кулачком, подхватила чемодан и заторопилась к выходу. Под окном настойчиво сигналила машина Жоры. В дверях она обернулась к Алику красным, заплаканным лицом:

— Прости, если сможешь, но так я не могу дальше жить...

Даша вышла, не закрыв за собой дверь. По подъезду гулял холодный сквозняк. Ворвавшись в квартиру, он хлопнул оконной форточкой и запечатал входную дверь.

После этого жизнь у Алика покатилась по наклонной. Он стал выпивать с грузчиками на работе. Для истинных гурманов и эстетов из подворотни был денатурат крепостью восемьдесят два градуса и стоил по тем времена полтора рубля. На этикетке красовался череп с тремя костями, но и это не останавливало их в желании оказаться за малую плату в царстве радости и грёз.

В стране велась борьба с пьянством, и где-то стали вырубать фруктовые сады и виноградники. Тогда хлынул из-за бугра голландский спирт в стеклянной таре «Рояль». Первое время его покупали с охотой, а затем он появился в пластиковых литровых бутылках сомнительного происхождения и качества. Любители выпить стали травиться суррогатом...

В соседней квартире жил сосед Герасим. Он писал стихи и на собственные деньги издавал книги. Их никто не покупал, и поэт от этого страдал. Он приглашал Алика к себе в квартиру, где, налив водку в гранёные стаканы, читал ему стихи, впрочем, неплохие. Уходил Герасим от душевной тоски и жизненной серости в запой на неделю-другую, и уже с полгода находился в дурдоме.

Так Алик почти каждый день заливал своё горе, и ему казалось, что выхода нет. Дашу он видел только один раз, она сидела в «Мерседесе» в модной шляпке и что-то рассказывала Жоре, жестикулируя руками. Алик остановился, и ему показалось, что Даша оглянулась и смотрит на него. Ему хотелось броситься за машиной, остановить её и набить наглухо физиономию Жоры. Но он только порывисто сделал несколько шагов и остановился, увидев, как машина всё дальше удалялась от него. Алик пришёл домой, прилёг не раздеваясь на диван и, засыпая, решил бросить пить.

Придя утром на работу в магазин, Алик первым делом прошёлся по подсобкам и тёмным закуткам и, не увидев Савелия, с которым когда-то работал на фабрике, спросил о нём у сонливой продавщицы с припухлыми глазами. Та, посмотрев на него исподлобья, недовольно бкнула:

— Нет твоего Савелия. Вчера ещё похоронили. Втроём выпивали возле колеса обозрения в парке, ну и решили прокатиться. Вот и свалился с самой верхотуры, отдал богу душу, — продавщица хмыкнула, посмотрела на Алика подсинёнными глазами. — Ты за-вязывай!.. Ты же инженером был, и туда же, с алкашами. Подумай хорошо, — она пошла в мясной отдел, поигрывая широкими бёдрами.

Весь день Алик перетаскивал деревянные ящики из магазина в склад. В голове всё крутился короткий разговор с продавщицей, становилось стыдно за себя, было грустно на душе, и тоска тянула сердце. Алик понял, что нужно кардинально менять жизнь, а иначе тупик, из которого нет выхода.

Погода стояла ясная, на небе не было видно облаков, только низко летали птицы, расчерчивая острыми крыльями геометрию полёта.

— Ты бы отдохнул, — из магазинной двери высунулась рыжая голова директора Маргариты Павловны, которая по-женски жалела Алика за то, что в его жизни получился крутой вираж. Неделью назад в обеденный перерыв директор пригласила его для душевной беседы, так она пояснила.

— Алик Петрович, как поживаете? — начала она издали и даже назвала его по имени и отчеству, что сразу насторожило Алика.

— Да нормально живу, как все, — хмуро ответил Алик, и ему стало душно в кабинете. Он поднялся и приоткрыл окно.

— Хочу тебя познакомить с одной женщиной. Домовитая, не какая-нибудь вертихвостка. В доме нужны мужские руки. Подумай, может, это твоё счастье.

Алик встал, приставил стул к директорскому столу, поджал губы, глаза сузились.

— Спасибо, Маргарита Павловна! Пока мне одному неплохо. Я пойду...

— Иди, иди! Подумай только хорошенько.

К концу дня небо заволочло серыми тучами, ближе к горизонту они чернели, налитые водой. Подул верховой ветер, который стал гнуть верхушки деревьев. Вдалеке грохнуло один раз, через короткий промежуток — второй... Дождь сначала слабо закапал, затем всё сильнее и сильнее, и казалось, что кто-то на самом верху открыл водопроводные краны. Вода хлестала потоком.

Дождь застал Алика, когда он шёл домой через парк. Он встал под дерево с большой раскидистой кроной, чтобы не промокнуть. Стоял, привалившись к ещё теплomu стволу, а мимо пробежали люди, некоторые прикрыли голову целлофановыми пакетами. Вокруг стало совсем темно, будто наступили вечерние сумерки. Над головой грохотало, сверкали молнии.

Алик повернул голову и увидел, что неподалёку бежит женщина в коричневом платье, держа в руках сумки. Платье прилипло к телу, обозначая фигуристое тело.

— Идите сюда! — махнул рукой Алик, не надеясь, что женщина услышит его из-за шума дождя. Но она на мгновение остановилась,

словно оценивая обстановку, подбежала к дереву и встала рядом.

Некоторое время они молчали, изредка бросая случайные и робкие взгляды друг на друга. Потом Алик осмелел, повернул голову в сторону женщины:

— Наверное, дождь будет лить всю ночь. Давно не было такого ливня, всё лето стоит невыносимая жара.

— Пусть польёт, хоть грязь с улиц смоем, — ответила женщина спокойным, тихим голосом и тоже посмотрела на Алика. Одёрнула платье, прикрыла грудь рукой. Сумки стояли возле её ног.

Алик улыбнулся ей, ему почему-то стало хорошо на душе. Рядом стояла незнакомка, к которой у него возникала симпатия. Он жил уже два года без Даши. Первое время сильно скучал и мучился, не спал по ночам. Через год боль стихла, и он стал реже вспоминать её.

— Как вас звать? — неожиданно для себя спросил он у женщины и даже удивился своей смелости.

— Екатерина, а можно проще — Катя, — ответила она и улыбнулась Алику.

Дождь стал стихать, гроза ушла дальше в сторону, и там, в темнеющем небе, сверкали яркие молнии и слышался гром.

— Ну я пойду, а то, пока добираться до дома, будет совсем темно, — Катя взяла сумки в руки и пошла по луже.

— Я вас провожу? — Алик шагнул вслед за ней, набрав полные кроссовки мутной воды, особо не надеясь на её согласие.

Катя остановилась и молча протянула ему сумки. Они были тяжёлые и оттянули руку Алика.

— Что вы там носите, кирпичи, что ли?

— Продуктов накупила на месяц вперёд, — улыбнулась Катя и пошла, увлекая за собой Алика.

Через час ходьбы по мокрым городским улицам они пришли к Катиной квартире.

— Заходите, хоть обсохнете, да и чаем вас угощу. А так можете простыть, дождь-то холодный лил.

Оставляя сырые следы в прихожей, Алик прошёл в небольшую чистую кухню, сел на табурет. Катя в ванной сменила сырое платье на махровый халат, обсушила волосы феном, и уже стояла в дверном проёме.

— Снимайте одежду, я быстро её простирну, — увидев испуганные глаза Алика, успокоила: — Да не съем я вас. Посмотрите, какие брюки грязные, да и рубашку тоже нужно в машину.

Вскоре они вместе сидели на кухне. На Алике тоже надет халат, только коричневого цвета, ему он был великоват, пришлось закатать рукава. Чай был душистый, с травами, Алик пил осторожно, разглядывая Катю. Она чем-то напоминала Дашу. Такой же овал лица, с тонкими бровками, упрямые губы.

Они вели бесхитростную беседу. Темы, облакаемые словами, были лёгкими, обыденными, и Алику казалось, что он уже отвык от такой жизненной простоты, добра, что даже поперхнулся чаем. Катя рассмеялась, и её смех разлился по кухне, словно рассыпались звонкие шарики.

За окном в ночи выглянула луна. Было тихо, только вдалеке забрехала собака, полаяла немного, больше для приличия, и успокоилась.

— Я вам постелю на раскладушке, а утром уедете домой. Куда сейчас в ночь непроглядную? Идите в комнату, раскладушка стоит возле шкафа, а я пока уберу посуду.

Алик, не включая свет, разложил раскладушку, положил матрас и прилёг, укрываясь пледом.

Катя, помыв посуду, тихо прошла к дивану и легла на спину, закинув руки за голову.

Алик повернулся на бок, раскладушка заскрипела пружинами.

— А где ваш муж? Впрочем, можете не отвечать, я задал глупый и неуместный вопрос.

— Почему глупый? Как раз жизненный. Отвечу. Муж уехал пять лет назад за длинным рублём на Север, так там и остался... Нашёл себе в столовой повариху. Домой приезжал только за вещами. Я не стала с ним даже разговаривать, ушла из квартиры. Сын уже взрослый, живёт в Астрахани, работает техником на рыбзаводе... — Она замолчала и, как показалось Алику, тихо плакала в подушку из жалости к себе.

— Спокойной ночи! — проговорил он, проваливаясь в сладкую истому сна.

Катя встала пораньше, выгладила одежду Алика, заштопала дырявый носок. Тихо ходила по комнате, чтобы не разбудить своего гостя.

Утром они сидели на кухне, будто старые знакомые, и пили кофе с молоком. Катя приготовила на скорую руку бутерброды с маслом и, подперев подбородок кулачком, смотрела, как он ест.

Алик, закончив трапезу, засим посмотрел на часы, висящие в прихожей.

— Мне пора на работу. Спасибо за гостеприимство!

В прихожей она протянула тёплую руку:

— Заходите вечером... хоть чай вместе попьём, а то одной скучновато, — и как-то виновато улыбнулась ему.

— Обязательно приду. Спасибо за ночлег! — Алик легко сбежал по ступеням вниз. Вышел из подъезда, поднял голову и увидел в окне Катю — она улыбалась ему. Ему почудилось, будто в душе запели небесные херувимы.

Утреннее небо, выстиранное вечерним дождём, было слегка подсинённое и глубокое. По тротуару расползались вчерашние дождевые лужи, в них отсвечивался новый день.

Наталья ГУМЕРОВА

Я СОРВАЛА РОМАШКУ МАМЕ. Стихи**ПИСАТЕЛЬСКАЯ УЛИЦА**

Холодает... Ветер-королевич
 Гонит запоздалых чудаков...
 Воробьёв, Давыдычев, Радкевич,
 Домовитов, Вагнер, Голубков...

Все они давно когда-то жили
 В нашем добродушном городке,
 Думали, тревожились, спешили
 К улице знакомой налегке.

И каким бы ни был путь неблизкий,
 Но и в летний зной, и в холода
 Их вела судьба по Большевицкой,
 Как ведут трамваи провода.

Где ещё такое повстречают? —
 Столько сразу памятных имён!
 Мокнут стены серые, скучают...
 Кто теперь на них запечатлён?

Вот Екатерининской назвали
 Улицу писателей седых,
 И простой прохожий здесь едва ли
 Знает, что гуляет среди них...

Воробьёв, Давыдычев, Радкевич,
 Домовитов, Вагнер, Голубков...
 И живут писательские кельи
 Где-то в бесконечности веков...

Наталья Евгеньевна ГУМЕРОВА родилась 30 января 1972 года. Окончила строительный факультет Пермского государственного технического университета (1994). Работает в газовой отрасли (инженер-проектировщик). Увлекается декоративно-прикладным искусством: мастер-кукольник. Занималась в литературной студии «Тропа» под руководством Ф. С. Вострикова, которая затем была закрыта. Теперь совместно со своим учителем, мэтром поэзии, руководит возрождённой литературной молодёжной студией «Тропа». Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в том числе Пермского краевого — имени А. Решетова (2011). Публиковалась в альманахах «Времена перемен» (Пермь, 2009), «Литературная Пермь» (2011–2024), в сборниках «Солдатам Великой Победы» (Москва, 2010), «Тропа» (Санкт-Петербург, 2011), «Не жила Россия без талантов...» (Пермь, 2011), в газете «Пермский писатель» и других литературных изданиях. Член Союза писателей России (2020). Живёт в городе Перми.

РАДКЕВИЧУ

Так болеть уральским небом,
 Каму гордую любить,
 Чтить Урал, с землёй и хлебом,
 До седин уральцем быть,
 Думать, верить и бороться,
 Тонко чувствовать пейзаж —
 Единицам удаётся,
 Это высший пилотаж!
 Он сумел. Взлетел высоко
 Над Уралом трудовым,
 Посвятил Уралу столько,
 Что неведомо живым!
 И по сёлам, и по весям,
 В гуле улиц городских
 Разлетелся звонкой песней
 Искромётно-ёмкий стих!
 Рано сердце взбунтовало,
 Он бы жил ещё да жил,
 Но, сроднившийся с Уралом,
 Часть себя в него вложил...

* * *

Памяти И. П. Гурина

За крест ли тяжкий бунтаря
 Или святое сокровенное
 Его лелеяла заря
 И Русь с осиновыми венами...
 А он — простой и скромный был,
 Обычный парень из Шарынино,
 Он так Отечество любил,
 С его жарой, пургой и ливнями,
 С его сиреновой душой,
 С его берёзовыми соками...
 В нём созревал талант большой —
 Владеть писательскими строками...
 Тернистым путь бывал и бел,
 Но не дал дару поистратиться.
 Он долю женскую воспел,
 Да так, что сами слёзы катятся.
 Писал о жизни на селе,
 До крайних дней к природе сватался,
 Не удержался на Земле,
 А в душу вечности — впечатался...
 За крест ли тяжкий бунтаря
 Или святое сокровенное,
 Но свет его горел не зря,
 И нас склоняя к откровению...

* * *

Памяти А. Г. Гребнева

Зима раскрыла свой шатёр,
Снежками падая в ладошки,
Метель глядится из-за штор,
А он — играет на гармошке...

И льются лёгкие слова
Душевно, словно ветер древний,
А в них колышется трава,
А в них живёт душа деревни,

И Вятка звонкая бежит,
Лаская бережные склоны...
А на щеке — слеза дрожит,
И строки дум глубоких полны —

О светлой родине, о том,
Что в Чистополье, за лугами,
Остался милый сердцу дом
И колокольня с васильками,

И «в чистом поле ходит рожь»,
Подставив солнышку ладошки...
Окно пронизывает дрожь,
А он — играет на гармошке...

ЧАЙКОВСКИЙ

Чайковский... Музыка... Октябрь...
Дождя пленительные звуки...
На землю катится янтарь,
Янтарь ручьём стекает в руки.

Откуда эта чистота,
Живой мелодии сердечность?..
А город гонит суета,
А город гонит бесконечность.

Чайковский... Чашечка тепла
В промозглый вечер согревает,
И голоса колокола,
«Осенней песне» подпевая.

И воробы на проводах,
Как будто трепетные ноты...
Любовь — в душе, любовь — в мечтах,
В духовной музыке природы...

* * *

Идут кораблики по Каме,
А мы по берегу идём.
Я сорвала ромашку маме,
Я из песка сложила дом.
А солнце радуется сини,
Лучами знойными слепит,
Июль гуляет по России,
Июль налаживает быт...
Душе приятно и спокойно...
На маме — бронзовый загар,
А парашет ласкают волны,
Ласкает кожу летний жар.

Песком торопятся сквозь пальцы
Неудержимые года,
Теперь в руках у мамы пяльцы,
И я давно уже не та.
И нити синие ложатся
Рекой на тонкую канву,
Но вместе нам не пробежаться
По ней, как в детстве, наяву...
Сорву ромашку милой маме,
Приду в её уютный дом...
Идут кораблики по Каме,
А мы по берегу идём...

* * *

Не тревожься, Россия моя, —
Отболит, отгорит, отколышется...
Отдыхает под снегом земля,
Ей сегодня особенно дышится.

Наготовил мороз хрусталя,
Поразвесил шелка несравненные,
Нота «до», нота «си», нота «ля» —
Божий колокол лечит вселенную...

Время, время... Пора уходить
Високосной поре неприветливой.
Нам бы только понять и простить,
Сохранить вековое и светлое...

Нам бы только поглубже вдохнуть
Новогоднего воздуха чистого.
У России единственный путь —
Защитить, удержаться и выстоять...

ВЬЮГА

За двести лет покой не обрета,
 Скитаешься, несчастная, по свету.
 Ах, вьюга, ты и правда, как дитя,
 Навеки вечным Пушкиным воспета.

Не ты ли мне шептала поутру
 Рифмованные строки вдохновенья?
 То впутывала в шумную игру,
 То пряталась в строке стихотворенья...

И плакала от колкости твоей,
 И падала от холода объятий.
 Не этот ли целительный елей
 Отвёл меня от пагубных проклятий?

И стоит только глянуть на тебя —
 Наполнишься добром и состраданием.
 Не так ли ты и к Пушкину, любя,
 Летела ранним утром на свиданье?

За двести лет покой не обрета,
 Скитаешься, несчастная, по свету...
 Ах, вьюга, ты и правда, как дитя,
 Навеки вечным Пушкиным воспета.

* * *

Деревушка у дороги —
 Срубы, крыши в два крыла...
 Наметает пух под ноги
 Вьюги новая метла.

Ёлки в юбках изумрудных,
 В вологодских кружевах.
 Чисто, сказочно, безлюдно,
 На пути — позёмки взмах...

Едем, едем по России,
 А вокруг леса, леса,
 Снег парит, святой и синий,
 Словно Божия роса.

И стоят земные сени —
 И радушны, и тихи,
 А с небес — живой Есенин
 Шепчет звёздные стихи...

* * *

У нас, в России, по-простому —
Понять, поверить и простить...
Улыбка месяца над домом
Не против светом угостить...

И в чудотворные часовни
Всегда открыты ворота,
И ёлки вырядились, словно
На каждой — белая фата...

Летят снежинки кружевные
На небывалый хвойный лес,
И дым, шарами надувными,
Из труб взлетает до небес,

Блаженно нежится в истоме
Земля — невинна и чиста,
А в нашем общем русском доме
Живут любовь и доброта...

Улыбка месяца над домом
Не против светом угостить...
У нас, в России, по-простому —
Понять, поверить и простить...

ПОЭЗИЯ

Поэзия — дыханье Бога,
Дыханье вечное весны,
От опьяняющего слога
До всеспасающей волны...

Не для политики суровой
Её чарующий наряд,
Она творит живое слово,
И каждый ей пленяться рад.

Но если встанет на защиту,
Достав наточенный глагол,
Докажет, что не лыком шита,
Строфа-другая — и укол.

И воплотится Пушкин снова,
Чтоб всякий праведный постиг
Всепобеждающее слово,
Всевоскрешающий язык!

ЖИЗНЬ

А жизнь опять идёт по кругу,
Как своенравной не перечь...
Порой с метлой, порою с плугом,
То за лопату, то за меч,

То свадьбы правит, то поминки,
То пожалеет, то побьёт,
То обнажится до кровинки,
То замолчит, то запоёт...

И как бы круто ни взлетали,
А впереди — бездонный склон...
Так создают клинок из стали,
То в холод, то в кузнечный горн.

И нет у жизни остановки —
А потому должны бежать...
Но надо шустрым быть и ловким,
Чтоб темп подобный удержать —

Не соскочить, не оступиться,
Других, таких же, не столкнуть...
А жизнь идёт, меняя лица,
И этот круг не разомкнуть...

СТИХИ И МУЗЫКА

Стихи и ноты — взрыв и сочетание...
То в споре, то в тональности одной
Слова бегут к аккордам на свиданье,
Как берег обручается с волной...

Друга друга обходя и дополняя,
То бьются, то сливаются душой,
То повторяя тему, то меняя,
Но так от этих звуков хорошо!

Что кажется, в невидимом потоке
Ты тоже продолжаешь этот ряд,
Где музыка и образные строки
С тобой о сокровенном говорят...

Елизавета ГИЛЁВА

ПОД ПРЕДАНЫЯ РУССКОЙ СТАРИНЫ.

Стихи

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Комнаты окутал зимний вечер.
Тихо, только выюга за окном.
Няня в доме потушила свечи —
В детскую спешит с веретеном.

Приоткрыла дверь, тихонько входит.
Мальчик встал у тёмного окна
И очей задумчивых не сводит
С вихрей снегового полотна.

— Что ты призадумался, мой милый? —
Ласково любимцу говорит.
— Няня, выюга, точно зверь, завывала,
Елями и соснами скрипит...

А теперь — ты слышишь? — будто плачет,
Словно беспокойное дитя...
Ты не знаешь — что всё это значит? —
Голосок встревожен не шутя.

Няня улыбается украдкой:
— Утро тёмной ночи мудреней,
Выюге зимним вечером несладко —
Завтра, верно, будет веселей.

Мальчика устроила в постели,
Одеялом стёганным накрыв.
За окном, как прежде, стон метели.
Он лежит задумчив, молчалив...

Елизавета Романовна ГИЛЁВА родилась в 2010 году в городе Перми. Учится в Музее-школе имени Императрицы Александры Феодоровны. Дипломант I степени краевого конкурса детского и юношеского литературного творчества «Мир, нарисованный словом» в номинации «Поэзия» (2021, 2022). Обладатель специального приза краевого конкурса детского и юношеского литературного творчества «Мир, нарисованный словом» в номинации «Проза» (2022). Победитель августа в шестом сезоне Всероссийского детского литературного конкурса «Сибирские сказки» в категории «Сибирские сказки юных сказочников» (2023). Отмечена на XXXII краевом конкурсе начинающих авторов памяти пермского журналиста Валерия Дементьева (2023). Литературную учёбу проходит в студии «Тропа» у поэтов Фёдора Вострикова и Наталии Гумеровой. Живёт в городе Перми.

Вдруг слегка поднялся на подушке,
И уже как будто в полусне
Тихо просит добрую старушку:
— Няня, ты расскажешь сказку мне?

— Расскажу, конечно, сокол ясный, —
Гладит кудри мальчика она, —
О царе, о девице прекрасной,
Что в далёкий край занесена,

Как верхом, к похищенной невесте,
Скачет королевич молодой,
Как у моря, на пустынном месте,
Вырос за ночь город золотой...

Мальчик засыпает до рассвета,
Под преданья русской старины,
О великом будущем Поэта
Видя удивительные сны.

МАЙ

Лучик солнца проник в окно
Вместе с песнею соловья.
По утрам не темно давно,
И не слышно звона ручья.

Все сугробы апрель унёс
В зелень трав и красу цветов.
Больше нет у сосулек слёз,
Больше нет у капли слов.

А деревья сияют листвою,
И мерцает на них роса.
Это мая цветок полевой —
К лету взлётная полоса.

Лада ОКУЛОВА

СЧАСТЬЕ. Стихи

* * *

Когда бушует непогода
Метелью, вьюгами, дождём,
На сердце мрачно отчего-то,
Я помню — у меня есть дом.

Там ярко светится окошко,
Как будто кораблю — маяк.
Там чай горячий, плед и кошка,
Там пристань верная моя.

Я все преграды преодолею
Для тех, кто верно дома ждёт.
Родные руки обогреют
Мне сердце, сжавшееся в лёд.

И не влекут меня, не манят
Чужие яркие огни.
Под свист декабрьского бурана
Меня прельщают не они.

Мой путь домой, туда, где светит
Тот огонёк во тьме сплошной.
Приду домой сквозь снег и ветер,
И снова станет хорошо.

Лада Анатольевна ОКУЛОВА родилась в 2000 году в городе Очёре. Окончила колледж по специальности «Профессиональное обучение (по отраслям) — строительство и эксплуатация зданий и сооружений». Заниматься поэзией начала с 11 лет. Финалист VII Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы — 2023». Финалист «Северной звезды» — литературного конкурса общественно-политического и литературно-художественного журнала «Север» (2023). Победитель XXXII краевого конкурса начинающих авторов памяти пермского журналиста Валерия Дементьева (2023). Проходит дистанционную литературную учёбу в студии «Тропа» у поэтов Фёдора Вострикова и Наталии Гумеровой. Живёт в городе Очёре.

* * *

До седых волос от младенчества
Человек не поймёт решительно:
Отчего так счастье изменчиво?
Почему уходит стремительно?

То синицей в руки опустится,
То мелькнёт журавлём за тучами,
То бежит конём необузданным
Или речкой бурлит кипучею.

То растает в тумане звёздочкой
И вдали миражом пригрезится,
Уплывёт в горизонт на лодочке,
За собою поманит весело.

А потом в ладонях пригрется,
Мягким, тёплым комочком съёжится.
И опять не спеша развеется,
И растает в руке мороженым...

Кто его поймал, непоседное?
Кто себе подчинил окончательно
Так, чтоб песню пропеть победную,
Став навек его обладателем?

Счастье всем нам даётся временно,
Чтоб ценить научились правильно.
И для каждого столько отмерено,
Сколько в силах ему управиться.

Роман ОМЕЛЬЯНЕНКО

ДЕРЕВУШКА. Стихотворение

Покосилась с годами калитка,
Двор высокой травой позарос.
К малой Родине тропочка-нитка
Возвращает туда, где ты рос.

Там избушек оставшихся мало,
Ковылём затянуло пути,
Тихо скрипнет колодец устало:
«Не хотят за водою идти...»

Ветер изредка в окна стучится,
Дверь никто не откроет, увы...
Как родимой сторонushке спится
На страницах забытой главы?

Вот бы вновь оживилась сторонка,
Зазвучала в округе гармонь,
Петухи загорланили звонко...
Тяжело от житейских погонь.

А всего-то... вдохни этот воздух
С ароматом поросшей травы,
Ощути белоснежность черёмух,
Дотянись до небес синевы...

Белоствольная встретит опушка,
Палисадник и старенький дом.
И тогда оживёт деревушка
И на карте, и в сердце твоём!

Роман Александрович ОМЕЛЬЯНЕНКО родился 22 сентября 1994 года в городе Чёрмозе. Выпускник школы N 47 г. Перми, Пермского краевого колледжа искусств и культуры. Работал много лет в Чёрмозском городском Доме культуры и детской школе искусств. Творческий путь начался в 2009 году, по вдохновению появлялись небольшие стихи. Позже стал плотнее заниматься музыкой. И так по сей день рождаются песни на слова разных авторов. С 2024 года участник литературной студии «Тропа» под чутким руководством замечательных поэтов Фёдора Вострикова и Наталии Гумеровой. Дипломант литературного конкурса в городе Лысьва «Отечества священная палитра» (2025). Живёт в городе Перми.

Часть 3

Владимир ГЛАДЫШЕВ

СПАСТИ МИХАИЛА! Опыты пристального чтения

За последние год-два в свет вышли сразу несколько произведений, в которых главным героем выступает великий князь Михаил Александрович Романов. Роднит эти книги, разные по манере, стилю, жанру и мастерству, то, что авторы изо всех сил спасают Михаила Романова, де юре — последнего императора России. Лично я прочитал четыре книги: В. Зубакин «В тени трона. Неисторический роман» (М., 2022); В. Серафимов «Великий князь Михаил Александрович, последний император. Тайна участи. Опыт исторической реконструкции» (СПб., 2023); С. Тупицын «Золотой берег императора. Хроника русской смуты» (П., 2023); А. Иванов «Бронепароходы» (М., 2024).

ИСКАТЬ ВАМ НЕ ПЕРЕИСКАТЬ

Начну свой курс пристального чтения с произведения, самого достойного в этом романовском «сериале» — «Золотой берег императора». И это не только на мой взгляд: солидная губернская комиссия недавно присудила книге нашего земляка Сергея Тупицына высокую награду — премию в сфере культуры и искусства Пермского края.

К этому произведению и вообще к царской теме автор, можно сказать, был приговорён. Дело в том, что одного из свидетелей пермского периода жизни и гибели великого князя Михаила Александровича звали... Сергей Тупицын. Личностный момент для исследователя — совсем не лишний стимул.

На этом совпадения не закончились. Известный пермский тележурналист Сергей Тупицын, лауреат премии «ТЭФИ», в своей творческой судьбе ещё не раз переживёт удивительные «скрещенья судеб» (Б. Пастернак). Если ещё добавить, что по образованию автор данного произведения — историк, то вполне понятен интерес, с которым я прочитал его книгу «Золотой берег императора».

Сам автор определил жанр книги как хронику русской смуты. Однако это только «хитрый» приём романиста, дополненный методом

Фото: Л. Изгагина

Владимир Фёдорович ГЛАДЫШЕВ родился 4 октября 1951 года в городе Молотове / Перми. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1979), параллельно прослушал два курса на отделении искусствознания у проф. С. В. Голынца, прошёл две музейные практики. Педагог высшей квалификации, преподаватель журналистики (ПГНИУ, гимназия N 4 им. братьев Каменских). Трудовую жизнь посвятил журналистике и краеведению. Автор более десятка книг в основном краеведческой направленности. Член Союза журналистов СССР/ России (1980). Член Союза писателей России (2009). Фрагменты из книг В. Ф. Гладышева включены в хрестоматии, сборники краеведческих текстов «Пермь и пермяки». Член Топонимического совета г. Перми, входит в Учёный совет краеведческого музея и ряда других организаций, председатель Пермского общества краеведения, редактор газеты «Пермяки». Неоднократный лауреат Гайдаровской премии, трижды становился лауреатом областной премии в сфере культуры и искусства (1995, 2004, 2015). Лауреат премии г. Перми в сфере культуры и искусства имени Н. Н. Серебренникова (2009), премии г. Перми в сфере культуры и искусства имени русского поэта и критика А. Ф. Мерзлякова (2023). Кавалер ордена Достоевского II степени (2011). Живёт в городе Перми.

хроникальности, репортажности и авторскими комментариями-воспоминаниями. Всё это позволяет С. Тупицыну создать широкое историческое полотно, вывести целую галерею оригинальных образов, причём не «каменных героев и отъявленных злодеев», но каждый — со своими «тараканами», психологическими особенностями. Можно поспорить, наверное, таким ли уж вольтеровским Кандидом, простодушным человеком был в жизни главный герой романа, но образ Михаила создан живой, этого не отнять.

Пикантность книге придаёт, конечно, и авторская фантазия; при нехватке документов он смело (порой кажется, даже слишком смело) домысливает, дорисовывает ситуацию. Так, у него неожиданно сталкиваются друг с другом участники исторического события: например, во время визита в Пермь царя-батюшки Александра I Благословенного в народной толпе вдруг проявляется крестьянин Жужгов, фамилия, как известно, знаковая и зловещая в деле об убийстве Михаила Романова. Подкупают лирические обобщения автора, основанные на глубоком знании механизма смены событий, законов истории. Так, он пишет: «Если беспокойный сон Благословенного и сопровождался кошмарами, то и в самом страшном из них Александру не могло привидеться, что наступит время, когда из дома, находящегося по соседству, праправнуки стоящего внизу народа повезут убивать его праправнука».

Не менее авантурными выглядят и приключения того самого дорогого предмета, давшего название роману. Часы эти, царский брегет, после убийства Михаила (его и секретаря всё-таки убили, но тела их исчезли) переходят из рук в руки. А кончается история брегета тем, что русский эмигрант Ганька Мясников, столкнувшись в Париже с Георгием, сыном Михаила, устраивает ему автокатастрофу, самолично перерезав в его спортивной машине тормозной шланг. Скажете, как-то мелко для организатора цареубийства. Но дальше ещё хлеще: Ганька находит и второй раз «реквизирует» брегет, теперь уже у наследника. При аресте самого Мясникова, это уже в конце войны, часы станут трофеем советского чекиста...

Полный тёзка автора С. Тупицын, сын видного пермского предпринимателя, превращён фантазией писателя в свидетеля «преступления века», свершившегося в мотовилихинских лесах. Автор пускает своего героя, молодого человека, не побоявшегося стать другом сыльного гражданина Романова (хотя и был значительно младше его), — по следу убийц; Сергей на велосипеде (!) сопровождает фазтоны с жертвами и их похитителями аж до самого места бессудного расстрела. Тем самым в хронике волевым решением её автора пресекается разногласие во мнениях, где искать могилу последнего императора и можно ли вообще её найти. С авторским выводом — «искать вам не переискать», уже ничего не найти, лично я, допустим, не согласен, поскольку уже научен поисковым опытом: рукописи не горят. Но это уже другая тема.

В романе немало прекрасно выписанных, психологически достоверных глав: история семьи предпринимателей Тупицыных, сцена допроса Мясниковым архиепископа Андроника. Автор книги рассматривает, отслеживает, как сложились судьбы практически всех участников тех драматических событий, он делает попытку дать в жёстком генезисе характеристики каждому из цареубийц.

Прихотливый хронометр развития сюжета допускает смену «картинок», почти киноэскизов. Периодически писатель пускается в увлекательные события личной биографии (может быть, местами слишком пространные), чтобы показать, как всё связано в этом прекрасном подлунном мире. Если автор и фаталист (как он сам себя называет), то очень убедительный. Заставляет своего читателя задуматься.

«ТАЙНА УЧАСТИ»

Мою надежду на то, что нужные документы, источники когда-нибудь да всплывают («рукописи не горят»), неожиданно подкрепил кандидат богословия Вениамин Серафимов, автор другого произведения на царскую тему «Великий князь Михаил Александрович, последний император. Тайна участи». Жанр своей книги он определил так: опыт исторической реконструкции.

С Вениамином Васильевичем мы состоим в длительной переписке, больше — полемике. После того как обменялись своими книгами (я выслал ему свой труд «По царскому следу», П., 2014), уважаемый учёный-богослов сразу согласился со мной в одном: документы не исчезают бесследно. Этот вывод В. Серафимов сделал, прочитав в моей книге о том, как была опровергнута самонадеянная фраза П. Войкова, одного из организаторов убийства царской семьи в Екатеринбурге: «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали».

Поводом для такой убеждённости В. Серафимову послужили личные встречи со старожилами, например с ветераном, служившим в войсках НКВД ГПУ и встречавшимся с участником убийства семьи Романовых Я. М. Свике (1885–1976). А также изучение зарубежных архивов и следов, прежде всего датского. С некоторыми уточнениями В. Серафимова, надо сказать, я был согласен, больше того, удивлён столь обстоятельным подходом к теме и дотошностью. Даже в «мелочах».

Не буду вдаваться в подробности наших идейных расхождений с учёным-богословом. Мы придерживаемся разных позиций по поводу непризнания православной церковью «царских останков», которые хранятся в Петропавловской крепости; по отношению к фигуре Григория Распутина, а также к ряду других фигурантов «царского дела».

Автор «Тайны участи» удивляется: а как же не смогли узнать похитителей-цареубийц никто из obsługi и жильцов Королёвских номеров? Намекая на то, что лица, похитившие Михаила в ночь на 12 июня, явились с целью спасти его, поэтому они никому не были знакомы. Этот вопрос выдаёт в авторе человека, который не знает реалий нашей местности. Ведь Пермь и Мотовилихинский завод — очень удалённые друг от друга локалии. В городе из этой банды боевиков могли узнать разве что Мясникова и Иванченко, но они в тот роковой вечер не засветились в номерах; да и среди жильцов, которых привлекли как свидетелей, были люди приезжие. Откуда им знать в лицо каторжника Жужгова и других?

Главное наше расхождение касается версии спасения, которую отстаивает В. В. Серафимов. Есть ещё аргумент, который остался вне поля зрения этого исследователя: он забывает о Божественном даре любви. Михаил Александрович — не тот человек, чтобы после своего «чудесного спасения» ни разу, нигде, никоим образом не проявиться в жизни своей возлюбленной Натальи Сергеевны, обожаемой

Наташечки, жившей все оставшиеся годы в Париже. Она была для него свет в окошке... Думается, автор правильно сделал, убрав из названия своей книги слова про «версию спасения» и оставив «тайна участия». Вызывает восхищение также искусство дипломатической критики, которым, похоже, в совершенстве владеет наш оппонент из столичной епархии. Познакомившись с моим скромным вкладом в тему (книгой «По царскому следу»), Вениамин Васильевич написал такой отзыв: «Книга ваша производит очень серьёзное впечатление, как труд непредвзятый, не “заказной”, искренний, почвенный, укоренённый, доброжелательный к коллегам — дело жизни, можно сказать! Однако каждый из исследователей оказывается заложником тех или иных расхожих мнений, которые он принимает на веру как истинные».

Что можно прочитать и так: хорошо, но субъективно, а в поисках истины надо избегать заблуждений и расхожих мнений.

«В ТЕНИ ТРОНА»: НЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ... NO РОМАН

Сразу после выхода романа «В тени трона» — было это в 2022 году — автор В. Зубакин провёл серию презентаций своей книги в Перми. Сам по себе этот шаг заслуживает уважения, и тем не менее в нём много удивительного. Начиная с того, что для автора литературство — это хобби, он доктор экономических наук, заведует кафедрой возобновляемых источников энергии в Российском университете им. Губкина. А кроме того, Василий Александрович — москвич, что тоже сыграло против автора в исследовании «пермского злодеяния» — «бегстве» великого князя Михаила Александровича.

В позитивном отношении к главному герою, можно, конечно, солидаризоваться с автором. Как и в отстаивании добрых, человеческих межнациональных отношений, через дружбу командира Дикой дивизии Михаила Романова с верным ординарцем Магомедом.

Интрига присутствует, сюжет переносит героев из Виндзорского замка в таёжный скит, с Лазурного берега — на фронт, из пустыни Каракум — в Альпы. По следу их идут коварные спецслужбы, причём разных стран (что подтверждается и документально). При чём тут Виндзор? Потому что главными героями своего повествования В. Зубакин избрал двух особ — Михаила Романова и британского короля Эдуарда VIII. На тронах оба продержались недолго, но каждый шёл до конца, каждый действовал вопреки предрассудкам ради любви.

Но что скрывать, натяжек и ошибок в книге немало... Тот путь возможного побега, который автор показывал на экране в Горьковке, конечно, тоже фантастический. Это можно сравнить с рассказом одного «историка» о том, как Михаил готовился отразить нападение большевиков с помощью пулемёта, установленного на балконе. Такие фэнтези у знающего человека способны вызывать только улыбку.

ЗАЛПОМ — ПО КЛЮЧЕВЫМ МОМЕНТАМ ПЕРМСКОЙ ИСТОРИИ

Тот факт, что место захоронения самого знаменитого «пермского узника», бессудно казнённого пермскими большевиками, так и не было найдено, побуждает всё новых и новых литераторов продлить жизнь Августейшему сыльному. Пожалуй, всех переплюнул в этом смысле известный писатель Алексей Иванов, наша земляк, который выпустил новый роман «Бронепароходы».

Одним из главных героев книги выведен Михаил Романов; действие даже начинается со сцены его похищения, расстрела и исчезновения трупа. Сам автор, побывавший в Перми после долгого перерыва с презентацией своих новинок (плюс объёмистый документальный труд «Речфлот»), рассказывал: «В основу положены события Гражданской войны. События, в общем, схожие: везде красные и белые формируют военные флотилии, бронируют и вооружают мирные речные пароходы. Буксиры становятся канонерками, баржи — плавучими батареями, пассажирские лайнеры — десантными судами. Но ещё идёт скрытая промышленная война, Нобели пытаются заключить сделку с большевиками...»

Буйство фантазии автора, конечно, способно поразить любого... Взяв период Гражданской войны на Урале и Каме, А. Иванов подвиг кардинальному пересмотру ключевые моменты истории Перми: и причину пожара, и гибели камского флота, и смерть главного пароходчика, в котором легко узнаётся Н. Мешков (по воле автора он кончает жизнь самоубийством в тюрьме). Разгром Белогорского подворья в Перми литератор смешает по времени почти на полгода, и всё для чего? Чтобы большевики устроили там кровавый поиск сбежавшего Михаила.

С образом самого великого князя романист поступил совсем, так сказать, нелипценриятно. Прежде всего, он его сильно унизил, в прямом и переносном смысле, сделав его человеком среднего роста. Читаем: «Ничем не примечательный тип: всё среднее — рост и телосложение». И эта примета повторяется по ходу действия не раз. Но как же быть с фактами, с многочисленными фотографиями, на которых Михаил на голову выше других... Как и многие другие Романовы, он был высоченного роста. Известна и фраза, сказанная ссыльным гражданином Романовым одному из пермских знакомых: «Куда я денусь с моим-то ростом?» (на вопрос собеседника, почему он не бежит из города).

А понадобилось литератору «укоротить» своего героя, потому что спасают Михаила, трудоустроив его... механиком на катер. Ну очень затруднительно, знаете ли, представить бывшего великого князя в низеньком трюме, в машинном отделении, да с его-то белыми руками... Из груди читателя так и рвётся классическое: «Не верю!»

Добавим к этому, что отважный романист соединил в любовном экстазе двух своих героев, Михаила и дочку того самого камского короля-пароходчика, и Катя от Августейшего лица даже «понесла».

Ещё больше не повезло другой героине романа, прообразом которой послужила Лариса Рейснер. Известной журналистке, писательнице и революционерке отведено много страниц. Это та самая комиссарша, которая, застрелив матросика, вошла в историю фразой: «Ну, кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?» В «Бронепароходах» она у кого только не побывала в постели, начиная с наркомвоенмора; автор просто пустил её по рукам.

Широкая историческая панорама, лихо закрученная интрига, да не одна, — всё это заставляет читателя заглатывать роман не отрываясь. Однако в сухом остатке — недоумение, смешанное с неудовольствием. Казалось бы, чего проще: определил бы автор жанр своего объёмистого романа как фэнтези, и многие вопросы были бы сняты. Но А. Иванов почему-то этого не сделал.

Николай ГЛУМОВ

РАСПАХНУТОЕ МГНОВЕНЬЕ. Стихи

* * *

Жизнь завершается вдруг понемногу,
Словом-звездой становится вдруг.
Лермонтов мне уступает дорогу,
Лермонтов — лучший, единственный друг.

Друг говорит, а я другу внимаю.
Чарки в руках у него, у меня.
Звёзд отлетающих божия стая
Нам не жалеет святого огня.

Лермонтов рядом. Он просто смеётся.
Просто старается руку подать.
Звёзды прекрасны, как пьяненький Моцарт.
Звёзды стараются ярко сиять.

Просто идём в неизвестность, в бессмертье.
Лермонтов, я, а вокруг никого.
Мне не привиделось это, поверьте,
Просто смущает слегка самого.

Звёзды, Россия, стихи и каменья.
Кружится, кружится чуть голова.
Мне наплевать на досужие мненья,
Мне наплевать на чужие слова.

Боже, неужто всё это реально —
Лермонтов, звёзды и русский язык.
Путь мой последний. Путь мой печальный.
Путь, мне дарованный в смертный мой миг.

Мне не постигнуть всего, не постигнуть.
Путь мой кремнистый призывно блеснит.
Звёзд легионы рождаются, гибнут.
Лермонтов тихо со мной говорит.

Николай Николаевич ГЛУМОВ родился 9 сентября 1957 года в городе Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета имени А. М. Горького (1979). Работал следователем. Труди́лся на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время — рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012), «Пролетарские дворы» (2014). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Достоевского I, II, III степени (2022, 2020, 2011). Лауреат премии имени А. Решетова (2015), Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2016). Живёт в городе Перми.

* * *

Всё не то, всё не так почему-то,
Мир за стенами чужд нам теперь,
И навеки пропала минута,
Когда Бог постучал в нашу дверь.

Когда он подарил нам однажды
Чисто русскую нашу печаль,
Когда вслед за духовною жаждой
Нам открылась господня скрижаль.

Когда страшная божия милость
Вдруг покинула нас навсегда,
Когда с нами потом приключилась
Моисеева стада беда.

Нет нам счастья и нет нам покоя.
Нет нам ангела. Нет нам куста.
И блестит нож отца надо мною.
И объяла меня пустота.

* * *

Лицо избранника сокрыто
Во льдах. В снегах. В печали лет.
Скрижали Господа разбиты.
Пророка не было и нет.

Но речь о бедах не заводим,
И в мире снежно-колдовском
Всё так же на заводы ходим,
Всё так же молимся и пьём.

Всё так же грустное светило
Нам, русским, шлёт лучи свои.
Нет ничего, что б нас смутило,
Что б выбило из колеи.

Всё так же, выйдя утром ранним
Из наших каменных домов,
Глядим на Русь, на мир наш странный,
И не находим нужных слов.

Их нет нигде. Их нет в России.
Их нет в Европах. Нет в умах.
Лишь зимы снежно-колдовские.
Лишь Кьеркегора чудный страх.

* * *

Блока печального брат во Христе,
 Старый поэт вдруг собой возгордился.
 Словом-звездой на белом листе
 Сын долгожданный его родился.

Мальчик прекрасный с бумажной душой
 Плотью словесной взрастал постепенно.
 Русскою он становился строкой,
 Русскою он становился вселенной.

Лишь по прошествии нескольких дней
 Старый поэт, на пророка похожий
 Обмер, припомнив в ладони своей,
 Кровью сыновней измаранный ножик.

* * *

Из могилы под ржавою красной звездой
 Восстаю — чуть истлевший мужчина,
 И печально бреду полуночной порой
 Сквозь погибший Союз свой родимый.

Сквозь прекрасных проспектов его красоту,
 Сквозь любимых сограждан свершенья,
 Сквозь воскресший в российско-советском бреду
 Мир мой призрачный, мир мой осенний.

Хорошо по Отчизне-кладбищу брести
 Вместе с Лениным, Кафкой, Орфеем
 И пробитое пулями знамя нести,
 Называя себя Моисеем.

* * *

По ночам мне приходят рассказы,
 По ночам мне приходят стихи.
 Но наутро они раз за разом
 Неизменно бывают плохи.

Ну а дальше... Что ждёт меня дальше...
 Скука смертная... Русь... Маета...
 Ипостась нескончаемой фальши...
 Откровений Кассандры тшета...

Будут те же плохие рассказы,
 Будут те же плохие стихи.
 Все страшней, всё страшней раз от разу,
 Как объяввшие душу грехи.

* * *

Вчера Мефисто в час потусторонний
 Принёс роман о граде ледяном.
 Там труп старухи на Христа ладони
 Блаженно спал невинной жертвы сном.

Там был студент — бесовских сил орудье,
 Хрестоматийный русский персонаж.
 Там был следак, свершивший правосудье,
 И православной грешницы типаж.

Нагроможденье снега, страха, боли
 Не в силах вслед за дьяволом вкушать,
 Восстав студентом, я взвопил: «Доколе
 Из преисподней к Господу звать!»

Через мгновенье, остр и сладострастен,
 Топор блистал в изнеженной руке.
 Вергилий улыбался мне, прекрасен,
 Старухи труп манил в одном чулке.

* * *

И комсомолки юной ипостась,
 И бизнесвумен опытное тело
 Не полюбить, крестом не осенясь
 По-неофитски пылко, неумело.

Крест обручает с женщиной любой
 (С империей иль с девой — безразлично).
 Влагая в жест сакральный смысл святой,
 Становишься героем романтичным.

Советская сияет пастораль.
 Буржуйское блистает возрожденье.
 Россия-тройка мчит в святую даль,
 В распахнутое русское мгновенье.

* * *

Как Боттичелли вечная «Весна»
 К концу времён всё краше, колоритней,
 Так русская империя — она
 Становится печальней, беззащитней.

Куда уходят девичьи мечты?
 Куда уходят дерзкие поступки?
 Сначала в полицейские листы...
 Потом в ножами выпитые кубки...

Теперь она, как Родина, как мать,
Внушает всем народам уваженье.
И все должны ценить и прославлять
Совместно пережитые мгновенья.

Но справиться с собою не могу,
Ведь после продолжительных страданий
Я страсть в разбитом сердце берегу
К меня поработившему созданию.

Проходит всё. И жизнь моя пройдёт.
Однажды у разбитого корыта
Мой alter ego сквозь губу прочтёт
Творенье позабытого пиита.

И мир узрит до кончиков ногтей
Империю-весны младое тело.
Поэта на коленях перед ней.
И страсть, что безвозвратно отшумела.

«Я на дне, я печальный обломок»
Иннокентий Анненский

* * *

Я — скелет в капитанской каюте
Средь Атлантики северных вод.
Вкруг меня моё царство уюта
Без печалей, без слёз, без забот.

Вкруг меня ни оркестра, ни шлюпок,
Километры воды надо мной.
Мёртвый мир мой волшебен и хрупок,
В нём царит драгоценный покой.

Вкруг меня лишь мои паладины.
Этажерка. Диван. Старый том.
Злой Атлантики злые глубины
Охраняют каюту кругом.

Этажерка. Диван с позолотой.
Старый том с золотым корешком —
Постояльцы подводного грота.
Сотовариши в склепе глухом.

Мир мой замкнут. Диван мой уютен.
Старый том мой занятен весьма.
Вечный сон капитанской каюты...
Гробовая «Титаника» тьма...

«И понял вдруг, что я в аду»
Владимир Набоков

* * *

Тень девочки на спаленки стене
От медной от лампадки от грошовой
(Библейскою представ первоосновой)
В ночном кошмаре показалась мне
Младой Лилит, на подвиг свой готовой.

В зрачках её пылал тот самый стих
(На взгляд поэта, чуть сентиментальный),
Тот самый текст, что выстрелил случайно,
Тот самый плод, что погубил двоих
Своею сладковато-кислой тайной.

За часом час плод смаковали мы,
За часом час, мгновенье за мгновеньем
Неслись, обнявшись, в бездну наслаждений,
Нагие и дрожащие, средь тьмы,
Средь адских сладострастнейших растений.

«Рождённые в года глухие»
Александр Блок

* * *

Пусть кончились годы глухие,
Но вдруг, вспомнив Блока, взгрустнёшь —
Россия, Россия, Россия,
Куда своё племя ведёшь?

Куда по имперским равнинам,
Сбив кирзовые сапоги,
Твои сыновья-паладины
Бредут сквозь пространства тоски?

С рассвета бредут до заката,
Потупив страдальческий взор,
С гримасою лиц виноватых,
Не молвя ни слова в укор.

Их путь (русский путь) бесконечен,
Их подвиг пребудет в веках.
Бредут они, сгорбивши плечи,
Бредут сквозь метели, сквозь страх.

Бредут сквозь года сквозь глухие,
Сквозь мир, что прекрасен и груб,
И гордое имя — «Россия»
Слетает с обветренных губ.

* * *

Мне снится вновь река бывшего.
 По берегам — Россия-сад.
 Показывая полвторого,
 Часы Всевышнего стоят.

Вода в реке той неподвижна.
 Часы Всевышнего не бьют.
 Бреду сквозь сад, как русский Кришна,
 Среди неподвижных тех минут.

Мир русский близится к развязке.
 Держава зрит чудесный сон.
 Бреду, как в страшной русской сказке,
 Среди последних тех времён.

Пытаясь вспомнить — что я? где я?
 И век который предо мной?
 И постепенно холодея
 Подобно стрелке часовой.

* * *

Не будет ни рая, ни ада,
 Ни горестной доли земной,
 И только писанья улада
 Навеки пребудет со мной.

Поэтова старая келья.
 Окошко в осенний наш двор.
 И дождик, с бессмысленной целью
 Ведущий пустой разговор.

Промокшие те же строенья,
 Что были с гомеровых пор.
 И те же полночные бденья.
 И тот же писательский вздор.

* * *

Все эти пермские дома,
 Все эти пермские кварталы
 В ближайших днях сведут с ума
 Мой пермский мозг, от слов усталый.

Ведь я пишу за годом год
 Про эти пермские кварталы,
 Про этот пермский небосвод,
 Где снег посмертно с интервалом

Идёт, но славы нет и нет.
Она случится, но с другими.
И озаренья дивный свет
Прольётся на чужое имя.

В нём будут пермские дома.
В нём будут пермские кварталы.
В нём будут Пермь, снега и тьма,
Сожравшие мой мозг усталый.

* * *

Безумным Блоком в ад скользя
По петербургско-пермской ночи,
Пишу стихи, о чём нельзя,
О чём душа поведать хочет.

Пишу стихи, потом молчу.
Пишу стихи, потом страдаю.
Потом вина испить хочу.
Потом России стих читаю.

Как хорошо стать Блоком вновь,
Писать про ночь и про аптеку,
Вливать божественную кровь
Обыкновенному человеку.

«...Вдаль идут державным шагом...»
Александр Блок

* * *

Навек забуду мать и отца,
Навек забуду русскую державу,
Забуду скорбь любимого лица,
Забуду про обещанную славу.

Забуду про рассветы за окном,
Забуду про закаты над страной,
Забудусь Святогора мёртвым сном,
Россию накрывшись гробовою.

И вот тогда оно ко мне придёт —
Сказанье про апостолов господних.
И Бог — не Блок его произнесёт
В буржуйском чреве русской преисподней.

* * *

Как отвратительно, как вяло
Опавших листьев вещество.
И солнца мало, солнца мало,
И всё вокруг давно мертво.

Ступаю по песку дорожки,
Гляжу с библейскою тоской,
Как след Адама понемножку
Холодной полнится водой.

И ничего душе не надо,
Ни райских яблок, ни любви —
Брести по гибнущему саду
И холод чувствовать в крови.

Ирина ДУЛЬЦЕВА

ЛАС-ВЕГАС. Рассказ

Юрику не спалось. Вчера вечером, аккурат в Рождественский сочельник почтальон принёс ему открытку с посланием на английском языке. Но так как Юрик английский язык в школе учил не очень хорошо, и было это, наверно, лет двадцать пять назад, он ничего из того, что было написано в открытке, не понял. Разобрал только одну строку в обратном адресе, где было крупно написано «MADE IN LAS VEGAS». Так что открытка пришла из Лас-Вегаса, из самой Америки.

А вдруг там живут какие-то богатые родственники? Поди, мамин или папин дед. Ни отца, ни матери у Юрика уже не было, поэтому о своих американских корнях он ничего не знал. Но кто-то же написал эту открытку! На одной стороне очень уж знакомая картинка, будто и не Лас-Вегас вовсе, а родная природа — заснеженные деревья, а вокруг них поблёскивают огоньки, что освещают снег и небо, и от этого кажется, что на открытке как будто нарисована сказка.

Юрик всю ночь глаз не мог сомкнуть, гадал, кто же этот «тайный Санта», который прислал ему открытку. А ещё думал, кто бы помог ему перевести текст с английского. Поди, там написано, что в Лас-Вегасе его ждёт наследство. Или приглашают в гости. А может, сами собираются приехать. А Юрику и угостить дорогих гостей нечем. Бургеры, которые любят американцы, он делать не умеет. Кока-колу тут тоже не продают.

«Можно попотчевать коми-пермяцкими гостинцами», — подумал Юрик. Он вспомнил, что Люба, жена бригадира, варит очень хороший сур — ничем не хуже кока-колы. А пироги и пельмени у неё во много раз вкуснее «пластиковых» чизбургеров.

— Только вот кто же прислал открытку? — не мог догадаться Юрик. — И почтальон ничего не сказал, сунул открытку в руки и пошагал дальше по деревне...

...«Хау а ю?», «Уот из йо нейм?» — слышал вокруг себя Юрик эти и другие вопросы. А сам только посмеивался и оглядывался вокруг.

— Вот оно где, счастье-то! — радовалось сердце у Юрика. Вокруг него мелькали огни, витрины, рекламные щиты, небоскрёбы, а на площади стояла большая ёлка, наряженная красивыми игрушками. Только ёлка была не живая, а искусственная. А в родных лесах такие красивые заиндедевские веточки! И народ тут другой. Заговорят с

Ирина Леонидовна ДУЛЬЦЕВА родилась 1 марта 1977 года в селе Ошиб Кудымкарского района. После окончания Гуринской средней школы в 1994 году поступила в Сыктывкарский государственный университет, на финно-угорский факультет. В 1999 году окончила университет, получив специальность «Филолог. Журналист». Работала корреспондентом в газете «Парма-Новости», затем около 10 лет в окружной газете «Парма» журналистом, заместителем главного редактора газеты. С 2018 года — специалист Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Литературным творчеством занимается с юности: пишет стихи для детей, рассказы, мини-пьесы. Печаталась в окружных газетах, в детском журнале «Сизимок», литературно-художественном приложении «Парма ру», журнале «Войвыв колзув» [«Северная звезда»] (г. Сыктывкар). В 2014 году вышла авторская книжка-малышка с детскими стихами «Дас чунёк» [«Десять пальчиков»]. Живёт в городе Кудымкаре.

тобой — и улыбаются тебе как будто через силу, а не от чистого сердца, как у нас дома.

Под ёлкой стояли подарки в блестящих коробках. Юрик потянулся было чтобы взять один, но его кто-то остановил. Это был Санта-Клаус, настоящий, прямо как в кино. Он сидел в запряжённых оленями санях.

— Мистер Йурик! Как ваши деля? — спросил Санта.

— Так я это, за подарком, — запинаясь и заикаясь, ответил Юрик. — Мне прислали открытку, вот смотри.

Тут же Юрик сунул в руки Санте яркую карточку.

Санта снял мохнатую варежку и стал читать. А потом громко захохотал.

— Бедный Йурик-Йурик, — только и сказал Санта-Клаус. И исчез. Даже не вернул Юрику открытку.

...Тут Юрик проснулся. Сразу же начал шарить под матрасом — искать открытку. Не приснилось ли ему всё это? Может, и не получал он ничего?

Нет, не приснилось... Открытка валялась на полу. Юрик обрадовался, быстро оделся, обулся и побежал в гараж, чтобы рассказать трактористам про новогодний подарок. Но ведь никто не поверит. Только на смех поднимут, заразы.

Мужики в гараже и впрямь встретили Юрика со смехом:

— Ну что, не позвал тебя Трамп в гости?

— Юрик, ты на обратном пути ихний плуг прихвати!

— Поди, в Интернете спяну с кем-то познакомился. Ты смотри, всяких мошенников сейчас полно...

— Ничего вы не понимаете! — только и ответил Юрик, — и выскочил в дверь. Отправился в школу. Только бы успеть! Школа была начальная, но учителя там работали толковые. Английский язык в школе учили со второго класса.

В школе была перемена. Слышно было, как в столовой дети работали ложками. Юрик вошёл в кабинет директора и с порога попросил помощи:

— Я по делу, мне вчера открытка пришла, на английском, из Лас-Вегаса. Может, поможете перевести, что там написано?

Директор отправил Юрика в соседний кабинет, где за столом сидела молоденькая учительница. Гость объяснил, что ему нужно, и дал учительнице открытку. Она взглянула на лицевую сторону, пробежалась глазами по оборотной стороне и хихикнула:

— Ничего не понимаю. Это просто набор букв, из английского алфавита. Ни одного знакомого слова!

— Как это? И Лас-Вегас не знакомо? — не поверил Юрик.

— Вот только Лас-Вегас и знакомо.

— Дайте словарь, я сам переведу, — не унимался Юрик.

Учительница достала словарь. Юрик стал искать в нём слова из открытки. И вправду, в открытке не было ни одного понятного слова.

— И даже обратного адреса нет? — с надеждой спросил Юрик.

— Нету, сами видите.

Деваться было некуда. Юрик вернулся в гараж. С порога его опять подняли на смех.

— Ну что, олигарх, когда летишь в Америку?

— Тебя, наверно, там наследство ждёт от дедушки Джона.

— Да какое наследство, — огрызнулся Юрик. — Это, видно, кто-то из вас меня разыграл.

— Давай, Алёшка, заводи трактор, вези его в Лас-Вегас, — подал кто-то голос, и все заржали.

— Садись, увезу, — ответил тракторист Алёшка. — Ехать недалеко, тут кругом Лас-Вегас.

Юрик глянул за окошко. Там на домах играют-светятся гирлянды. На каждом доме новогодние украшения. Даже на крыше у Федорихи висят и сверкают огоньки.

— Эй, а как ты недавно нашу деревню назвал? Не Лас-Вегасом ли? — не успокаивались мужики

— Точно, — хлопнул себя по лбу Юрик. — Правильно, навешали лампочек на дома, издалика посмотришь — как огни большого города. Навыписывали на Новый год гирлянд по Интернету. Красиво, конечно. Только вот я поверил, что и впрямь открытку из Лас-Вегаса получил.

— Так ты в любой дом зайди, встретят и угостят. Ряженные уже ходят. Переоденься да гуляй, как в Лас-Вегасе, — без усталости шутили трактористы.

— Да ну вас! Я только размечтался! — обиделся Юрик.

Но тут зашла та самая Люба, жена бригадира. Принесла пироги и сур — угостить мужиков. Рождество же.

— Наливай, Люба, коми-колу, выпьем! — махнул рукой Юрик. — Не надо нам никакого Лас-Вегаса, у нас тут не хуже!

Перевод с коми-пермяцкого языка Николая Петрова

Надежда МАЛЫЦЕВА

СОБИРАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ. Рассказ

В одной деревне жил мужик по имени Иван, но вся деревня его знала по прозвищу — Собиратель Сюжетов. Некоторые деревенские жители, наверно, даже и не знали, что такое сюжет. Однако прозвище так прилепилось к человеку, что любой, кто заметит его в окошко, важно вышагивающего по деревенской улице, обязательно скажет: «Вон Собиратель Сюжетов вышел на свой промысел за очередной потешной историей».

Иван у каждого и всякого находил недостатки. По его утверждению, современные учителя плохо работают, не дают детям никаких знаний; работающие в возрасте уже ничего не понимают, а всё за работу держатся; воспитатели в детский сад ходят кормиться за счёт детей; в больницу обращаться бесполезно, она не поможет — врачи ничего не знают. Особенно наш герой недолюбливал поваров, которые, по его мнению, еду, что вкуснее да гуще, себе забирают, а что останется, тем людей кормят.

Сам же он, говорили в деревне, где-то когда-то учился, сколько-то кое-где пробовал работать, а потом отказался от работы, оправдываясь, что ему мало платят. Иван пенсию не получал: годами не вышел, а раз не работал — в кармане тишь да гладь, божья благодать. Голод же не тётка — каждый день есть хочется.

Вот Собиратель Сюжетов и повадился столоваться¹ у одиноко живущей Трофимики: старуха добрая, всегда чем-нибудь попотчует. Вчера, к примеру, выставила на стол только что сваренную картошку и солёные рыжики, сдобренные постным маслом. От всей души Иван угостился: до сих пор перед глазами аппетитные грибочки один к одному плавают в душистом рассоле.

Пожилая женщина вечно в хлопотах: то с раннего утра в огороде копается, то, смотришь, полный наберук² грибов несёт, а то и

Надежда Александровна МАЛЫЦЕВА родилась 28 июля 1953 года в селе Кочёво Пермской области. Отец, Александр Степанович Грибов, преподавал физику в Кочёвской средней школе. Мать, Тамара Семёновна, работала в начальных классах. Н. А. Малыцева окончила коми-русское отделение филологического факультета Пермского государственного педагогического института (1976). В Москве в Институте национальных проблем образования МО РФ защитила диссертацию (2000) по теме «Изучение коми-пермяцкого фольклора в русской школе в диалоге национальных культур», кандидат педагогических наук. Работала в Коми-Пермяцком окружном институте усовершенствования учителей, научным сотрудником — в Коми-Пермяцком отделе общественных наук ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, в филиале Удмуртского государственного университета в г. Кудымкаре. Является автором-составителем учебных пособий для русскоязычных школ Пермского края и вузов России, автором научно-популярной и художественной литературы для детей. Имеет свыше 130 публикаций в научно-методических и научных изданиях России, Венгрии, Финляндии. Участник и докладчик многих всероссийских и международных форумов, состоявшихся в Венгрии, России, Румынии, Эстонии, Финляндии. Кандидат в Союз писателей России (2024). Живёт в городе Кудымкаре.

¹ Жить на готовых хлебах, за счёт кого-либо.

² Широкая корзина с низкими бортиками.

полуведёрный туес³ с малиной или черникой из леса ташит. А одной много ли надо, вот она своими припасами всякого, кто к ней зайдёт, и потчует.

Вот и сегодня Собиратель Сюжетов свои журавлиные ноги направил к дому Трофимики: не угостит ли старуха чем-нибудь. Мужик у него есть хочется — даже живот притянуло к спине, а дома нет ни крошки. Вчера он сидел допоздна, расписывал один сюжетец, который удалось подслушать возле магазина.

Трофимика собиралась к соседке Аграфене, такой же одинокой, как и она, но заметила человека, свернувшего к её дому, и вернулась.

Иван постучал, зашёл, поздоровался. Его длинный нос сразу учуял аромат свежеприготовленной пищи.

— Баб, что такое вкусное опять сварганила?

— Похлёбец сварила. В огороде что растёт, то и побросала в чугунок, — ответила хозяйка и, жалостливо глядя на вошедшего, покачала головой: — Иван ты, Иван. Почему бы в огороде ту же картошку да лук не посадить, хотя бы на ту же похлёбку — ведь как-никак, а всё еда.

— Баб, у меня поясница болит, не могу копать.

Трофимика снова покачала головой и ушла на кухню. Через минуту она вернулась с миской вкусно пахнущего супа и пригласила гостя за стол:

— Садись, накормлю горяченьким, может, и пояснице твоей полегчает.

Собиратель Сюжетов не стал ждать второго приглашения, быстро снял куртку, сел за стол и неторопливо, с аппетитом начал хлебать наваристые, горячие щи.

Хозяйка какое-то время смотрела на столующегося соседа, а потом протёрла глаза кончиком фартука и заговорила:

— Когда-то мой Трофим так же ел, не торопясь, — медлительный был, а я всё его подгоняла: «Ешь быстрее, ведь на ферму надо, там скотина ждёт». Он работал скотником, кормил-обихаживал колхозных коров, а я доярила, более двадцати лет доила коров. Боженька детей нам не дал, так мы оба всю силушку в колхоз вложили.

Теперь ведь машины всё делают, а раньше и коров доили, и воду носили, и корм раздавали, и поили, и навоз убирали, и свежую соломку стелили, чтоб чисто у коровушек-матушек было, — всё вручную.

Вот теперь каждая моя косточка даёт о себе знать. Перед непогодой иногда глаз не сомкну: суставы болят, ноги-руки судорога тянет. А пенсию маловато же платят. Да пока мало шевелюсь, так лес да огород печат и питают. А ты Иван, совсем не работаешь. Как в старости собираешься жить? Старому человеку не только еда нужна, а ещё и лекарства, они нынче дорогие.

— А я, баб, может, до твоих лет и не доживу, — проговорил едок.

— А куда денешься, милоч? Себя тяжёлой работой не утруждаешь.

— Баб, что ты понимаешь своей старческой головой в моей работе? — Иван отложил ложку, шумными глотками выпил овсяный ырэш⁴ из большой кружки и продолжил: — Да моя работа тяжелее

³ Туес — ёмкость из берёсты в форме бидона.

⁴ Ырэш — густой овсяный напиток, хорошо утоляющий жажду.

твоей работы на ферме: надо найти материал, о чём писать, а найдёшь — приходится долго думать, как о нём писать, а потом ещё написать так, чтоб понятно было тому, кто будет читать.

— Может, и тяжелее, но у нас и до тебя было много пишущих, да никто не ленился — все работали, кто в газете, кто на радио, кто людей лечил. Возьми того же Ивана Минина из нашей деревни или Семёна Федосеева из Косы. Да ведь какие толстые книги писали, и всё про нашу жизнь. Я мало читала, с работой некогда было, а Трофим мой любил коми книги читать, да и библиотекарь из читальни приходила на ферму, она рассказывала нам, дояркам.

Визитёру уже не нравились наставления Трофимики. Он поднялся из-за стола, сухо поблагодарил хозяйку:

— Спасибо, баб, завтра зайду мораль твою послушать, — и засобирался уходить.

— Заходи, заходи. Мне, одинокой, каждая живая душа в радость, и варева в чугунке хватит, опять ведь проголодаешься.

После этого разговора несколько дней СобираТЕЛЬ Сюжетов не заходил к хлебосольной соседке, но как-то около обеда он вновь появился на пороге Трофимики. Та вязала.

Нежданный гость поздоровался с хозяйкой:

— Длинной нити тебе, баб, кузь сыв⁵.

— Садись да спой, пуксы да сыв, — услышал в ответ.

Вошедший не ожидал такого от пожилого человека и немного даже растерялся, но опустил на лавку.

Молча посидели оба. В лучах солнца, заглядывающего в окно, посверкивали вязальные спицы в умелых руках Трофимики. Но почему сегодня старуха так не по-доброму ответила на его приветствие и почему молчит?

— Что такое вяжешь, баб? — наконец поинтересовался гость.

— Рукавицы. Скоро ведь зима, — коротко пояснила хозяйка.

И снова молчание. Только слышно, как спицы тихо позванивают в ловких руках мастерицы. Ещё посидели молча.

Иван снова заговорил:

— Вчера, баб, рассказ написал о тех, кто от армии отлынивает.

Эти слова как будто окатили водой Трофимику. Она отложила вязание, сняла очки и долгим внимательным взглядом посмотрела на сидящего напротив неё человека, будто впервые видя его, а потом с нотками сожаления в голосе произнесла:

— Иван ты, Иван, как хочешь дальше жить? Опять судишь кого-то, а сам ведь в армии тоже не был. Вправду люди говорят: «В чужом глазу соринку заметишь, а в своём и бревна не увидишь».

⁵ Сыв — маховая сажень. Кузь сыв (букв.: длинной сажени) — коми-пермяцкое приветствие-пожелание женщине, которая вяжет или ткёт.

Алексей ГАЛУЗИН

ДРОЖАЛИ ВЕКИ ТЕМНОТЫ. Стихи

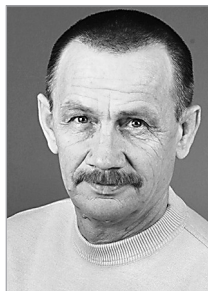
ДАВАЙТЕ ПОМНИТЬ

Я о любви всё реже говорю,
Целую на прощание всё реже.
Я просто сердце шире отворю,
А чувства — так они к тебе всё те же.
Звучат, быть может, нежные слова
В минуты редкие порывистых объятий,
Ужé не ходит кругом голова
От более таинственных занятий.

Когда то в молодости, прячась в темноте,
Испытывали мы душевный трепет.
Сейчас и звёзды, и луна не те,
И разговор — уже не детский лепет.

А зря забыли нежные слова.
Луна всё та же, так же плачут ивы.
Да-да, и люди те же, ты права!
И счастливы они, или счастливы —
Не в ударенье суть, а в широте
И искренности чувств и мыслей к людям.
Кто даже ненавидит мир, и те
Во что-то верят и кого-то любят.
Мы не из тех, так почему молчим,
И о любви двух слов сказать не смеем?
Мы делаем что легче — мы кричим,
А после крика вообще немеем...

Мы — русские, мы коми-пермяки —
Аборигены чистого, святого,
Давайте помнить наши языки.
И радость лишь дарующее слово.

Алексей Васильевич ГАЛУЗИН родился 1 апреля 1957 года в деревне Матвеевка Аскинского района Башкирской АССР. Окончил среднюю школу в Казахстане, служил в Группе Советских войск в Германии. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России (2022). Живёт в городе Кудымкаре.

Пусть слышится в квартирах и в домах,
И прекратится иностранный хаос...
И ласточки сидят на проводах.
И слышится повсюду: «Я люблю Вас!»

----- «» ----- «» -----
Пусть слышится в квартирах и в домах,
И веселее кровь бежит по венам.
И ласточки сидят на проводах.
И слышится везде: «Ме люби тэно!»

ХОЧУ УЙТИ

Уйти хочу от ужасов войны.
Хочу налюбоваться тишиною.
Чтоб музыка тончайшей тишины
Струной звенела первой надо мною.

Чтоб запах слышать мог от василька
В строке своей двужильной стихотворной,
И захмелеть от радости глотка,
И принимать судьбу свою покорно.

Хочу уйти от вёрст и от границ,
Уйти, к истокам чтобы прислониться,
Уйти, чтоб с чередой имён и лиц
Неискушённых мне объединиться.

И раствориться чтоб в небытие,
И слушать птиц затейливое пенье,
И восклицательные знаки на холсте
Воспринимать как вехи исцеленья.

И осознать, какого чёрта я
Всю жизнь свою стремился исковеркать?
А полоса предела стёртая
Глядит на заколоченную церковь...

КТО МОГ ПОВЕРИТЬ

Кто мог поверить? Я не ждал
Скоропостижности момента.
Так хлопнут двери! И финал
Разрушит монолит цемента.

Никто не ждал. В коварный час
Колокола свалились с неба.
Огонь любви, увы, погас,
Исчез из жизни, словно не был.

И развалилось бытие,
Так нежно тканное годами,
Оберегаемое нами,
Вдруг опустилось в забытье.

Саморазрыв произошёл,
Нелеп, не ждан, непредсказуем.
Один из тысячи — безумен,
Не Богом, дьяволом воздан.

ЧАС РАЗЛУКИ

Хватит дров и вина
До утра, до рассвета.
Только чья здесь вина,
Что случилось всё это?

Кто, скажи, виноват
В том, что разные взгляды?
Я тебе будто рад,
Да и ты будто рада.

Но не чувствуем мы
Притяженья былого.
Мы — заложники тьмы
И волшебника злого.

Только правда своя
Преднамеренно ближе,
И моя, и твоя
К исступлению движет.

В этой правде своей
Нет ни слёз, ни пошады.
Скрытый, пагубный змей
Снова жаждет награды.

Час разлуки настал,
Неизбежен, печален.
Рок своё навестал,
Как всегда изначален.

ВОЙНА

От судьбы, видно, нечего ждать.
Ни хорошего и ни плохого.
Только воля могла побеждать,
Только разум и твёрдое слово.

Только сердце могло ощутить
 Приближенье стремительной лавы.
 Только люди могли оделить
 Той шепоткой томительной славы.

Здесь, во имя заветной любви,
 Я хочу вознести в поднебесье
 Наши Я, наши Мы, наши Вы,
 Чтоб уснуть с этим, с этим воскреснуть.

Но тропинка уже сожжена,
 И в разлуке нет места надежде.
 И опять между нами война,
 Где потери всегда неизбежны.

ПОЕЗД

Стальная туча животом скребла по крышам,
 Снимая стружки и бросая на карнизы.
 И стыло время. Ничего никто не слышал.
 Луна сверкала со стеклянной льдинки снизу.

Закат багряный остывал углём в камине,
 Висел и медленно темнел, стекал за гору.
 Как чувств горячих не оставивший в помине
 Умчавший поезд в ночь тебя в таёжный город.

Дрожали веки темноты, тепла и влаги.
 Туман внезапно открывал холмов высоты.
 И серым пеплом заметал стволы и флаги.
 А поезд друга увозил... Он вёз «двухсотый».

СИНЕВА НЕБЕС

Синева небес всё просторнее.
 Всё длиннее день и короче ночь.
 Ну давай, весна, будь проворнее,
 Выпроваживай эту зиму прочь.

Эта зимушка снежно-лютая
 Много слёз несёт, очень горьких слёз.
 Я скажу тебе, слов не путая:
 Я простой мужик, на Прикамье рос.

Вновь пожарища. Как же больно мне!
 Не найти уже хризантем в саду.
 Русь широкая, Русь привольная,
 Я родным местам в ноги упаду.

Здравствуй, милый край,
 здравствуй, край родной!
 Вот подснежники, мною сорваны.
 Я несу своей, мною избранной.
 Но не чтут любви чёрны вороны...

Я ХОЧУ ДО КОНЦА

Помню всё — комсомол, пионерию,
 Помню с дедушкой Лениным звёздочку.
 Уничтожено всё, всё утеряно.
 Унесло в океан нашу лодочку.

Мама галстучек гладила шёлковый.
 В школу гордо шагаешь и весело.
 То счастливое детство далёкое
 Тихо в памяти нашей повесилось.

Я сейчас раздвоился во времени.
 Мне без Бога не жить, это главное.
 Вырос я из советского семени
 В христианина, суть, православного.

Пожую хлеба с луком и кашею...
 Я хочу до конца и по-честному —
 Есть претензии к прошлому нашему.
 Надо счёт предъявить, только некому...

ОЖИДАНИЕ

Сиянием неба, улыбкой весны
 Войди в мои окна и двери.
 Войди в мои низколетящие сны,
 В которые смог бы я верить.

Я жду тебя утром, я жду тебя днём,
 Я жду тебя ночью безлунной.
 На мраморе айсберга выжгу огнём
 О страсти великой, безумной.

О правде, нельзя о которой сказать
 Ни в жизни, ни в песне, ни в сказке,
 В которой смогу я тебе доказать,
 Что тоже способен на ласки.

Войдёшь ты, как ангел, и вместе уйдём
 В безбрежные синие дали,
 Где ждёт нас уютный и солнечный дом,
 Без горестей и без печали.

КОМПРОМИСС

Очень разные мы с тобой.
И ничто нам уже не поможет.
Не сложилась у нас любовь.
Жизнь совместная, видимо, тоже.

Так давай найдём компромисс.
Мы с тобою давненько созрели —
Будем вместе стремиться ввысь,
Только каждый в своей параллели.

Вера МЕЛЕХИНА

КУДА ТЫ, ВРЕМЯ, ТАК СТРЕМИШЬСЯ?

Стихи

* * *

Что ж застывшая словно, берёзонька,
 Опустила без сил ветви-косоньки,
 И роняешь слезу, белоствольная,
 Леденящую душу, безвольную.
 Что ж, берёзонька, хватит печалиться,
 Видно, больно тебе и устала ты.
 Потерпи, ведь недолго уж маяться,
 Над тобой лето жаркое сжалится,
 Непременно наступят дни ясные,
 Будешь вновь словно девица красная,
 Луг покроется травкой шелковой,
 Птицы петь будут песни весёлые.

ЧЕРЁМУХА

В убранстве свадебном: красавица-невеста, —
 Так всякий скажет про черёмухи наряд,
 Словами нежными о ней слагают песни,
 Порою майскою — стихами говорят.
 Закружит голову мою дурманом сладким
 Весной черёмухи цветущей аромат.
 И день и ночь стоять бы тут украдкой,
 И чтоб никто не смог нарушить её статъ.

Вера Петровна МЕЛЕХИНА родилась 2 августа 1965 года в деревне Лобозово Кочёвского района Пермской области в семье колхозников. Училась в ГПТУ N 104 г. Верещагино (1980–1982). С отличием окончила Коми-Пермяцкий сельскохозяйственный техникум. Работала заведующей сельским клубом, затем в селе Кочёво в районном Доме культуры — заведующей автоклубом (1989–2002). Руководитель фольклорных коллективов «Надея» и «Лымдорча» [«Подснежник»]. Первые стихи на коми-пермяцком языке опубликованы в газете «Парма» (1992). Печаталась в районных газетах «Северянка» и «Кочёвская жизнь», окружных газетах «Парма» и «Кама кытшын» [«В круге Камы»], литературно-художественных сборниках «Иньва» и «Бичирок», детском журнале «Сизимок». Принимала участие в различных литературных конкурсах, награждена дипломами. Победитель окружного конкурса, посвящённого 110-летию основоположника коми-пермяцкой литературы М. П. Лихачёва, за создание прозаических произведений на коми-пермяцком языке (2011); победитель литературного конкурса на создание произведений на коми-пермяцком языке в номинации «Детская книга» (2012). В 2010 году издана первая книга «Оланлӧн пассэз» [«Знаки жизни»]. В 2013 году напечатаны две книжки-малышки со стихами на коми-пермяцком и русском языках: «Ӧтӧрлӧн гаж» [«Весёлое раздолье»] и «Вӧрын да гортын» [«И в лесу, и дома»]. Член Коми-Пермяцкого окружного объединения при Пермском отделении Союза писателей России (2013). Живёт в селе Кочёво Кочёвского района Пермского края.

* * *

Куда ты, время, так стремишься?
 Как будто ветром быстрым мчишься,
 Земли коснуться не даёшь,
 Дыханья нет, прошу, потише!
 Словно коню поводья рвёшь.
 Пытаюсь в спешке оглянуться:
 Зачем-то, может быть, вернуться?
 Увы! Дороги нет другой,
 Но слышу зов: так будет лучше,
 Забыл меня, возьми с собой.

ОСЕНЬ БЛИЗКО

Не хочу я с летом расставаться,
 Но осенняя пора уже близка,
 Думаю с тревогой и опаской,
 Гаснет в сердце жар, берёт тоска.
 Крупкой ледяной на тело брызжет,
 Холод днём и ночью, без конца,
 Знать, неподалёку старость рышет,
 Не хочу сдаваться ей пока.

* * *

Хмурый взгляд?.. А может, это просто
 Боль, запрятанная в глубине души?
 Боль времён бессмысленных и грозных —
 Что не хочется бывшее ворошить...
 Что ж, кому-то сладко жить досталось,
 Он ни разу не споткнулся. Может быть,
 Жизнь кого-то потрепала «малость»,
 Так, что хочется от боли аж завывать...
 Ноют незалеченные раны,
 Сил набраться бы и волю взять в кулак!
 Боль преодолеть, скрипя зубами,
 Попытаться жизнь свою снова начать...
 И шагать не спотыкаясь, прямо.
 И доделать все дела, и долюбить!
 Пусть заметит кто-то взгляд упрямый,
 Человека взгляд, который хочет жить.

Я — МАМА

«Я — мама»... Мы, признаться, это слово
 Хоть днём, хоть ночью вымолвить готовы,
 Я — мама... И вся ценность в слове этом,
 Ведь Богом нам дано призвание это.

В нём женская забота и внимание,
И шаг не переступишь без старанья.
А коли, мама, то и дети рядом,
Любовью материнскою объаты,
И, скажем так, коль очень постараться
Работать так, то можно надорваться:
Дитё растить — не сноп связать. Старайся
И строгой быть, и чаще улыбайся.
Ведь мама — воспитатель и учитель,
И лучший друг, и дружбы сей ценитель...
Коль будет так, тогда везде и всюду
Призвание Божие оправдывать мы будем.

ВАЛЕНКИ

Что же, что же — мне ответьте —
Можно из овечьей шерсти
Изготовить иль свалять?
— Обувь! — Что же тут не знать!
В этой обуви полезной
Обойдут вас все болезни!
Надо лишь их заиметь,
В холод на ноги надеть.
В лавку поскорей сходите,
Да и сами поглядите —
Валенки на всякий цвет
Вам по нраву или нет?
С вышивкой узорною,
Синие и чёрные,
Жёлтые и красные,
По размерам — разные:
Бабке с дедом, мамам, папам,
И девочкам, и ребятам.
Тем, кто просто отдыхает,
Кто работу выполняет,
Для защитников страны
Тоже валенки нужны —
Тёплые и гладкие,
Ладные и мягкие.
Не забыли и про тех,
Кто зимой моднее всех,
Им умельцы на все руки,
Вопреки самой науке,
К валенку каблук сваляли,
Чтоб от моды не отстали.
Много говорить не надо,
Валенки — душе услада!
И мороз не страшен нам —
Людам, коми-пермякам!

Людмила НИКИТИНА (БАТИНА)

ИСКРЫ-СНЕЖИНКИ СЫПЛЮТСЯ С НЕБА. Стихи

* * *

Считая жизни веки, дни проходят:
сметают пыль, спешат добро сложить людское.
За ними я бегу, они уходят.
Как быстрокрылый конь, жизнь улетает.
И в этой гонке не найти себе покоя.
Держись, дружище! Я — не успеваю.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Сияешь утренней зарёю
и пеньем птиц взлетаешь ввысь.
Гордилась и горжусь тобою,
родной язык, тобой горжусь!

В лесах звенишь широким эхом,
поёшь журчаньем тихих вод,
то разразишься звонким смехом,
звучишь смелей из года в год.

Даруешь всем любовь и счастье
и свет от яркого огня,
и время над тобой не властно.
Прими признание от меня!

Сияешь утренней зарёю
и пеньем птиц взлетаешь ввысь,
язык родной, язык мой коми,
горжусь всегда тобой. Горжусь!

Людмила Алексеевна НИКИТИНА (БАТИНА) родилась 10 августа 1956 года в деревне Батина Кудымкарского района. Окончила Ёгвинскую среднюю школу, коми-пермяцко-русское отделение филологического факультета Пермского государственного педагогического института (1983). Писать стихи начала в школьные годы. В последние годы стала писать небольшие рассказы о судьбах женщин. В разные годы печаталась на страницах газет «Парма», «Иньвенский край», «Кама кытшын» [«В круге Камы»], в литературно-художественном сборнике «Иньва». В течение многих лет сотрудничала с Институтом перевода Библии (Финляндия). В 2023 году вышла в свет авторская книга. Живёт в посёлке Быстром Степановского поселения Кудымкарского района.

ДАНО ЛИШЬ БОГУ ЗНАТЬ

Ночами мне во сне не раз являлся,
 шёл молча рядом, не говоря ни слова.
 Спросила: «Как в миру ином живётся?»
 Сказал: «Пока земная жизнь — основа,
 доколь у жизни нить не оборвётся,
 не нужно вопрошать о свете том.
 У каждого свой час, своё наступит время,
 когда не мыслями, не сердцем слышит он.
 Земная жизнь душе мятежной — бремя,
 душа лишь слышит райской куши звон.
 А райский сад для человека — это жизнь.
 Дано лишь Богу знать о том. Не обманись».
 Мне так хотелось что-то возразить в ответ,
 Я обернулась — никого уж рядом нет.
 Кто это был? Куда внезапно вдруг ушёл?
 Не знаю до сих пор — Кто Он? Кто рядом шёл?

СНЕЖИНКИ

Холодный костёр — на облаке где-то,
 и искры-снежинки сыплются с неба,
 как райские птицы пух свой роняют,
 летят мотыльками и замерзают.

Солдат убиенных — души святые
 на зиму ищут обитель земную.
 Божественный дар — те снежинки в руках,
 растают-умрут, не воскресишь никак.

ПОДРУГА-ОСЕНЬ

За окнами гуляет осень,
 а я опять грущу с утра.
 В лесах уже мелькает просинь,
 укуталась в туман земля.

Луга заметно приуныли,
 не слышно стрёкота стрекоз.
 В садах деревья оголились,
 поникли головы у роз.

Дрозды рябину атакуют,
 скулит дворняга у крыльца.
 И солнце днём уж не балует,
 в реке добавилось свинца.

Присядь со мной, подруга-Осень,
 и грусть-тоску не навей.

Пусть в волосах мелькает проседь —
за нами жизнь, не забывай!

ЖИЗНИ ОСКОЛКИ...

Жизни осколки уже собираю:
что было, что есть. Что будет — не знаю.

Было и детство моё озорное:
с душистыми травами лето босое,
с сугробами снежными санки-салазки,
а вечером к ночи — книжкины сказки.

Была и юность лихая, шальная,
на белой ромашке судьбу всё гадаю:
«Любит, не любит, к сердцу прижмёт,
плюнет, поцелует, к чёрту пошлёт».

Была и зрелость — семейный удел.
Сама полюбила, никто не велел.
Дом, дети, работа, супружеский долг.
Ну кто же поддержит, муж или Бог?

Счастье какое — свершилось, сбылось:
выросли дети, и всё удалось.
Но вот же какая случилась беда —
пенсия светит! Так то ж — ерунда!

Вспомнила детство своё озорное:
сказочки — внукам, дело ж святое.
Гадать уж не надо на белой ромашке.
Стирает машинка носки и рубашки.

И времени вдоволь поспать, почитать,
с подругами всласть ни о чём поболтать.
Знать, жизни осколки мне не собрать.
Всё было! Что будет — не нужно гадать.

* * *

Мы любим каждый миг в году:
любимся цветами летом,
а осень нам даёт грибы,
в лесах усыпав разноцветье.

И у зимы своя любовь:
поспешно землю укрывает,
как нежная, заботливая мать
своё дитяtko усыпляет.

А у весны — своя любовь:
несёт безбашенные воды
и трели птиц. Моя душа
поёт и рвётся на свободу.

Люблю я каждый миг в году:
зима и лето нравятся вполне,
сырая осень даже по душе,
моё же предпочтение — весне.

ВЕСНА

Весна, как невеста, сняла платье белое,
вышла на улицу — дерзкая, смелая,
в одежду рабочую вновь облачённая,
с полями, лугами навек обручённая.
Она оглядела леса вековые,
ручьи превратила в потоки большие,
встряхнув волоса, рукава засучила,
улыбку широкую всем подарила,
песню весёлую к солнцу пустила.
Звонкою трелью та песня прольётся,
солнечным лучиком роши коснётся,
лугами цветущими скоро вернётся.

Людмила ГУЛЯЕВА

СУДЬБА РОССИИ. Стихи**НЕТ СИЛ МОЛЧАТЬ**

Посвящается трагическим событиям
в московском «Крокус Сити Холле»
22 марта 2024 года

Нет больше сил терпеть-молчать —
Так дайте слово мне сказать!
Как умом-разумом принять?
Доколь врагов наших прощать?
...Из-за угла, исподтишка,
В открытый бой — тонка кишка!
В другом облиии фашист —
В концертном здании блицкриг.
Стреляют, жгут людей подряд —
Не остановит детский взгляд,
И точь колосья под серпом,
Ложится зритель под огнём...
Кровавый, вражеский парад.

...В глубоком трауре Москва,
А с нею рядом — вся страна.
И давит груз вины на плечи —
Навек ушедших в этот вечер.
По всей России — свечи, свечи...

НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ

Пора настала осознать:
Нам в стороне нельзя стоять
На перекрёстке двух дорог,
Зарывшись в узенький мирок.
Вставай, страна, и стар, и мал,
Как в ту войну народ стоял:
Спина к спине — и фронт, и тыл,
Умерив гидры спесь и пыл.
История в веках хранит,

Людмила Петровна ГУЛЯЕВА родилась 12 марта 1952 года в деревне Ларина Антипинского сельского совета Юсьвинского района Пермской области. Коми-пермяцкая поэтесса, прозаик. После окончания школы в 1969 году поступила учиться в Пермский государственный педагогический институт на коми-пермяцко-русское отделение филологического факультета. В течение 20 лет трудилась учителем-филологом в Крохалёвской средней школе Юсьвинского района, из них 9 лет — директором. Автор трёх поэтических сборников, трёх книг рассказов и стихов для детей. Член Союза писателей России (2018).

Что войско русское — гранит,
 Его никто не побеждал —
 Российской славою венчал.
 Нам выпал всем священный долг
 Извлечь истории урок,
 Судьба России на кону:
 Хребет сломать надо врагу
 И прекратить эту войну!
 ...А в каждом городе, селе,
 На стойбищах и в кишлаке,
 И на Урале, и в Москве
 «Пенсионерии» отряд
 Плетёт масксети, как подряд.
 И день, неделю... Месяц, два,
 Из дней слагаются года...
 Не надо женщинам награды,
 Одно лишь слово-просьба: «Надо»,
 Готова выслушать, понять —
 Восславим труженицу-мать!
 ...В ночи, в окопах темнота.
 Горит и теплится свеча,
 Что заливали чьи-то руки...
 Как будто рядышком семья
 И близкие, родные люди.
 Среди огня, среди смертей,
 Рисунки, письма от детей,
 Что согревают тело, души
 Среди дождей, бинтов и стужи.
 ...И снова к «ленточке» везут
 Бесценный волонтерский груз:
 Радар, аптечки, свечи, газ,
 Что нужно воинам сейчас.

ВЫБОР

Бойцы в траншее отдыхали:
 Недавно был нелёгкий бой.
 Друг другу раны бинтовали,
 Сухой паёк уничтожали,
 Запив холодной водой.
 А там вдали, за перелеском,
 Змейй пятнистою скользя,
 Всё ближе продвигались «бесы»,
 Чтобы под пулями легла
 Недавно — брат, теперь «русня».
 Боец наш вышел из траншеи.
 Он на прицеле — с глазу глаз,
 И надо вмиг принять решение —
 Последнее в предсмертный час.
 «Ребята, к бою!» Пули-осы
 Изрешетили грудь бойца.

Он сделал выбор без вопросов,
«За своя други» жизнь даря.

«ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ
СЕЛЕНЬЯХ...»

1

Я с детства помню этот старый дом,
Глазницами смотрел на перекрёсток.
Я слышала его прощальный стон,
Ворчанье трактора, ползущего на слом,
И брёвна, как белеющие кости.
В нём до войны жила одна семья,
Как все в деревне, скромно, тихо, просто.
В любви, согласии родились сыновья —
Так лето встретил наш счастливый Костя.
Литовку справил, по-мужски отбил
Себе, жене: страда идёт в колхозе...
...И вдруг — война! Повестку получил.
Кто, коль не я? Какие тут вопросы?
(Сверлили думы, жалили как осы:
как дети и жена? с кем выйдут на покосы?)

2

Жена в слезах готовит вешмешок,
И тычутся котятками сынишки.
Утешил, приласкал — и за порог,
А боль души услышит лишь Всевышний.
...Он воевал. Она же за двоих:
Пахать, стога метать и лесорубить,
Прославилась как «баба и мужик» —
С почтеньем отзывались о ней люди.
А в мыслях постоянно сыновья,
Она пред мужем за детей в ответе.
Как мать, готова жизнь за них отдать,
Чтоб только были сыты и одеты.
...О детство, опалённое войной,
В тылу живут, мечтая о Победе,
Вот-вот вернутся мужики домой,
А то остались дома только деды.

3

По всей стране гремел победный марш,
Фронтовики в деревню возвращались.
Кто был в плену, кто ранен, в орденах...
...Родные Костю ждали — не дождались.
Так начался печальных дней отсчёт.
Тропа судьбы с ухабами петляла.
Искра надежды тлела: он придёт!
К груди детишек крепко прижимала.
Настала осень. А за ней зима.

В заботах дни короткие мелькали.
Тепло и ласку мужа вспоминая,
Ни телом, ни душой согреться не могла,
В подушку ночью горестно рыдая.
Семья без мужа — клин без вожака.
Жене и детям он, как воздух, нужен...
И выплеснула женщина-вдова
Из любящего сердца боль — слова:
«Пройду огонь и воду, зной и стужу,
Отдам, коль надо, Богу свою душу,
Клянусь, я своё слово не нарушу
И подниму детей, кровинок мужа,
Достойных светлой памяти отца!»

...Прошли года. И вырос новый дом
На месте дома молодого Кости.
И помнит деревенька о былом,
Погибших, вдов, рябины горькой грозди.

* * *

«Рай» мечтала видеть заграничный...
Лишь вдали от дома поняла:
Отчего ж весной стремятся птицы
Возвратиться в милые края.
...На чужбине солнце не сияет,
Хоть жара, но холодок в груди...
Всё чужое: быт и речь, и нравы —
Всё родное где-то там, вдали...
...Я себя почувствовала птицей,
Куликом, хвалящим ширь болот,
Когда лайнер над Москвой-столицей
Завершал на Родину полёт.

* * *

«Мороз и солнце; день чудесный!..»
Сюжет давным-давно известный.
Но та картина — в январе,
Теперь же осень на дворе.

Какая осень! Всем на диво!
Ласкает ветер шаловливо
Кудрей игривый завиток,
В замёрзшей лужице — листок.

Звонят листочки, как мониста,
Зима уж рядом, близко-близко...
Но ты ещё поцарствуй, осень,
Послушай, как тебя возносим!

* * *

Как живёшь без меня,
край родной, лебединый?
Я в тебе и с тобой,
я — былинка твоя.
Разлучила навек
нас с тобою судьбина,
ветер буйный
перо оторвал от крыла.
Надо мною
февральская выюга кружится,
снег колючий
горстями кидает в лицо...
А мне родина милая
ночью всё снится,
и берёзка у дома,
и родное крыльцо —
где на сердце покойно,
легко и светло.
...Отшумят, отгуляют
студёные выюги,
с шумом-гамом, с весельем
нагрянет весна.
Запоют ручейки,
защебечут пичуги,
возвратившись с чужбины
в родные края.
Так дождись же меня,
край родной, лебединый,
распахни для объятий
твои небеса...
Мне бы выбраться только
из этой стремнины,
ведь с тобой моё сердце,
я — былинка твоя.

БАБЬЕ ЛЕТО

Уже не юная кокетка
И не наивное дитя,
А женщина в самом расцвете,
Великолепия полна.

Нарядом пышным изумляя
И грациозностью коня,
Она до донышка вобрала
Огонь и пурпур сентября.

Она мудра: всё понимает,
Что быстротечен бабий век.

Седые волосы роняет
На пожелтевший сонный берег.

Давай, поцарствуй ещё, осень,
(Всегда разлука давит грудь)
И пусть дожди уже полощут —
Повремени ещё чуть-чуть.

* * *

Ветер вездесущий
Меж ветвями рыщет,
И листва стекает
Золотистой лавой.

Тополь обнесённый,
Голый, обделённый,
Лодочка без вёсел —
Игрища повесы.

А берёзки-свечки,
Не задул их ветер,
И горят, и светят
В этот грустный вечер.

Только сиротиной,
Грусть-тоской томимый,
Чёрный тополь слёзно
Смотрит вверх, на звёзды.

Тополь у дороги,
Руки тянет к Богу.
И дожди, и стужа
Пробирают душу.

ОЖИДАНИЕ

Слёзно с нами прощался
Ослабевший январь...
Видно, он не вписался
В график, созданный встарь.

Ах, бывые морозы,
Ползимы — студенец!
Повелитель наш грозный,
Где твой царский венец?

Сбилась, видимо, с курса
Не зима, не весна...

Или новости с Курска
Её сводят с ума?

Чтобы градус проверить,
Так в купальный сезон
Чистит в лужице перья
Пара бойких ворон.

И цветы расцветают,
Почки стрéльнут вот-вот...
Не Победного ль Мая
Ждёт с надеждой народ?

* * *

Где б не жил в мире народ КОМИ,
Но будет он язык беречь.
Тепло родительского дома,
Пермяцкую, родную речь.
И если родина далёко,
А ты услышишь говорок...
Так может лишь пермяк «пообкать»
(такими вышли за порог) —
И радуется встрече Бог!
Года идут... Когда-то, может,
Души уймётся непокой.
Без родины прожить возможно,
Язык родной — навек с тобой!

Игорь КРЕСТНИКОВ

«...И СОДРОГНЁТСЯ ДУШЕНЬКА В ПЕЧАЛИ». Каков есть человек, или Книга, которую всю жизнь пишет пермский писатель Виталий Богомолов.

Интервью

— Виталий Анатольевич, одна газета, читал, назвала вас «адамантом пермской литературы», я бы назвал патриархом. Не знаю, есть ли в крае ещё кто-то достойный по возрасту и заслугам на это звание. В любом случае — Мастер!

— Ну какой я «мастер», какой «патриарх»? Точнее будет сказать с ироничной улыбкой — ученик-переросток недоучившийся...

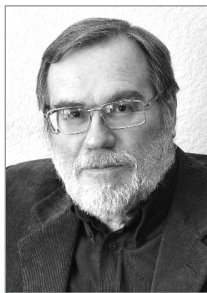
— Это вы-то «ученик-переросток недоучившийся»?! После службы в армии окончивший вечернюю школу, дневное (!) отделение филфака университета и оставленный там на кафедре, а потом работавший в книжном издательстве?

— Я ведь только учусь на писателя, как говаривал Виктор Астафьев в свои 75 лет... Меня тоже все годы мучает вопрос: за своё ли дело я взялся, справлюсь ли? И отстать уже никак не могу...

— Думаю, что Астафьев просто кокетничал на старости лет. Но это к делу не относится. Вы с ним встречались?

— Не думаю, что Астафьев кокетничал, уж слишком серьёзен он был в деле творчества... Встречался я с ним однажды, когда он забегал в издательство, где я тогда работал, и даже имел честь пожать руку живому классiku. Он был проездом, ездил навестить дочь Ирину, её сбил троллейбус. Но всё обошлось... Главный редактор Борис Гринблат не упустил возможности познакомиться с Виктором Петровичем. Но это было мимолётное знакомство, без развития. Таких знакомств у Астафьева был миллион с сотней...

Ещё было письмо от него, ответ на мой запрос о его печатных изданиях (о количестве, я как раз составлял справочник «Писатели Пермской области»). Почерк, мама дорогая!!! Не представляю, как Мария Семёновна разбирала его закорючки. Некоторые слова он

Игорь Викторович КРЕСТНИКОВ родился в городе Березники Пермского края. Окончил исторический факультет Пермского государственного университета (1984). В журналистике с 1980 года. Работал корреспондентом заводской газеты «Мотовилихинский рабочий», в областной газете «Молодая гвардия» (1982–1990) — от стажёра до заместителя редактора, обозревателем еженедельника «Капитал-Weekly» газеты «Звезда» (1998–2000). Основные темы публикаций: экономика, промышленное развитие Пермского края. Лауреат областного конкурса имени А. Гайдара (1990). Ответственный секретарь, зам. главного редактора краевой газеты «Звезда» (2000–2017). Член Союза журналистов (1985).

Источник: <https://peminfo.com/?reporters=krestnikov-igor-viktorovich-2>.

иногда сам не мог понять — торопливо гнал буквы вперёд, спешил. Что было, то было...

— *Ваше творчество, как я понимаю, началось со школьных лет — с ведения дневника?*

— В восьмом классе, из которого меня в середине учебного года исключили, как я теперь смеюсь: «за отличную учёбу и примерное поведение», — мне в руки попала книжка, в которой я вычитал, что дневник вести из ста человек через месяц продолжать будет только один. Я загорелся, стал вести дневник. Действительно, через месяц затею я «похоронил». Ну а после исключения из школы стало уже не до дневника. Этому предшествовало несколько побегов из дома (три), бродяжничество...

— *Попрошайничество. Меня поразило ваше откровение, что в двенадцатилетнем возрасте пришлось просить милостыню...*

— Есть захочешь — попросишь! Или голод принудит украсть. Состояние голодного человека, тем более подростка, — очень тяжёлое состояние. Это такая змеюка-гадюка в твоём организме, которая ежеминутно изгрызает, иссасывает изнутри весь организм, оставляя только одну мысль: есть, есть, есть! Многое можно перетерпеть, но голод...

В дни недолгого бродяжничества меня подпитывали, как я говорю, «кусочки коммунизма»: недолгое нововведение Никиты Хрущёва

Фото: Владимир БИКИМАНОВ

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ. Поэт, прозаик; член Союза писателей России (1990). Лауреат конкурса имени Василия Шукшина (1998). Лауреат премии Пермской области в сфере культуры и искусства (1999). Победитель конкурса православного рассказа в честь 2000-летия Христианства. Лауреат премии русского поэта А. Ф. Мерзлякова (2009). Награждён Почётной грамотой Министерства культуры РФ и Российского профсоюза работников культуры (2008). Кавалер ордена Достоевского I, II степени (2013, 2011). Родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области, где мама, осуждённая за «контрреволюционную пропаганду», отбывала срок с 1942 по 1952 год (реабилитирована в 1992 году). До четырёх лет воспитывался

в детском доме. После освобождении матери рос в деревне в Пермской области. Трудился в колхозе разнорабочим, пастухом, прицепщиком, комбайнёром... В 1967–1970 годах служил в пограничных войсках на границе с Китаем. Уволившись в запас, в Перми работал на заводах «Камкабель», «Гидростальконструкция». В 1978 году окончил дневное отделение филологического факультета Пермского государственного университета, работал в университете, затем в книжном издательстве. Писать начал в армии. Первый рассказ напечатан в 1978 году, публиковался в периодике (более 600 публикаций — рассказы, статьи, очерки, эссе, стихи) в различных журналах, коллективных сборниках. Автор тридцати отдельных изданий прозы и стихов.

бесплатного хлеба в столовых. Купив пятикопеечный (или трёхкопеечный?) стакан чая, можно было с ним наесться бесплатного хлеба. Да ещё и стырить кусочек-другой, спрятав в карман... Где-то в моих книжках это описано.

Теперь уже не стыдно признаться, как в бегах (голодный) я просил милостыню возле храма Всех Святых в Кунгуре, как возле церковной ограды разоткровенничался перед нишей. Она, собрав с подстилки подавание (яйца, печенье, булочки), повела меня от церкви под горку, в свою избушку по правую сторону от дороги. В доме нищенка преобразилась, это меня поразило: размотала лохмотья, в которые была одета, и оказалась обычной женщиной, не очень уж какая старуха. Она меня хорошо накормила... Через двадцать без малого лет случайно узнал, что эта женщина погибла в своём домике во время пожара ...

Мне было четырнадцать лет на момент исключения из школы. В вечернюю не взяли, там принимают с шестнадцати. Это был первый переломный момент: учителя от меня избавились, школа избавилась. Как говорится, сто дорог открывалось передо мной... Но я мог пойти по «кривой дорожке». И давно мои кости сгнили бы на каком-нибудь лагерном кладбище... Вот здесь я отвешиваю первый поклон земле-матушке. Мой земной путь мог тогда закончиться. Но Бог меня не оставил, не всуе будь Создатель упомянут. Вернулся из районного села Уинское, где жила моя сестра, в свою деревню Межовку Ординского района, которая стала для меня навсегда родной:

*Здесь моя родовая поставлена в Космосе точка,
И её не стереть никакой переделкою карт...*

— Однако как появилась тяга к писательству?

— На третьем году службы в армии вызрело решение писать повесть о своём уродливом детстве, каким оно у человека не должно быть. Скоро понял, что в моём случае семи с половиной классов маловато для написания повести. Принял твёрдое решение — после армии учиться. Но для этого необходимо было попасть в город. Удалось чудом «въехать» в Пермь. Микрорайон Гайва, заводы, вечерняя школа. Поступил сразу в девятый класс — терять время уже было жалко. Пришлось «попотеть». Но 11 классов окончил с хорошими результатами. Уже знал, для чего учусь, была Цель. Писал рассказы. В это время Максим Горький был моим кумиром — даже сына-первенца я назвал Алексеем!

— Я сразу хотел задать вопрос, что вам, судя по биографии, можно писать книгу «В людях» и «Мои университеты», но как-то неудобно было, а теперь вижу, что именно это — мой невысказанный вопрос — вы и подтверждаете. Вы такую книгу всю жизнь и пишете. Нет?

— Пожалуй, с вами можно согласиться — пишу, только масштаб личности поменьше, пониже и поуже, чем у Алексея Максимовича... Горький — крупный самородок. Да и среда у него была не колхозная, а колоритная купеческо-городская. Но и за то, что получил, я благодарен Богу.

...Работать на заводе, учиться в школе и писать было очень непросто. А тут ещё семья, ребёнок... Хорошо, что у нас была небольшая (метров десять-одиннадцать) комната в коммуналке — без горячей воды, без ванны, с привозным газом в баллонах.

А перед учителями вечерней школы я благодарно встаю на колени и кланяюсь им до земли. Это были люди-подвижники. Их фотографии висят у меня на стене. Вы представляете, приходит в девятый класс замшелый, ленивый 22-летний болван с семьёй с половиной классами, который слово «ещё» пишет с четырьмя ошибками (есть такой анекдот)...

— *Знаю такой. Слово «исчо».*

— ...Вот учи его! Они терпеливо учили, отёсывали. Побуждали. Возились с нами, как с детьми.

Зато за три года учёбы в вечерней школе я сделал для себя второе важное открытие: профессия Учитель в ряду всех профессий — вторая по значимости.

— *А первая?*

— Хлебороб. Пахарь. Это я понял тоже за три года, работая на комбайне. Но осознал, конечно, много позже.

— *Однако ближе к теме...*

— У каждого всё по-разному. Владимир Крупин уже в первых классах школы знал, что будет писателем. И стал. А у меня впервые размыто-осознанное желание стать писателем всплыло из потаённого уголка моей души, как я сказал, в армии. Но предшествовал этому, конечно, и некий накопительный период, сравнительный процесс, на который повлияла вся моя предшествующая биография, жизненный опыт, пусть и небольшой.

— *«Некое коромысло», по-вашему выражению... Которое вы с детства несли на своих плечах. И как понимаю, несёте до сих пор?*

— Это некий образ судьбы. И надо прилагать усилие для улавливания и удержания равновесия на этом коромысле!

Да, жизнь надела мне на плечи это приспособление, и я его тащил: в одном ведре железные минусы, в другом — пушинки плюсики. Если ведра наполнены одинаковым количеством того, что несёшь, ноша уравновешена и посильна, то тащить её нетрудно.

Огород, земля-матушка и пограничная закалка кормили мою семью и в студенческие годы, и в дни, когда погрузился в писательскую работу. А пробиться в литературу, в писательство в те годы было нелегко. Не жалею я, тащу ведро судьбы и трудом своим стараюсь их уравновесить.

— *Во как высокохудожественно и поэтично вы отвечаете! «Мои «неприлизанные» герои не всем были по душе», пишете вы. Кому всем? В чём была их неприлизанность?*

— Всем, от кого зависела судьба рукописи. Были идеологические власти, которым надо было угодить... А тут Фома — бомж с высшим образованием. Один очень хороший и известный писатель, потрясая

вытянутым пальцем над головой, показывая наверх, наставительно внушал мне негромко, чтоб другие не услышали: «Виталий, надо попортить им!.. Иначе так в «девках» и останешься...»

Но большие перемены уже стояли у порога... Я видел, что Россия погибает от пьянства. Московское издательство «Современник» хоть и приняло мою рукопись к изданию, но отметило, что в моих рассказах много пьют, и предложило почистить. Пришлось считаться.

А одна большая Дама от культуры отозвалась тогда о рукописи «Старые русские», что если такие рассказы издавать, то старики начнут вешаться... Там в одном рассказе у меня старик повесился.

В восьмидесятые годы я занимался в Литературном объединении, и очень благодарен нашим писателям за деятельную поддержку: Олегу Селянкину (такой заботы о писательской организации никто из руководителей не сумел больше проявить — давали квартиры, помогали издаваться, посылали по области с выступлениями), Николаю Вагнеру, Льву Кузьмину, Михаилу Голубкову, Николаю Домовитову, редактору Борису Зеленину.

Василий Иванович Белов переслал мои рассказы в журнал «Наш современник», и пусть их не напечатали, но жест его был для меня огромной моральной поддержкой.

— Я бы, насколько знаком с вашим творчеством, посчитал вас в чём-то последователем Олеши с его «Ни дня без строчки» или, точнее, Солоухина с «Камешками на ладони». Нет? Или Шукшина, не зря вы лауреат конкурса его имени... Впрочем, может, я вас этим своим вопросом обидел, вы-то идёте совершенно своим путём?!

— Нет, насколько не обидели. «Ни дня без строчки». Это, пожалуй, так, ручка для письма всегда рядом с подушкой. Бывает, что даже на ходу — в автобусе, электричке, по дороге от электрички на дачу делаешь какие-то записи-пометки, дабы что-то не забыть. Бумагами у меня вся квартира завалена... Но это, наверное, у всех прозаиков так... Оправдывая свою лень, говорю себе: ничего сам не выбрасывая, умрёшь — найдётся кому выбросить, а что Богу угодно — останется. Но тут нельзя быть самонадеянным.

Конечно, перечисленные вами писатели оказали какое-то влияние. И наибольшее — Василий Шукшин. На Всероссийском семинаре молодых прозаиков, который проходил в конце восьмидесятых в Доме творчества в Дубултах (это Латвия), кто-то из руководителей семинара отметил влияние Шукшина на мои рассказы. Но тут у меня есть непридуманное оправдание: творчество наше зарождалось в близких социальных условиях — деревня, колхоз, тяжёлая работа. Впоследствии мне удалось побывать на родине Шукшина: Барнаул, Бийск, Сростки. Это была большая жизненная удача. Дивные места России!

По рассказу Шукшина «Сураз» мною написана статья, которая вошла в сборник материалов Восьмой Всероссийской научной конференции. Сборник был издан дважды, в Барнауле и в Москве.

А идти я стараюсь, как вы точно подметили, своим путём.

— А вы сами кем себя больше считаете — прозаиком, поэтом, публицистом?

— Всем понемножку. Всё равно «в начале было слово...».

Питерский поэт Глеб Горбовский сказал: если из ста предложенных стихотворений вам понравились десять — перед вами поэт... Я не дерзаю считать себя поэтом. Прозаик я, прозаик. Хотя выходили у меня стихотворные сборники. А вообще писатель должен отзываться на жизнь шире — прозой, стихами, публицистикой; романами, повестями, рассказами, миниатюрами... Пушкин, Лермонтов, Бунин, Чехов, Горький и другие нам здесь пример.

Иногда несколькими строчками можно выразить дух эпохи, показать срез истории. Не пренебрегаю ничем. В литературе всему найдётся место: и «Тихому Дону», и «Камешкам на ладони». Просто надо всматриваться в Жизнь и не лениться осмысливать её... Сюжеты плывут по «Реке жизни», надо только заставлять себя вылавливать их...

— *«Заметьте, не я это предложил», как говорил герой известного фильма. Согласен, давайте разговаривать «по-гамбургскому счёту», а то: «Я ученик недоучившийся...» Пушкин, закончив «Бориса Годунова», сам себя похвалил: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» Про какую свою вещь вы можете сказать: «Ай да Богомолов!»? И не стесняйтесь, пожалуйста. Если сам себя не похвалишь, кто тебя похвалит...*

— «Среди душманов», «Душа плачет», «Божий адамант» — вот эти три вещи читатели наиболее выделяли. Но воскликнуть: «Ай да Богомолов!» — у меня духу не хватит.

— *Кажется, я нашёл определение тому, что вы пишете, — новеллы, нет? Какая-то новелла — давно задуманная — ждёт своего часа?*

— Задуманное — не написанное, может сотню лет ждать своего часа и не дожд...

— *У вас издавались брошюры, объединённые связкой «Мысли»: «Мысли о Боге, о вере, о церкви», «Мысли о нравственном состоянии общества», «Мысли о человеке», «Мысли о писательстве»...*

— Это как раз те плоды многолетних размышлений, которые приходят неожиданно, но являются на самом деле плодами порой длительной внутренней работы; кристаллизуются они незаметно, а возникают порой как пузыри на лужах во время дождя — неожиданно... Это своеобразные «записные книжки». Такое творчество на любителя... Мне этот жанр нравится.

Предполагалось, что издавать их можно для читателя карманным форматом. Но где он теперь, читатель?

Первая брошюрка выходила в 2014 году. А записи мыслей о Боге, о вере я веду всю творчески сознательную жизнь.

У дедушки была сестра Ирина 1901 года рождения, умерла в возрасте 83 лет. Была очень верующая и праведной жизни человек. Доживала она у моей мамы. Была абсолютно глухая, но ежедневно, хоть помаленьку да читала Евангелие. Я на это смотрел снисходительно — атеист, студент-филолог... После неё остался «Закон Божий» для реальных училищ, год издания, кажется, 1895-й, карманного

формата. Первое, что меня, как филолога, поразило — качество тонкой бумаги (но в наши дни уже ломкой, шитый переплёт). Стал я листать эту книжицу, смотреть, читать... Одна молитва просто восхитила меня (филолога) лаконизмом, глубиной смысла и силой воздействия. После она стала моей любимой молитвой: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины...»

Пришло время, и я узнал, что эта молитва была любимой молитвой М. Лермонтова. Он посвятил ей даже стихотворение гениальное: «В минуту жизни трудную, теснится ль в сердце грусть...» Так что поэты пушкинской поры не были безбожниками. Сомнения, конечно, у них бывали, но они, эти сомнения, опирались на веру.

Приведу здесь слова Ф. Достоевского (уж он-то, прошедший каторгу, знал подлинную цену этим словам!): «Не как мальчик же верую я во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла...» Вот такая важная для меня мысль может быть заключена в первой брошюре.

О содержании второй брошюры говорит само название: «Мысли о нравственном состоянии общества». Тревожное состояние нравственное, тревожное. Ведь от духовно-нравственного состояния людского общества на Планете зависит судьба и самой Планеты. Именно от этого зависит — пройдёт астероид мимо Земли или врежется в неё, превратив в безжизненный камень.

Третья — жажда обогащения лишает человека рассудка. Что бы с нами ни происходило, но это не снимает с нас ответственности оставаться человеком.

Четвёртая брошюра — мысли о писательстве на основе собственного опыта.

— *Сформулируете по одной короткой главной мысли — своеобразные четыре заповеди от Богомоллова? Я не против и десяти заповедей...*

— Если можно, я бы здесь предложил свой стих короткий, который станет объединяющим все четыре брошюры:

*Настанет час — всё потеряет смысл.
И содрогнётся душенька в печали,
И будет слишком запоздалой мысль,
Что жизнь не та осталась за плечами.*

А мне хочется пожелать всякому читающему эти строки: пусть за плечами останется ТА жизнь, наполненная смыслом, идущим от Создателя.

— *Ваше жизненное и творческое кредо?*

— Оно за годы работы не однажды трансформировалось, но суть его неизменна. Показать человека, каков он есть, и подтолкнуть его к желанию стать лучше. Стараться не наносить вред природе.

— *Вот вы, как я понимаю, служили в самое напряжённое время в погранвойсках на советско-китайской границе. У меня лично с тех пор отношение к Китаю осталось «песенно-высоцкое»*

(если можно так выразиться!): «У вас в Пекине мрачная погода» и «Тау-китайская братия свихнулась, по нашим понятиям», такое недоверие... А ваше мнение?

— Я в детстве любил китайские сказки. Китай для меня был страной-загадкой, страной древней культуры, тонкой музыки, изобретателем фарфора, шёлка, пороха... И на тебе — Мао Цзедун, примитивизм, тупой фанатизм...

В те годы Китай — это один метр ткани человеку на год. В сильные оптические приборы я не видел ни одного китайца в одежде без заплат... А вдоль границы у них были относительно зажиточные деревни. Да, свихнулись... Ненависть, жестокость невероятная. Тела наших ребят на острове Даманском были страшно исколоты штык-ножами. Да, свихнулись... В ненависти человек забывает, что он человек. На Украине мы сегодня видим это же.

— Какой вопрос я вам не задал?

— Как обустроить Россию? А её никак не обустроишь, если не «обустроить» человека. А вот чтобы обустроить человека... Пушкин, его поэзия, проза, публицистика — это тот духовно-нравственный и культурный потенциал, свод эстетический в грандиозном значении, с помощью которого и можно обустроить человека, ограничить его душу. Церковь этой темы касаться не любит. Но без Церкви в душу человека не войти.

— Специальная военная операция не подвигла ли на творчество? Надеюсь, муза не молчит?

— Не подвигла. Не могу видеть и слушать, что там происходит, сердце не выдерживает... Предлагаю посмотреть стих, написанный мной в 2001 году. Опубликован. В нём оказалось несколько «пророческих» строк:

Как ветер гонит облака,
как дико хлещется река —
 в душе тревога!
И льётся дождь и день и ночь,
шагать уже совсем невмочь —
 в грязи дорога.
Вот горе — рыщет по Руси...
Но сколько Бога ни проси
 ночной порою —
Создатель не услышит нас
и, падшим, милость не подаст:
 грехи — горою!
Разграблены монастыри,
стоят убитые цари
 немым упрёком.
И потому: в миру — разор,
а наверху — на воре вор...
 Всё вышло боком.
Поганый голливудский дух
растлил и юных, и старух —
 что ж, братья, с нами?

Вон девочка смолит табак
(пороков ранняя раба...) —
 очнись, славяне!
Увы, российские сыны,
не обойтись нам без войны,
 войны жестокой.
Не дрогнула бы лишь рука!
Ведь схватка будет нелегка —
 с грехом-пороком.

Игорь КАРНАУХОВ

ДОЛГОЖДАННЫЙ ПАМЯТНИК ДОСТОЕВСКОМУ ПОЯВИЛСЯ В ПЕРМИ.

Заметка

Писатель проследовал через город дважды...

Долгожданный, преодолевавший трудности памятник Фёдору Достоевскому был открыт в Перми в день 203-й годовщины со дня рождения писателя. Изваяние установлено в городском сквере Декабристов по соседству с пермским СИЗО N 1 (пересыльная тюрьма, где, высоковероятно, находился будущий всемирно известный прозаик, когда следовал на каторгу).

Хотя в 1850 году литератору, на тот момент осуждённому участнику кружка петрашевцев, не было тридцати лет, скульптор Алексей Матвеев изобразил его таким, каким он предстает школьникам всех поколений на страницах учебников: это зрелый, почти пожилой, умудрённый, много переживший человек. На плечи он накинул шинель — в этом прочитывается материализованное «Все мы вышли из гоголевской шинели», — одна рука при этом сжимает ещё знаменитое Евангелие, сопровождавшее будущего классика на каторге и в солдатчине...

Как напомнил на открытии председатель Пермского отделения Российского общества Достоевского, профессор университета, доктор филологических наук Олег Сыромятников, памятники этому классику ставят и в местах, где Фёдор Михайлович никогда не бывал; однако не так в случае с городом на Западном Урале.

Через Пермь Достоевский проезжал дважды. В 1850 году — первый раз, когда следовал в Сибирь, будучи осужден на четыре года каторжных работ за участие в организации М. В. Буташевича-Петрашевского. В пермском работном и смирительном доме ссыльно-каторжные размещались на ночь при этапировании через Урал. Сегодня судьба романиста отражена и в музее пенитенциарной системы, открытом при СИЗО недавно.

Девять лет спустя, в 1859 году, литератор той же дорогой следовал в обратном направлении. При втором посещении губерния понравилась ему гораздо больше.

«...Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привёл Господь увидеть обетованную землю. Пошли гулять в лесу, собирать

Игорь КАРНАУХОВ, журналист. Родился, учился, живёт и пишет в городе Перми. Выпускник Пермского государственного университета. Со СМИ профессионально связан с 1992 года. Работал в газетах «Молодая гвардия», «Пермские новости», «Звезда», в пермской редакции «Российской газеты», сотрудничал с рядом других изданий, был внештатным корреспондентом ТАСС. Ныне — сотрудник пермского исторического парка «Россия — Моя история», пресс-секретарь. Автор портала «Год/Литературы.рф». Член Союза журналистов России (1996).

землянику. Набрали порядочно. Великолепные леса пермские и вятские — совершенство. Но в Перми мало замечаешь пустырей по дорогам: всё вспахано, обработано, всё ценится» (из письма А. И. Гейбовичу).

Пермь, бывшая «воротами» в Сибирь для каторжан, навсегда осталась в памяти писателя. Город возникает у классика на страницах «Униженных и оскорблённых»: «Место-то ему, Иван Петрович, выходит, только как подумаю, что в Перми, так и захолонёт у меня на душе», — едва не рыдает героиня романа.

Случай с женой председателя пермской казённой палаты, декламировавшей в местном Благородном собрании «Египетские ночи» А. С. Пушкина в 1860 году, который вошёл в историю благодаря «безобразному поступку «Века» (некогда популярный журнал. — И. К.), упоминается и в «Преступлении и наказании», и в «Бесах».

Энтузиасты намеревались открыть памятник ещё к 200-летию со дня рождения романиста, но в 2021 году сумели поставить только закладной камень. С тех пор вёлся сбор пожертвований, и свой вклад в монумент совершили сотни горожан. Пермскую инициативу поддержали Российское Военно-историческое общество и Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество (Москва).

На открытии выступили губернатор края Дмитрий Махонин, глава Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества Анна Громова, митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий и другие официальные лица.

*Впервые опубликовано
11 ноября 2024 года на
портале Год/Литературы.РФ
([https://godliteratury.ru/
articles/2024/11/11/
dolgozhdannyj-pamiatnik-
dostoevskomu-otkryli-v-permi](https://godliteratury.ru/articles/2024/11/11/dolgozhdannyj-pamiatnik-dostoevskomu-otkryli-v-permi))
Фото автора*

*Любимый классик
в сквере у тюрьмы*

Сергей ТЕЛЕВНОЙ

ЖИТЬ РАДИ РАДИЯ.

Одноактная мелодрама периода частичной мобилизации

Действующие лица:

МАРАТ, мобилизованный, артист ТюЗа, 36 лет.

ИРИНА РОДИОНОВНА, мать Марата, учительница трудового обучения, 69 лет.

ДИНА, жена Марата, бухгалтер, 35 лет.

РОДИОН, он же Радий, сын Марата и Дины, 15 лет.

НАДЯ, одноклассница Родиона, 16 лет.

АРТУР, он же Арматур, одноклассник Родиона.

УПРАВДОМ, около 40 лет.

СЛЕСАРЬ (позывной), сослуживец Марата, отец Артура, 40 лет.

ДЕТДОМ (позывной), сослуживец Марата, 21 год.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Время действия — осень 2022 года, период частичной мобилизации. Квартира Марата. Мать пришла к нему заранее — вечером будут отмечать день рождения сына. Приглушённо работает телевизор — показывают новости о частичной мобилизации.

ИРИНА РОДИОНОВНА *(хлопочет по дому, щёлкает пультом, находит канал ретромузыки, звучит песня «Красноармейская», тихо подпевает)*. «...Были сборы недолги, от Кубани до Волги мы коней поднимали в поход...»

ДИНА *(вернулась из магазина с покупками)*. Здравствуйте, Ирина Родионовна... Вы уже вся в делах? Вот для стола закуплено...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Привет, Дина. Хозяйничаю без тебя. Готовлю для твоего мужа вкусняшки....

ДИНА. Я вот для стола закупила... А что это за песни такие древние?..

ИРИНА РОДИОНОВНА. Местное телевидение про Гражданскую войну запело...

ДИНА. Они могут быстро переобуваться... Вчера рэп гоняли, сегодня — патриотику...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Многогранные... Для отчёта — патриотика, по факту — тупое навязывание, чтобы молодёжь раздражать. А политически озабоченным намёк на гражданскую войну... Всем угодили.

Сергей Владимирович ТЕЛЕВНОЙ родился 16 января 1959 года на хуторе Графском Ставропольского края в семье колхозников. Литературой увлёкся со школьных времён. Начал публиковать стихи в районной газете «Ленинская правда» Моздокского района и в республиканской газете «Молодой коммунист». С 1991-го — в региональных изданиях. В 2013 году вышла книга «Ветер противоречий» (Кисловодск). Как литератор, соотносит себя с «реальными реалистами» — пишет о жизни простого человека. Тяготеет к «деревенщикам». Член Союза писателей России (2014), состоит на учёте в ПКОО «Союз писателей России» (Пермь). Живёт в городе Моздоке (Алания).

ДИНА. Ну, молодёжь телик не смотрит... Сейчас многие напряглись и без телика, мечутся. Мобилизация, хотя и частичная — не шутка...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Я за Марата спокойна. Кому артисты на спецоперации нужны?!

ДИНА. Да... Мне подружки теперь завидуют: муж — артист, значит не мобилизуют. А то посмеивались: что, мол, за работа такая — взрослый мужик в коротких штанишках на сцене...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Честно говоря, я и сама никогда не понимала выбор Марата. Отец его, когда мы жили вместе, хотел сына полиграфистом сделать. А потом, когда уехал в свой Глухоманск, так и алиментами не сильно баловал.

ДИНА. И Марат, в знак протеста, поступил в театральное училище. Он рассказывал...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Не в знак протеста. Тяга у него с детства была... Артист — звучит вроде как бы красиво. В школе, конечно, он был незаменимый: концерт провести, стихи прочитать. Все думали, раз сын учительницы, значит должен быть активным. А он и без этого был такой кипучий. Но взрослая жизнь — это другое... Не все становятся звёздами экрана.

ДИНА. Но Марик — лауреат международного конкурса.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Ну да... В школе и сейчас портрет его висит — «Наша гордость». Но что за работа?.. Да ещё в ипотеку вляпался...

ДИНА. Не вляпался. Всё просчитано, я же бухгалтер. А сын наш Родька гордится отцом. Говорит: мой папа — талант, человек-праздник... И я, кажется, до сих пор влюблена в него — красавец-мужчина!.. Хотя иногда хочется убить.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Вот про убийство — ты зря, Дина. Он мой сын, и ему только 36 лет.

ДИНА. Ладно, убивать не буду... Ещё не дорос до пушкинского возраста. Я пошла, а то Марик с Родькой меня заждались на аттракционах.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Всё не вырастете из коротких штанишек... К вечеру-то хоть вернитесь. Я уж приготовлю стол.

ДИНА. Аттракцион — это у моих такая традиция (*уходит*).

ИРИНА РОДИОНОВНА (*напевает*). «Были сборы недолги...»

Звонок в дверь. На пороге — управдом.

УПРАВДОМ. Здравсьте!.. О, Арина Родионовна, а я вас помню! Вы в нашей школе у девочек труды вели...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Здравствуйте... Я и сейчас преподаю... Только я Ирина Родионовна.

УПРАВДОМ. Моя сестра к вам на кружок рукоделия ходила. Они там вас называли Арина Родионовна, как бабушку Пушкина...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Няню Пушкина...

УПРАВДОМ. Какая разница... Я из управляющей компании. Марат меня знает. А он дома? Повестку надо вручить.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Какую повестку?..

УПРАВДОМ. Явиться в военкомат, для уточнения данных. Позовите Марата...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Его нет дома... Марат с женой и ребёнком на аттракционах.

УПРАВДОМ. На аттракционах? Ха... Ему надо завтра к 10 часам прибыть в военкомат. Да не бойтесь вы, Арина Родионовна.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Я Ирина Родионовна!.. И не боюсь... Марат простой артист.

УПРАВДОМ. Пусть диплом свой театральный возьмёт. Для уточнения военно-учётной специальности.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Я скажу ему, как он только вернётся...

УПРАВДОМ. Всё нормально, Арина Родионовна. Вы не бойтесь...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Я — Ирина Родионовна, я не боюсь, я тревожусь!.. Что он, уклонист какой?!

УПРАВДОМ. Не волнуйтесь. Мы найдём возможность вручить ему повестку лично. Его телефон у нас есть. Но вы тоже передайте ему... Вы же понимаете, вы же учительница...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Понимаю... До свидания.

Управдом уходит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Парк отдыха. Звучит музыка. По аллее идут Марат, Дина, Родион.

РОДИОН. Пап, твой днюха — приколдэсный день!

МАРАТ. Это значит прикольный и чудесный?

РОДИОН. Ты врубаешься... Короче, всё классно! Особенно мы *(смеётся)*.

ДИНА. Ну, вы у меня классные, мои любимые мужчины!

МАРАТ. О-о-о!.. Наконец-то мама призналась мне в любви. Родька, ты свидетель.

ДИНА. Ребёнок — не самый надёжный свидетель...

РОДИОН. Я давно не ребёнок, я — подросток!

ДИНА. Даже твой папа ещё ребёнок. В роль Буратино вошёл и не выходит...

МАРАТ. Мать, авторитет главы семейства подрываешь.

РОДИОН. Пап, твой авторитет даже противотанковой миной не подорвать.

ДИНА. Я вас люблю таких, какие есть, противотанковые вы мои.

МАРАТ. На один квадратный метр два признания в любви...

РОДИОН. Вот видишь, пап! Хотя и строгая у нас маманя, а всё-таки... Она и в школе тоже была такая... чёткая?

МАРАТ. Она была гордая и неприступная, прямо принцесса Диана.

ДИНА. Ну да, принцесса... Вместо тебя в классе полы мыла.

МАРАТ. Просто у тебя это лучше получалось. Ты же знаешь, творческие натуры возвышаются над бытом.

ДИНА. О, да!.. Воспаряешь так себе над бытом — над капающим краном, над зимней обувью, над ипотекой!.. Поэтому ты так любишь колесо обозрения, мой возрастной ребёнок...

МАРАТ. И поэтому я позитивный! И всегда хотел тебя веселить и нравиться тебе! Родька, я так сильно старался понравиться твоей маме! Ещё с восьмого класса!

ДИНА. Ты старался понравиться всем девчонкам...

МАРАТ. Ну, не без этого... Они же все — зрители.

РОДИОН. Талант и поклонницы!

ДИНА. Я это сразу заметила, как только в вашу школу перевелась.

МАРАТ. Мы, пацаны, тоже тебя заметили. Красотка такая...

РОДИОН. Пап, так ты за мамой с восьмого класса бегал?

МАРАТ. Ну, как бегал? Дружить хотел с ней, как мальчик с девочкой... С ней все хотели дружить...

РОДИОН. А у нас в классе с девочками никто не хочет дружить. Они все такие дылды!..

ДИНА. Что за выражение, Родион! И это говорит наш сын... У тебя же бабушка — учительница. Папа вроде творческая интеллигенция. Ну ладно, я — простая бухгалтерша.

РОДИОН. Ма, ну если они дылды... Я ж не сказал — кобылы...

ДИНА. Ужас!

МАРАТ. Девчонкам нравятся старшеклассники. Маме тоже нравился там один бык из 10-го класса — я помню. Кликуха — Коляныч.

ДИНА. Марат, ты что говоришь ребёнку?

МАРАТ. Он должен знать, что в жизни всегда возникают быки-Колянычи в самый неподходящий момент...

ДИНА. Тебе давно пора вычеркнуть Коляныча из репертуара... Уж Родьке-то о нём говорить ни к чему.

РОДИОН. Мам, я уже не ребёнок. А быки и в нашей школе быкуют, и на районе.

ДИНА. Ты же не понимаешь, о чём речь....

РОДИОН. Понимаю, не маленький. Нам классуха говорит: у подростков гормоны кишат везде, а от этого кипения голове создают вакуум. Физиология...

ДИНА. Какой ты продвинутый. А гормоны не подсказывают тебе, что не про физиологию думать надо, а налегать на точные науки? А то бабушке стыдно в учительскую заходить. Да и мама у тебя всё-таки бухгалтер — с математикой дружит. Или тоже будешь творческой интеллигенцией?

МАРАТ. Не вздумай, как папа — в артисты...

ДИНА. Марат, ну зачем ты так... У тебя талант. Я это понимаю и принимаю... Давай сегодня не об этом. Сегодня праздник!

РОДИОН. Ты у нас человек-праздник!.. Ты — талант!

МАРАТ. Правильно, сынок! Руби правду-матку...

РОДИОН. Ты — весёлый гений!.. Вот Артур-Арматур мне завидует. У него батя на мясокомбинате слесарем работает. Кликуха во дворе — Мясник. Как переклинит его после водяры, всем места мало...

МАРАТ. В жизни у каждого свой «переклин». Ладно, что это мы вдруг о грустном... Действительно, праздник же!

ДИНА. Пойдёмте на ваше любимое колесо обозрения. И я с вами, так уж и быть. Хотя так боюсь высоты...

МАРАТ. Взрослым никогда не поздно возвращаться в детство.

ДИНА. Смотри, и людей нет в парке, и очереди нет.

РОДИОН. Пап, это для тебя специально ограничили движение народа. Типа ты — почётный посетитель.

ДИНА. Сынок, ты сегодня в ударе!.. Сбегай лучше в кассу, билеты купи. *(Дает ему деньги.)*

Родион убегает.

ДИНА. Как ему хочется быть взрослым!..

МАРАТ. И как нам хочется быть детьми...

ДИНА. Не надо обобщать...

МАРАТ. Ну да, ты всегда была взрослая... Но детство людям

даёт надежду, что всё будет хорошо или отлично.

ДИНА. Ага... Отличное борется с хорошим и... побеждает.

МАРАТ. Случается и такое.

РОДИОН (*возвращается с билетами*). Сейчас поднимаемся на колесе обозрения — прямо в небо!..

МАРАТ. К невесомым облакам!

ДИНА. Наш папа — неизлечимый романтик. Невесомое облако весит 500 тонн, если что...

РОДИОН. Да ладно...

ДИНА. Вот спросишь у физички в школе. А пока поверь матери на слово...

МАРАТ. Родька, мама права, как мое правое полушарие... Надо ей верить.

РОДИОН. Придётся...

Садятся в кабинку колеса обозрения, поднимаются.

РОДИОН. Ух, какая машинерия! Аж дух захватывает! Пап, ты же высоты не боишься?

МАРАТ. Сынок, ты же знаешь, я начинал как воздушный гимнаст.

ДИНА. Пока не приземлился...

МАРАТ. Все приземляются. Не у всех мягкая посадка.

ДИНА. Надеюсь, сегодня будет мягкая посадка (*выглядывает из окна кабинки*). Ой, страшно смотреть вниз.

МАРАТ. Лучше — вверх!

РОДИОН. Сейчас поднимемся на самый верх и поздравим папу... Как говорится, на самом высшем уровне!

ДИНА. Лучше всё-таки ходить по земле. И там же поздравлять...

МАРАТ. Не смотри вниз. Отрываться от земли полезно. Зацени, какой вид!.. Точно — порог неба!

РОДИОН. Да, это супер, это жиза!.. (*Снимает на телефон город, делает селфи.*)

МАРАТ. Упс... СМСка из управляющей компании. Опять поднимают цены, что ли?

ДИНА. Цены индексируются раз в год — по закону. Это, наверное, с днём рождения тебя поздравляют. Формируют, так сказать, лояльность клиентов.

МАРАТ. Зачем формировать? Я управдома и так знаю. Билеты на премьеру доставал для его детей...

ДИНА. О, и мне из управляющей компании СМСка ...

МАРАТ. И что там?.. (*Читает СМСку, на экране изображение повестки. Меняется в лице.*) Вот тебе и порог неба...

РОДИОН. Пап, ты что такой стал?..

МАРАТ. Какой?

РОДИОН. Ну, как сказать... Слишком взрослый на лицо.

МАРАТ. Твоя мама говорит — пора взрослеть.

ДИНА (*читает сообщение у себя в телефоне*). Да уж, пора... Марик, что там у тебя?..

МАРАТ. Поздравление с днём рождения...

ДИНА. Серьёзно?

МАРАТ. Куда ещё серьёзнее... А у тебя что?

РОДИОН. Mam, что с тобой? Так высоты испугалась?

ДИНА. Испугалась... (*На экране — изображение повестки.*) Тут задолженность за ЖКХ. Грозятся штрафом.

МАРАТ. Ну что нам штрафы ЖКХа — чепуха и потроха! О-хо-хо-хо и ха-ха-ха... *(Пытается через силу развеселить жену и сына.)*
ДИНА. Опускаемся на грешную землю...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Накрыт праздничный стол. Участники застолья: Ирина Родионовна, Дина, Родион. Фон — телевизионные сообщения.

РОДИОН. Мам, а папа скоро будет? Что-то телефон молчит.

ДИНА. Скоро... У него дела важные.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Так, уже всё готово... Ждём именинника.

РОДИОН. А дедушка придет?

ИРИНА РОДИОНОВНА. Похоже, что не успевает. До Екатеринбурга из своего Глухоманска кое-как добрался. А оттуда на самолёте вылететь невозможно. Все билеты раскуплены.

ДИНА. Дичь какая-то... Народ валит в Казахстан, в Армению, а билетов нет в другую сторону.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Сообщающиеся сосуды.

ДИНА. И в магазинах с утра ажиотаж. Люди гребут всё подряд: мыло, крупу, консервы...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Паникёры хуже предателей... Это я ещё от своей бабушки слышала. Но она меня приучила всегда иметь запас на всякий пожарный. В девяностые это пригодилось. Мы не голодовали, как другие.

РОДИОН. Про голод — это ты, ба, вовремя... Я проголодался. Может, начать с торта?

ДИНА. «Птичье молоко» — на десерт, как и положено...

ИРИНА РОДИОНОВНА. И ты купила «Птичье молоко»? Я тоже... На дни рождения у нас это обязательно. Хотя сейчас «Птичьим молоком» никого не удивишь, как раньше...

ДИНА. Традиционные семейные ценности...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Не язви, Дина. Не время и не место... Лучше позвони ещё раз мужу.

РОДИОН. Я звонил — абонент недоступен.

ДИНА. Будет возможность — сам позвонит. Ждём...

Звонок в дверь.

РОДИОН. Я сам откроею... *(Вскакивает, бежит к дверям. Входит Надя.)*

НАДЯ. Привет, малолетка!

РОДИОН. Привет! Ты жива ещё, моя старушка-Надюшка?

НАДЯ. Надежда умирает последней, пора запомнить.

ДИНА. Когда надежда умирает, человек начинает действовать...

НАДЯ. Так то же человек... А Радий — безнадёжный. Я его расщеплю на атомы... *(Пытается стукнуть его ладонью по спине — Родион уворачивается.)*

ДИНА. Родька, ну действительно, как ты с девочкой разговариваешь?

РОДИОН. Пусть она скажет спасибо, что я мирный атом. А то бы... Недолго б мучилась Надюшка, и был бы полный Оппенгеймер.

НАДЯ. Опачки, с первого раза правильно выговорил. Какие познания! Аж страшно за весь класс, и за физичку тоже...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Так, тишина в классе! А то сейчас самые радиоактивные пойдут к доске.

ДИНА. Надя, а где отец с мамой?

НАДЯ. Они прислали меня, чтобы я дядю Марата поздравила. Папу срочно в командировку посылают, мама собирает ему вещи.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Ясно... «Были сборы недолги от Кубани до Волги...»

Звонок в дверь.

РОДИОН. Я сам открою. *(На пороге — Арматур.)* О, привет, Арматур! Заходи.

АРМАТУР. Радий, я у тебя перекантуюсь немного, пока пахан не заснёт?

РОДИОН. Без базара... Опять землетрясение?

АРМАТУР. Ну, типа... Батя чекулдыкнул водяры — повестку какую-то ему дали... Быкует, мы все попрятались по щелям...

РОДИОН. Сегодня без черепно-мозговых травм?

АРМАТУР. Успел увернуться... У пахана координация не та, если он того... *(Щёлкает себе по горлу.)*

НАДЯ. Что вы там перетираете, малолетки?

РОДИОН. Это мужской разговор.

НАДЯ. Я непечатными буквами тоже припечатать могу, если что...

РОДИОН. Эх, Надюха, у тебя, видно, совсем непруха...

НАДЯ. Радий, ты труп.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Дети, марш за стол... У Марата — безалкогольный день рождения. Взрослые в курсе, да?

Все усаживаются за стол.

ДИНА. А взрослые только мы, Ирина Родионовна...

НАДЯ. Вау... Получается, подростковая днюха у возрастного дяди Марата.

РОДИОН. Всё норм. Он же у меня не мамонт пермского периода, он ещё молодой!

ДИНА. Ну да... Я и говорила: хорошо не выходить из детского возраста.

НАДЯ. А можно я тост скажу — папа просил передать...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Тосты — по старшинству. За моего лучшего сына, за гордость школы!

ДИНА. За любимого мужа!

РОДИОН. О, мама сегодня третий раз в любви папе призналась...

НАДЯ. Тебе ж, малолетке, сказали — по старшинству.

РОДИОН. Это не тост. Это объективная реальность.

АРМАТУР. Радий, у тебя правильный батя, без вариков!.. Мой тоже нормальный, но как чекулдыкнет, ё-моё... Да ещё эта повестка... А так-то — нормуль.

РОДИОН. За моего батю, лучшего в мире отца!

НАДЯ. Я с малолетками не спорю — лучший батя, значит лучший. Мой отец передал, что дядь Марат — лучший друг! Пусть всегда будут папы!

ИРИНА РОДИОНОВНА. «Пусть всегда будет солнце...» Так мы пели в детстве... Дети и дети наших детей — вы наше солнце!

ДИНА. Пафосно, конечно, но приятно... Может, и на невесток это распространяется...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Распространяется.

Шум в прихожей. Входит Марат.

РОДИОН. Папка! Ура!!!

ИРИНА РОДИОНОВНА. Сынок!.. Ну слава Богу...

ДИНА. Марик, руки мой, и за стол...Пойдём, я тебе полотенце дам. *(Целует Марата, уходит вместе с ним, о чём-то шепчутся.)*

ИРИНА РОДИОНОВНА. Ну вот, теперь по человечески поздравим нашего Марата Родионовича! Марик, ты скоро?

МАРАТ. Я здесь, мам! Ну, молодая поросль — молодцы, что пришли!

НАДЯ. Дядь Марат, мы тут решили: пусть всегда будут папы!

МАРАТ. Правильное решение.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Марик, ты сегодня герой торжества... *(Не сдерживается, начинает плакать. Дина тоже вытирает слёзы.)*

РОДИОН. Я, по ходу, не врубаюсь... Что за атмосферные осадки?

МАРАТ. Нет причины для слёз! Сегодня же праздник.

РОДИОН. Ну да. Личный праздник моего отца. А он сам — человек-праздник! А вы тут... в слёзы.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Марик, вкратце: как дела? Вопросы решил?

МАРАТ. Мам, всё норм!.. Вопросы решил, хотя сначала... задавал их сам себе. Были даже варианты: Ереван... Ташкент...

ИРИНА РОДИОНОВНА. И?..

МАРАТ. И я выбрал наш военкомат. Завтра к 10 часам.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Марик, ты же всего лишь артист?

МАРАТ. Я главный режиссёр своей судьбы.

ДИНА. Так пафосно... Театр продолжается.

РОДИОН. Пап, и что всё это значит? Поясни!

МАРАТ. Сынок, ну... меня мобилизуют в агитбригаду. Я же артист...

ДИНА. Какая ещё агитбригада, что фантазируешь?

МАРАТ. Я принял решение. Обсудим не при детях. Для них я «Птичье молоко» прикупил.

ДИНА. Это уже третий торт. Ничего не слипнется? *(Вытирает слёзы.)*

МАРАТ. Надо же жизнь подсластить...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Отцу сообщил? Он добирается из своего Глухоманска.

МАРАТ. Да, созвонились. Таксисты взвинтили цены. Нашёлся какой-то шабашик на «Газельке». Везёт мигрантов, они ринулись в наш город. И отец — вместе с ними. Номер «Газельки» на всякий случай записал. Мам, пошли на кухню. Дина, ты с нами?

Взрослые уходят.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

В комнате Родион, Арматур, Надя.

АРМАТУР. Ну, я тоже пойду. Пахан, наверное, уже спит. Он быстро засыпает после этого *(шёлкоет по горлу пальцем)*. Чуть побукует, и — отбой...

РОДИОН. Подожди, Арматур. Что я один с Надюхой и тремя тортами буду делать?

НАДЯ. Оба-три торта будем есть... А что ещё делать? Эх, испортить фигуру, что ли?..

АРМАТУР. Ну ладно... Если торт... Потом Надюху я могу сам проводить.

РОДИОН. Проведёшь, проведёшь... Я вас расколол. Короче, хотел спросить, пока мы одни. Вы что мутите, что-то недоговариваете? Что за повестки, что за командировки?

НАДЯ. Тебе ж сказали, повестки в агитбригаду.

РОДИОН. Ага... И твоего батю электрика, и пахана Арматура — слесаря... — тоже в агитбригаду?

МАРАТ *(возвращается)*. Сын, ты уже взрослый, всё понимаешь... Потом расскажу. А пока, молодняк, все — на поглошение торта!

НАДЯ. Ну, рискну талией!..

АРМАТУР. Надюха, ты костями гремишь. Какая талия?

РОДИОН. Да она вся сплошная талия!..

МАРАТ. Эй, пацаны, что за обращение к барышне?

НАДЯ. Ладно, дядь Марат, я им прощаю. Конкретное отставание в развитии. Если что, я не сказала, что они дебилы...

МАРАТ. Но торт-то они способны разрезать?..

НАДЯ. Разве что это... Каждому по способностям.

АРМАТУР. Ё-моё, ты такая умная — до безобразия.

РОДИОН. Короче, вы отклонились от темы!

АРМАТУР. Батя тебе всё пояснит. Вон, даже Надюха понимает...

НАДЯ. Я что, тупая и недоношенная?

РОДИОН. Не, ну тебе же сказали — умная до безобразия. Про недоношенность — это к родителям...

НАДЯ. Ну ф-ф-фсё! Вы — трупы, оба-два! Берегите свой роговой отсек!

МАРАТ. Разговорчики в строю!

Звонок в дверь.

РОДИОН. Пап, я сам открою *(убегает)*... Это к тебе. *(Кричит.)* Управдом!

МАРАТ. Заходи, гостем будешь...

УПРАВДОМ. Я на минуту... Формальности кое-какие. Марат, завтра к 10 часам в военкомат... Для уточнения данных.

МАРАТ. Я в курсе... СМС-ками засыпали... Где тут автограф ставить? Ага...

РОДИОН *(озабоченный, испуганный)*. Завтра? Повестка на... войну?

УПРАВДОМ. Для уточнения данных... Не бойся ты.

РОДИОН. Я не боюсь. Но папа же просто артист. А как же агитбригада?

МАРАТ. Родька, потом обсудим... *(Обращается к управдому.)* Да ты проходи. У меня сегодня день рождения.

УПРАВДОМ. Уважение, конечно, окажу! Ты же лауреат, практически заслуженный артист республики.

РОДИОН. Ещё не заслуженный... Но талантливый, как народный артист!

УПРАВДОМ. Соглашаюсь... Спектакль твой обалденный! Дети мои в улёте были. Ещё хотят!.. Спасибо, Марат, за билеты. Ах, да... Вот деньги. Забыл сразу отдать ...

МАРАТ. Да оставь... Это подарок твоим детям. Так... у нас стол безалкогольный...

РОДИОН. Только сок «Сады Арктики»...

УПРАВДОМ. Это правильно... А то я на работе... А вы — дети...

РОДИОН. Подростки...

УПРАВДОМ. Ну, это на ходовую часть не влияет. Раз безалкогольный стол, значит и тост такой...

НАДЯ. Пусть всегда будут папы!..

УПРАВДОМ. Точно... (*Пьёт сок.*) Но старших не перебивай...

АРМАТУР. Она последний раз.

УПРАВДОМ. Ну, я пошёл. Тебе завтра — к 10. Театральный диплом не забудь. Э-э-э... Марат, на минуту.

МАРАТ. Ну что ещё?

УПРАВДОМ. Я тебе ничего не говорил. Но через сутки — мобилизация... Короче, вали куда глаза глядят...

МАРАТ. Валишь? Не... А как сын, семья? Я — неваляшка. Я принял решение.

УПРАВДОМ. Бывает... Когда нас, управляющие компании, позвали в военкомат разносить повестки, там один такой тубик оказался. Всё требовал, чтобы ему повестку выписали вне очереди. Да, может, ты его и знаешь. В пятом подъезде детдомовским квартиры давали — он оттуда.

МАРАТ. Ну да... Детдомовские — пацаны своеобразные... Как-то были у нас в театре, кресла порезали... Скандал знатный случился.

УПРАВДОМ. Вот я и говорю — вали... Ты артист, а он кресла режет...

МАРАТ. Там как раз отчаянные нужны, оторвы...

РОДИОН. Пап, ну ты скоро?

МАРАТ. Иду... Итак, молодняк, к поеданию торта будьте готовы!

АРМАТУР. Всегда готовы!

МАРАТ. Что вы такие серьёзные?

НАДЯ. Торт — это хоть и красиво, но серьёзно...

РОДИОН. Торт — это праздник!

НАДЯ. Тёмный вы народ, малолетки. Торт — это углеводы, красители, разрыхлители, лишний вес и кариес. (*Показывает зубы.*)

АРМАТУР. Ну не ешь, я твою порцию схаваю...

НАДЯ. Ага, приготовь хлеборезку...

МАРАТ. Так, молодняк! С лица убрать тухляк, и всё будет ништяк!

НАДЯ. Вау... С лица убрать тухляк, и всё будет ништяк!

ВСЕ ВМЕСТЕ. С лица убрать тухляк, и всё будет ништяк! (*Смеются.*)

РОДИОН. Ну вот и агитбригада...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сутки спустя. Мать собирает Марату солдатский рюкзак.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Да, сутки пролетели, а толком не собрались... Бедному жениться — и ночь коротка. Мой бедный Марат... Вот ты и солдат...

РОДИОН (*входит в пижаме, только что проснувшийся*). Почему бедный? Ничего он не бедный... Доброе утро, ба!

ИРИНА РОДИОНОВНА. Доброе... Ну да, конечно, твой папа —

не бедный Марат. Твой папа — богатый Марат. У него есть талант, есть ты, жена, я...

РОДИОН. И дедушка... А он скоро придет?

ИРИНА РОДИОНОВНА. Что-то у дедушки не срывается...

РОМАН. Жесть... Вот и про папину агитбригаду что-то не срывается... Я всю ночь думал. Это сказка для взрослых.

ИРИНА РОДИОНОВНА. На фронте артисты тоже нужны. Боевой дух поднимать.

РОДИОН. У папы, если что, получилось. Он — талант!

ИРИНА РОДИОНОВНА. Таланты надо беречь. Но мы, кажется, не уберегли.

РОДИОН. Других тоже мобилизуют. Вот отца Надюхи, бату Арматура, который с мясокомбината.

ИРИНА РОДИОНОВНА. С земляками служить легче.

РОДИОН. Это понятно... Кажется, папа проснулся...

Слышится шум, из своей комнаты выходят Марат и Дина.

МАРАТ. Доброе утро, родня!

РОДИОН. Привет, родители!

ИРИНА РОДИОНОВНА. Марик, отец что-то пишет? Где он?

МАРАТ. Прислал СМС-ку. Мигранты что-то узнали по своим каналам и повернули «Газельку» обратно, его на полпути ссадили. Ловит попутку.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Вот это поворот... И отца не увидишь.

ДИНА. Что-то пошло не по сюжету... «Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты!» А может, в поликлинику? Может, больничный взять?..

МАРАТ. Дина, ну мы же это обсуждали. Вопрос закрыт. «Были сборы недолгие...», как поёт наша Ирина Родионовна.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Да у нас — как раз долгие сборы... Ну, кажется, собрались. Я тут две пары носков связала за ночь — из козьего пуха. Уложила их в рюкзак сбоку.

МАРАТ (*пробует на вес рюкзак*). Ну, целый вещевого склад... Нам сказали, что мы всем будем обеспечены...

ДИНА (*озабоченно*). Носков много не бывает.

МАРАТ. Вы что, родственники, с утра такие понурые? (*Приобнимает мать и Родиона.*)

ИРИНА РОДИОНОВНА. Какие есть... Родственников не выбирают.

ДИНА. Это только жён выбирают.

МАРАТ. Не понял юмора.

ДИНА. А я без юмора, всё по-серьёзному.

РОДИОН. Пап, у нас с чувством юмора нормально... Всё пучком!

ДИНА. Родья врожденный оптимист...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Да и мы не пессимисты.

РОДИОН. Отец, я тут тебе хотел сказать что-то...

МАРАТ. Что, сын мой?

РОДИОН. Я тоже хочу побриться. Станок дашь?

МАРАТ. Конечно! Могу лично твой пушок сбрить!

РОДИОН. Я сам!.. (*Уходят.*)

ИРИНА РОДИОНОВНА. Ну вот, ещё один мужчина подросток... (*Плачет.*)

ДИНА. Если усы под носом заколосились, значит мужик... Надо брить. Это типа инициации.

Возвращаются Марат и Родион. Подросток поглаживает «усы».

ИРИНА РОДИОНОВНА. Оба — как огурчики.

ДИНА. Борьба с сорной растительностью под носом проведена успешно?

РОДИОН. Мам, это не сорная растительность, это полезная.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Побрился первый раз, и рад до смерти!

РОДИОН. Но я решил совсем не умирать...

МАРАТ. Правильное решение... Ты же продолжатель рода!

РОДИОН. Пап, это прям как в книгах!

ДИНА. А ты знаешь, как в книгах? Родька, я думала, что ты только «тик-ток» читаешь.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Мы от темы урока отклонились...

МАРАТ. А какая сегодня тема?

ИРИНА РОДИОНОВНА. Как талант должен себя вести в экстремальных условиях.

МАРАТ. Это про меня, что ли?

ДИНА. Про тебя, про тебя... Талант в экстремальных условиях не должен изображать героя. У таланта есть семья, которой он нужен.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Дина уже начала понимать, что ей всё-таки повезло с мужем...

ДИНА. Я этого никогда не отрицала, хотя и не сообщала на каждом углу... Марат, ты правда хороший... Мне вон с утра звонила соседка — мать Арматура. Плачет, говорит: «Я своего баламута не отпущу. Он только пьяный дурак дураком. А так-то работага, хозяин, всё — в дом, всё — в дом...»

МАРАТ. После дембеля тоже в дом притащу декорации, бутафорию всякую... И юпитер.

РОДИОН. И будешь сиять в лучах юпитера!

ДИНА. Марат, ты, главное, возвращайся. Не геройствуй. Ты нам нужен без декораций, без бутафории.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Конечно, вернётся... Матери рожают детей, чтобы стать для них ангелами-хранителями. Марик, я твоя хранительница!

РОДИОН. Бабушка энергетическое поле создаст!

ДИНА. Энергетическое поле — это, конечно, хорошо. Но бронежилет и каску лишний раз не снимай.

МАРАТ. Есть, товарищ командир!

РОДИОН. Пап, правда, носи каску и бронежилет. Обещай, что будешь беречь себя и обязательно вернёшься.

МАРАТ. Обязательно вернусь. Я же всегда выполнял свои обещания.

ДИНА. Хотя и с задержкой...

РОДИОН. Пап, мы будем сильно-сильно ждать!

ДИНА. Всё! Времени мало... Скоро военкоматский автобус подъедет...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Завтракаем и одеваемся. «Были сборы недолги от Кубани до Волги...» (Напевает сквозь слёзы.)

МАРАТ. Только без слёз! (Звонок телефона у Марата.) Алло, отец, ты? Ну слава богу! Через сколько будешь?.. Тогда к военкомату сразу подъезжай... До встречи!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

В подвале разбомблённого дома бойцы — Марат, Слесарь, Детдом.
Только сменились с поста. В помещении — импровизированный стол,
ящики из-под снарядов.

СЛЕСАРЬ (*пытается соорудить лежанку*). Эх, молоток бы —
сколотить нормальную лежанку. У меня в слесарке на мясокомбинате
какого инструмента только нету...

МАРАТ. А, вот почему ты выбрал позывной «Слесарь». У нас во
дворе тебя Мясником зовут — не в обиду сказано.

СЛЕСАРЬ. Знаю... Если на мясокомбинате, значит — Мясник.
А я слесарь. Без меня цех остановится, отвечаю...

ДЕТДОМ. И мясо перестанут делать (*смеётся*).

СЛЕСАРЬ. Долбанавт ты, а не Детдом. Сейчас выкину тебя из
подвала, сам сделаешься пушечным мясом... Пока командир отделения
не дал слова, молчи лучше.

ДЕТДОМ. Так точно, товарищ сержант... Но я не долбанавт.

МАРАТ. Что вы сцепились? Сейчас будет «прилёт», и останется
от нас только биологический материал. На том свете и разберётесь —
кто долбанавт, кто алконавт...

ДЕТДОМ. Артистам тоже перепадёт, если что... А вообще, по-
чему у тебя погоняло «Радий», а не «Артист»?

МАРАТ. Не погоняло, а позывной. Поясняю для особо одарён-
ных. Сам я — Марат Родионович, сын у меня Родион, его в школе
называют Радий. Так что я всё время как бы и с сыном, и с отцом.
Мои родственники, конечно, переборшили с Родионами, ну как
есть...

ДЕТДОМ. А я думал: ты типа радиоактивный... Вот я детдомов-
ский, потому — Детдом.

СЛЕСАРЬ. Без роду, без племени, значит... Ясное дело: отца-
мать не знает, детей не завёл.

МАРАТ. Ещё заведёт, какие его годы...

СЛЕСАРЬ. Если успеет... Ты-то, Радий, успел. Но не перетру-
дился, одного сына сделал. А у меня четверо детей. Двое от первой
жены, двое — от второй...

ДЕТДОМ. Значит, бросил детей, товарищ сержант-слесарь...

СЛЕСАРЬ. Я детей не бросаю. С женой можно развестись, а с
детьми как разведёшься? Хоть и живём не вместе, я им всегда помо-
гаю, чем могу... Моим старшим двойняшкам скоро по восемнадцать...
Жена бывшая мозг выносит: забери их совсем. Говорит: твои гены
твердолобые, вот и воспитывай...

ДЕТДОМ. Отдай в детдом, пока не поздно. Там воспитают...

СЛЕСАРЬ. Я сам воспитатель. В бубен дал одному, энергетик
хлестать перестали оба... Хотел на мясокомбинат пристроить, а
тут — самому повестка. Я бегать не стал со справками, типа — много-
детный отец. Мне-то и самому уже сороковник, и детей — четверо.
Дочка вот недавно народилась, годика нет. Ну и Артур — с твоим
Родькой учится...

МАРАТ. Артур-Арматур... Крепкий орешек...

ДЕТДОМ. А я сам за повесткой пришёл, плакать по мне не-
кому... И бабки хорошие срублю. Накоплю, после дембеля сделаю
ДНК-экспертизу.

РОДИОН. Зачем это тебе?

ДЕТДОМ. Как зачем? Я же не из пробирки появился. Может, у меня отец районный прокурор. Говорят, сильно похожий... Может, он над моей матерью надругался.

СПЕСАРЬ. Скажи ещё — губернатор твой отец... Долбонавты плодятся только от алконавтов.

ДЕТДОМ. За такие слова надо ответку держать...

СПЕСАРЬ. Перед долбонавтами, что ли?

ДЕТДОМ. Сорок лет — ума нет и не будет... Видно, умирать сержанту не страшно...

СПЕСАРЬ. Ты это мне?! Щенок!.. *(Набрасывается на Детдома.)*

МАРАТ. Вы что, офигели?.. *(Растаскивает дерущихся.)* Поубиваете друг друга, кому статистику улучшите?

СПЕСАРЬ. Помирать не страшно. Но по-тупому ласты схлопнуть не собираюсь...

ДЕТДОМ. И жить по-тупому тоже запаadlo.

МАРАТ. У кого как получается... Давайте спать. Устал как собака.

Все устраиваются спать. Вдруг — свист снаряда, неподалёку гремит взрыв.

СПЕСАРЬ. О, началось... Гаубица, «три топора».

ДЕТДОМ. А может, это снаряд с обеднённым ураном?

МАРАТ. Погаси фонарик, обеднённый ты наш...

ДЕТДОМ. А что! Где радий, там и уран...

СПЕСАРЬ. Опять несёшь пургу! Сейчас сюда будет прилёт.

Свист снаряда, взрыв рядом, сыплется штукатурка, часть потолка рушится

ДЕТДОМ. Ё-моё... Трындец нам, заживо похоронили...

СПЕСАРЬ. Не писай кипятком... Сейчас арта отработает, будем выход искать... Да и взводный знает, где нас откапывать.

МАРАТ. Если что, то человек под землёй может прожить и неделю, и две.

СПЕСАРЬ. Всем жить хочется, хоть под землёй!

МАРАТ. Умереть так бездарно нельзя. Это как предательство детей... Мы же для чего-то в эту жизнь пришли и для чего-то детям жизнь дали...

СПЕСАРЬ. Грамотный ты рассуждать. Самое время и место понять: для чего мы пришли? Вот ты, Радий, в театре бегаешь в коротких штанишках. Петрушек и Чиполлинов изображаешь... Ты для этого пришёл в эту жизнь? За Детдома уже не говорю...

МАРАТ. Я?... Чтобы детям радость нести. Этого разве мало?

ДЕТДОМ. Артист, он как бы бесполезный, но нужный. Мы были когда-то в вашем театре... Весь детдом привозили...

МАРАТ. Ну вот видишь! И как? Понравилось?

ДЕТДОМ. Смешно было. Это — да... Мы ради прикола кресла порезали...

СПЕСАРЬ. Я же говорю, долбонавт...

ДЕТДОМ. А может, не ради прикола, а из-за обиды. Всем детям каждый день — праздник, а нас один раз в год вывезли... Не по чесноку.

МАРАТ. Помню этот случай с креслами. Скандал был знатный... Но сейчас не об этом. Задача другая — выбраться отсюда. Это тебе не кресла потрошить.

СПЕСАРЬ. Слушай команду! Детдом, вот в эту щель только такой тюбик, как ты, пролезет. Выберешься, сообщишь взводному, где нас откапывать.

МАРАТ. Броник свой сними, не пролезешь...

ДЕТДОМ. Броник не отдам. Мне его мои детдомовские с «гумкой» передали. Бронежилет пятого класса защиты — практически непробиваемый. Мне надо выжить. Вы уже пожили, у вас дети есть, а у меня нет. Не по чесноку.

МАРАТ. Ты же в бронике в эту щель не пролезешь...

ДЕТДОМ. Ладно, Радий, тебе — отдам. Если всё нормально будет, после дембеля всему детдому куплю билеты в твой театр. Только чтобы настоящий праздник был.

МАРАТ. Будет, Детдом, и на твоей улице праздник...

ДЕТДОМ. Отвечаешь?

МАРАТ. Отвечаю...

Детдом с трудом пробирается в расщелину между завалов.

СПЕСАРЬ. Не... Этот Детдом точно долбонавт... Думаешь, доберётся до наших?

МАРАТ. Обязательно... Хотя бронежилет ему не помешал бы...

СПЕСАРЬ. Если всё нормально обойдётся, я после дембеля в деревню свалю. Вывусь из этого скворечника. Тем более квартира не моя, а жены. Я в примаках живу. К земле меня тянет. Дом построю, заведу коз пуховых, овец...

МАРАТ. Козы, овцы — это правильно. Вот перед отправкой мать мне связала носки из козьей шерсти. Всегда ноги в тепле и сухие.

СПЕСАРЬ. Эт самое... Радий, я про твой театр, про Чиполлинов не со зла говорил... Без обидняков. Ты прав — детям нужны и праздники, и сказки.

МАРАТ. Все мы большие дети... Кто — в театре, кто — в слесарке, кто — в детдоме...

Ещё один «прилёт» снаряда — прямо на подвал.

Всё рушится. Темнота.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Прошло полгода. Квартира Марата, он вернулся из госпиталя, сидит перевязанный. Здесь же — его мать Ирина Родионовна,

Дина, Родион.

ИРИНА РОДИОНОВНА (плачет). Мой бедный мальчик, мой бедный Марат... Как же тебя искалечило...

МАРАТ. Да не бедный я... Как раз наоборот. Всё самое ценное — при мне... Голова на месте, хотя и контуженная. Руки-ноги срастаются. Это, считай, бутафория. Я же обещал бутафорию-декорацию...

ДИНА. Муж, ты неисправимый юморист, хотя эта шутка не самая удачная.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Марик, мы тебя так ждали! Мы ложились спать с молитвами и вставали утром с молитвами.

РОДИОН. Пап, ты настоящий герой...

МАРАТ. Сынок, это ты у меня герой...

РОДИОН. Почему это я?

МАРАТ. Без объяснения причин — просто герой моей жизни.

ДИНА. В данном случае твой папа прав.

РОДИОН. Как моё правое полушарие.

ДИНА. Это у тебя наследственное...

ИРИНА РОДИОНОВНА (Марату и Родиону). Смотрю на вас обоих — две капли воды. И движения, и улыбка...

ДИНА. А кто-то когда-то Колянчика приписывал...

МАРАТ. Дина, ну дело прошлое. Ревность — от любви... Знаете, у меня такое ощущение, что Родька — это я пятнадцатилетний.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Ему практически шестнадцать... За эти полгода Родька и возмужал, и в учёбе подтянулся, задачки по математике шёлкает... Без репетитора. Мне в учительскую не стыдно заходить. Стал таким ответственным.

ДИНА. Особенно ответственно он относится к усикам. Бреет свой пушок как настоящий.

РОДИОН. Мам, ну если они растут, что поделаешь?!

МАРАТ. Уже, конечно, и на одноклассниц заглядываешься?

РОДИОН. Да они все как дылды... Вымахали, блин.

ДИНА. А вот здесь ты неисправим. Как так можно говорить о девочках модельного роста? Папа в твоём возрасте уже мог красиво ухаживать...

РОДИОН. Ну, Надюха, конечно, ничего... Но они с Арматуром что-то замутили, да и старуха она — уже шестнадцать лет стукнуло...

ИРИНА РОДИОНОВНА. Надя умница. Напросилась, чтобы я её научила носки вязать. А потом своих подружек подтянула. Даже детдомовские ко мне на кружок рукоделия приходят. Я не успевала их на уроках обучать...

ДИНА. Может, невестка будущая.

РОДИОН. Ма, ну что ты придумала? Она старуха и дылда!

ДИНА. Сын, ты вроде бы в интеллигентной семье воспитывался... Бабушка — учитель, папа — творческий работник.

РОДИОН. Папа у меня герой! А Надюха — дылда, хотя и любимая ученица у бабушки. Такова реальность, как ты говоришь.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Что это мы всё не о том... Марик, расскажи, как там?

МАРАТ. Там... нормально. Но дома лучше! Всё ещё не верится, что вы рядом...

ДИНА. Теперь у вас за норму что считают?

МАРАТ. Ха-ха. Вот когда сутки под завалами пролежишь, а потом тебя откапает — вот это норма! Значит, жизнь продолжается, всё нормально. Хорошо, Детдом, пацанчик с нами служил. После второго прилёта выбрался из-под завала. Добрался до наших и привёл спасателей. А так бы — братская могила со Слесарем... Это отец Арматура, ну, мясник который.

РОДИОН. Арматур говорил, что его бату замкомвзвода поставили.

МАРАТ. Да, со Слесарем всё нормально... Ни одной царапины. Я — в госпиталь, он остался во взводе. Сейчас там с Детдомом строят всех новобранцев на подоконнике...

ДИНА. Говорят, на войне быстро взрослеют...

МАРАТ. Говорят... Ладно, что это я, как седой ветеран, в воспоминания ударился! Вы-то как тут жили без меня?

ДИНА. Жили, не тужили, а пахали. Некогда было тужить.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Сыновей ждать с фронта больше, чем мужей... Работой слёзы сушили. Даже твоя железная Дина плакала.

ДИНА. Да, плакала... Ну почему только наши воюют? Почему другие жируют? Несправедливо...

МАРАТ. Оставь, Дина!.. Сейчас вот другие воюют... А мы здесь сидим, радуемся.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Наверное, каждый должен прочувствовать горе, тогда что-то сдвинется...

ДИНА. Некоторые предпочитают чувствовать его на расстоянии — кто в Анталию улетел, кто в Ташкент... Вон наш управдом в Ереване обосновался...

РОДИОН. Он какой-то темнило...

МАРАТ. А я хотел его детям билеты в театр подарить...

ДИНА. Так его дети с женой здесь остались.

МАРАТ. Да?.. Значит, он рано или поздно вернётся... На чужбине несладко.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Вернутся все. Кто не вернётся, значит... не вернётся.

Звонок в дверь.

РОДИОН. Я сам открою...

Слышны голоса Арматура и Нади.

АРМАТУР. Ё-моё... Ты чё не отвечаешь?

РОДИОН. А... Телефон на беззвучке.

НАДЯ. А я смотрю в окно, во дворе какая-то движуха. Глядь — дядь Марик на костылях. Звоню Артурчику... Он ничего не знает.

АРМАТУР. Мы тебе звоним... Ты молчишь.

РОДИОН. Ну, заваливайте... Отец мой вернулся! Герой!

НАДЯ. Дядь Марик, здравствуйте!

АРМАТУР. Ё-моё! Дядь Марат, здрасьте. Я знаю, вы с батей моим были, вас завалило взрывом...

МАРАТ. Так получилось... Привет, мой юный слесарь.

АРМАТУР. Слесарь? А, ну да... Батя писал, что у него позывной теперь «Слесарь». Это лучше, чем Мясник.

МАРАТ. Слесарь, батя твой, настоящий мужик!

НАДЯ. А папу моего видели?

МАРАТ. Да, видел, мы же в одной роте. Всё нормально у него. Говорит, носки тёплые дочка прислала — сама связала.

НАДЯ (смушаясь). Ну, было дело...

АРМАТУР. Я тут хотел сказать... Батя мой тоже в отпуск едет, его медалью «За отвагу» наградили. (Показывает награду в телефоне.)

НАДЯ. Как классно! Поздравляю!

МАРАТ. Да, батя твой — отважный.

НАДЯ. Пусть всегда будут папы — с медалями или без медалей!

ИРИНА РОДИОНОВНА. «Пусть всегда будет солнце», как мы пели в детстве...

РОДИОН. Пусть всегда будем мы!

МАРАТ. Обещаем быть всегда! У нас здесь ещё много задач.

ДИНА. Ну да... Творческих... Родька, вот отец твой поставит спектакль про всё это.

МАРАТ. И будет он называться «Жить ради Радия».

ДИНА. Пафосно, конечно, но, по существу, верно.

ИРИНА РОДИОНОВНА. Мы все живём ради кого-то...

Занавес.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 37

Автор проекта,
редактор-составитель
Художественный редактор
Корректор

В. В. Якушев
С. Э. Неведомская
Н. Н. Семукова

Подписано в печать 08.07.2025. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Souvenir. Бумага ВХИ.
Заказ N 159319. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание авторами ФИО, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнение может не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6052610-4-9

9 785605 261049 >

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8-951-959-00-93.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 42/3.

ISBN 978-5-6052610-4-9

9 785605 261049 >